

"В погоне за миражами"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лэйси Дансер

В погоне за миражами

Глава 1

— Мне до сих пор не верится! — радостно воскликнула Лоррейн Дэйтон Сент-Джеймс, блестящими от восторга глазами посмотрев во главу стола, где сидела рядом со своим женихом вторая из ее приемных девочек. Повернувшись направо, Лоррейн положила ладонь на руку Каприс, своей первой дочери, с улыбкой добавив: — Я боялась, что мой план не поможет! А он принес такие плоды...

Остро ощущая на себе взгляд молчаливого мужчины, сидящего напротив, Каприс беспокойно подвинулась к матери, стараясь спрятать нервозность за маской внимания. Он, несомненно, наблюдал за ней, наблюдал весь день, в течение церемонии бракосочетания, да и потом, когда все фотографировались. Вот и теперь, в ресторане, он опять не спускал с нее глаз. Пусть он коллега Киллиана и явно пользуется его уважением, но он выводит ее из равновесия.

— Каприс, ты меня не слушаешь, — тихо сказала Лоррейн, и ее радость слегка померкла при виде напряженного лица дочери. — С тобой все в порядке?

Беря себя в руки и мысленно проклиная незнакомца, мешавшего ей уделять все внимание близким. Каприс заставила себя не думать о том, как действует на нее его присутствие. Сегодняшний день принадлежит ее сестре Силк, и Каприс намерена им насладиться. Она посмотрела на мать, стараясь улыбнуться как можно непринужденнее. Пристальный ответный взгляд Лоррейн послужил ей прекрасным предупреждением, подействовавшем лучше всяких слов. Каприс незаметно вздохнула. Она не сердилась на мать за ее радость, но не готова была выслушивать намеки в свой адрес. Ее жизнь шла не слишком хорошо, но не стоило признаваться в этом Лоррейн.

— Пожалуйста, не рассчитывай на то, что мы все теперь бросимся к алтарю. Силк всегда отличалась оригинальностью, — пробормотала Каприс.

Лоррейн хлопнула ее по руке, явно успокоенная таким ответом. На секунду вид у Каприс стал почти затравленным, а Лоррейн добивалась вовсе не этого.

— Я ни на что не рассчитываю. Но надеюсь. Я знаю, ты была недовольна мной, когда уезжала из Филадельфии. Тебе пришлось пойти на большие жертвы.

Каприс услышала в словах матери умоляющие нотки. Лоррейн так редко о чем-нибудь просила — несмотря на то, как много она дала ей и ее сводным сестрам! Каприс постаралась успокоить мать, хотя ее слова и были неискренними.

— Мне действительно пришлось кое от чего отказаться, — честно призналась она. — Возможно, я немного закоснела в своих привычках. Ты так считаешь. Да и Силк тоже. Надеюсь, все изменится теперь, когда я стану жить, не пользуясь влиянием имени Сент-Джеймсов. — Она наклонилась, чтобы поцеловать мать в щеку. — Только не жди, чтобы я нашла себе мужа, как Силк. Я на такую стремительность не способна. Ты ведь помнишь: я медлительная и осмотрительная.

Лоррейн заглянула в глаза старшей дочери. Каприс больше других сердило ее вмешательство в их жизнь.

— Ты меня простила?

Улыбка далась Каприс легче, чем она опасалась.

— Да. Через пару дней ярость прошла. Я ведь уже не та буйная мятежница, которую ты когда-то взяла в дом. Я научилась справляться со своей вспыльчивостью. Год я продержусь. — Стараясь не смотреть на сидящего напротив мужчину, она бросила взгляд на своих младших сестер, Леору и Ноэль, расположившихся чуть дальше по ту же сторону стола. Те негромко переговаривались. — Мы все продержимся. Ты хорошо поработала над нами, хоть нам и много осталось еще пройти.

Лоррейн просияла.

— Я так рада, милочка! Мне было очень тревожно. Я не хотела ранить кого-то из вас, но просто ума не могла приложить, как мне заставить вас пересмотреть вашу жизнь.

— Ну, ты нашла очень оригинальный способ заставить нас встряхнуться, когда попросила в качестве подарка на твое семидесятилетие на двенадцать месяцев полностью отказаться от всего нам привычного, — сухо согласилась ее дочь.

Лоррейн негромко рассмеялась, впервые почувствовав уверенность в том, что ее самая нацеленная на деловой успех дочь станет немного мягче и перестанет быть тем настороженным зверьком, в которого ей пришлось превратиться в своем нелегком детстве, где были только нарушенные обещания, ночные побеги и неуверенность в будущем. Иначе Каприс просто не смогла бы выжить.

— Стараюсь, как могу.

Каприс негромко рассмеялась, как всегда не устояв перед юмором матери. При этом она чуть наклонила голову и снова встретилась взглядом с молчаливым соседом напротив. Смех не смолк, но искреннее веселье из него ушло.

Рэндал Куинлен по прозвищу Куин удержал ее взгляд, заметив происшедшую в ней перемену. Необыкновенная девушка, решил он, наблюдая за тем, как она поддерживает разговор с матерью, несмотря на свою реакцию на его взгляд. По немногословным рассказам Силк он представлял ее совсем другой. Когда Каприс отвернулась, он поднес к губам бокал. Недоверчивая. Это ему нравится. Ему не хотелось, чтобы она досталась ему слишком легко. Будь это так, она оказалась бы не той женщиной, которую он дожидался все эти годы. И хотя его лицо оставалось бесстрастным, мысленно он подсмеивался над тем, как небеса распорядились его судьбой.

В Атланте он оказался потому, что хотел вернуть долг Киллиану. И Силк, и Киллиану, и ему самому угрожала опасность. Но они выстояли. Куин вспомнил, как вокруг них суетились полицейские, Киллиан прижимал к себе Силк, а он нагнулся, чтобы подобрать содержимое ее сумочки, рассыпавшееся по полу, и замер: С фотоснимка, упавшего в темную лужу высыхающего машинного масла, на него смотрело лицо Каприс. Он секунду стоял, глядя на него, не в силах поверить тому, что наконец произошло. Силк дала ему первую подсказку, упомянув, что у нее есть сводная сестра. Следующим свидетельством оказалось желание, охватившее его тело, которым он владел слишком хорошо, чтобы не понять, насколько сильным должно было быть чувство, нарушившее его обычное самообладание. Сумочку он вернул Силк, но фотографию Каприс оставил себе.

Свадьба стала удобным поводом встретиться с нею.

Фотография не солгала, но действительность была гораздо лучше. Каприс оказалась высокой — в туфлях на каблуках в ней было почти шесть футов роста. Она держалась с царственным достоинством, высоко подняв голову, взгляд зеленых глаз был прямым и открытым. А вот голос у нее оказался отнюдь не величественным, хотя она и пыталась сделать его таким. У нее была привычка не договаривать концы слов в бесполезной попытке скрыть природную глубину и мелодичность своей речи. В голосе слышалось легкое пришепетывание — словно она приглашала слушающего подойти поближе. Насколько он мог судить, ей самой это свойство совсем не нравилось. Каждый раз, когда в ее речи пробивался интимный призыв, она чуть хмурилась и поспешно исправлялась. Эта леди определенно была полна противоречий, решил Куин, продолжая наблюдать за ней. Вдруг она повернула голову и сузила глаза. Он ждал, удивляясь, насколько сильное влечение пробудило в нем столь обыденное выражение лица. Обычно, когда он хотел чего-нибудь добиться, его терпение не знало границ. Но эта женщина, которую он желал так, как никогда и ничего еще не желал, серьезно испытывала его терпение своими взглядами искоса, служившими вызовом, несмотря на то, что она совершенно явно хотела прямо противоположного.

Каприс не отводила взгляда, решив, что на этот раз добьется, чтобы первым отвернулся он. Чуть покачивая бокал с вином, она заметила перемену в его взгляде, переставшем быть просто пристальным. В глубинах серебристых глаз появилось новое выражение. Ее нетерпеливо-беспокойные движения вдруг затихли: взгляд, сказавший ей «Вот я тебя и поймал», заставил ее застыть неподвижно. Никому не удавалось тронуть ее так, как это сделал он, — одним только взглядом. Он слишком сильно на нее действовал, и ей это вовсе не нравилось. Каприс знала его имя. Рэндал Куинлен. Даже это было слишком. У него все было слишком. Он был слишком высоким — по крайней мере на шесть дюймов выше шести футов. Слишком тихим. Он почти не говорил, но все время наблюдал. Слишком настороженным. Эти светлые глаза замечали все разговоры и перемены вокруг. Слишком выдержанным. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего выражения лица, ни одной пустой улыбки ради приличий.

Каприс с трудом сглотнула. Оказавшись жертвой собственного решения не показывать слабости, она не могла отвести взгляд. Звуки веселья вдруг куда-то ушли. Мир, в котором вдруг остался лишь он один, измерялся теперь каждым его вдохом, каждой волной отклика, медленно наполнявшей ее существо, как капли дождя наполняют высушенную солнцем землю. Запах его тела задержался в ее памяти: терпкий, экзотический, дорогой. Его тепло, которое она ощутила в момент единственного прикосновения, осталось на ее коже, словно невидимое клеймо, напоминающее ей о том, что они соприкоснулись, плоть к плоти. Первобытность. Вот подходящее слово для того, что произошло. Первобытным было все. Ее реакция. Желание. Этот человек. Она сама.

Она невольно широко раскрыла глаза. Не в ее характере проявлять эмоции, будь они примитивными или любыми другими. Прошлое научило ее смирять свои реакции, желания, поступки. Она переделала себя, стала уверенной и спокойной, привыкла всегда вести себя правильно, управлять своим будущим. Никакое чувство, пусть даже самое неожиданное, в конце концов не играет никакой роли. В глазах Каприс сверкнула решимость, и она вызывающе вздернула подбородок, глядя ему прямо в глаза. Это действовало беспронизительно.

До сегодняшнего дня. В его взгляде промелькнуло восхищение, поразившее ее. Большинство мужчин, да что там, все мужчины, вызвавшие ее неудовольствие, скисали от такого взгляда. Неожиданно стены, которыми она окружила себя за эти годы, из кирпичных превратились в бумажные. Ее подхватили легкие крылья давно забытой слабости, обладавшей страшной разрушительной силой. В мягком свете ресторанных ламп стало заметно, как побледнело ее лицо. Смех и голоса окружающих царапали ее, словно выпущенные когти. Каприс подняла голову еще выше, выражая непокорность, не скрывая страх, но делая его не таким постыдным.

Он приподнял брови, и это легкое движение подчеркнуло его странные серебристые глаза. Это был знак уважения! Он чуть заметно приподнял бокал, приветствуя ее и брошенный ею вызов.

Каприс ответила таким же жестом, изумляясь тому, с какой легкостью она понимает его, не обменявшись с ним ни единым словом. Ее страх все увеличивался — страх, посеянный этим человеком, которого Киллиан, ее новый родственник, называл своим другом и которого одна лишь Силк могла заставить улыбаться. Каприс наблюдала за тем, как его губы ласкают хрусталь бокала, а глаза продолжали неотрывно наблюдать за нею. Содержимое бокала медленно соскальзывало ему в рот и задерживалось в теплой темноте, где он наслаждался им с негой и заботой любовника, а потом невероятно осторожно поглощал. Эротика... Ее пальцы сжались на ножке бокала, а губы вдруг пересохли до боли. Когда он встал, держа бокал в руке, она невольно подалась назад, уверенная, что он разгадал ее желание, которое она сама едва могла понять, и что он направляется к ней. Нервничая и злясь, она напряглась, готовясь к сражению. На мгновение он замер, одними глазами следя за ее реакцией. Потом повернулся к началу стола.

— Тост, — объявил он с легким акцентом, и его негромкий голос легко перекрыл шум и привлек всеобщее внимание. — За Киллиана и Силк, которым посчастливилось найти друг друга в этом мире разбитых надежд и нарушенных обещаний. И которым хватило мужества бороться за свое счастье, оберегая его всем лучшим, что в них есть. Пусть с вами всегда останется радость этого дня!

И он поднял свой бокал.

Каприс поднялась вместе с остальными. Ее взгляд был устремлен на Силк и Киллиана, но мысли сосредоточились на том, что сказал Куин. Поэзия и цинизм. Странное сочетание — как странно все в этом человеке. Она подняла узкий бокал, глядя, как встает Силк, вложив свою руку в руку Киллиана, и как в ее глазах горит нескрываемая любовь. Силк заполнила собой пустоту в ее сердце, она всегда первой из сестер бросалась навстречу жизни. И, ощутив первое тонкое прикосновение к небу великолепного сухого шампанского, Каприс призналась себе, что для нее такая отвага немыслима: она никогда не сможет бросить то, что ей знакомо, ради неизведанного. Она не идет на риск, не любит неизвестности и тех людей, которые слепо кидаются в завтра. Она должна знать. Она должна верить. Ей необходимо за что-то держаться. Одних чувств мало. Она слишком хорошо узнала, как глупо доверять неощутимому. Снова усаживаясь за стол, она намеренно не смотрела на Куина. Кем бы этот человек ни был для Силк и Киллиана, она не допустит, чтобы он стал кем-то для нее самой.

Куин стоял позади гостей, прощавшихся с Киллианом и Силк, наблюдая за остальными членами семьи невесты. Он мало разбирался в семьях, но вот в поведении людей — прекрасно. Эмоции всегда глубоко его интересовали. Логика была истиной, данной ему в восприятии: предсказуемой, полезной. Понять образ мыслей мужчины или женщины значило получить ключ к тому, какие решения они будут принимать. Но эмоции вносили в это элемент непредсказуемости, поскольку нарушали динамику принятия решений. Эмоции могли придавать сверхчеловеческие силы или делать беспомощным даже Геркулеса. В тех семерых, которых он видел сейчас, было понемногу того и другого. Киллиан и Силк связало чувство, называемое любовью. Так же, как и Лоррейн с Джеффри. Но Ноэль и Леора, младшие дочери Сент-Джеймсов, похоже, этой тайной пока не владеют.

И наконец, его взгляд устремился на Каприс. Каприс тоже не знает любви. Каприс, с ее насмешливым именем и серьезным видом! Каприс, чьи холодные зеленые глаза анализируют всех и вся, служа ее блестящему уму. Никаких чувств не видно в этом ясном взгляде: ни тени

сомнений, ни радости жизни, которая играет в озорных глазах Силк. Но в нем нет и робкой настороженности, заметной в Леоре и Ноэль. Только логика жила в этой прекрасной женщине с пепельно-русыми, скрученными в тугую узел волосами и такой фигурой, что перед ней восхищенно преклонил бы колени даже святой. Ее одежда скрывала, окутывала тело тканью и тайной. Маскировка. Его губы изогнулись в улыбке. Все это не имело значения. Он сделал выбор. Он проследил за напряженной линией ее позвоночника, зная, что она чувствует на себе его взгляд. Она будет сопротивляться. Он это понимал. Она будет готова воспользоваться любым оружием. Он сознавал это. Она не станет его признавать. Да что там — их борьба уже началась. Но и это не имеет значения. Он опустил взгляд на свои руки и шрамы, которые их украшали. Он разбирается в борьбе лучше, чем она. Он знает, что такое поражения и победы. И что такое защита, созданная голыми руками, цепким разумом, хитроумием и отчаянием.

Он снова поднял взгляд и посмотрел мимо Каприс: последний раз улыбнувшись родным, Силк и Киллиан сели в лимузин. Вскоре они уже будут в аэропорту, откуда его личный самолет увезет их на медовый месяц на его остров. Весь следующий месяц у него не будет дома. Но сейчас это было для него неважно. У него другие планы — планы, в которые не входит возвращение в его прибежище. Он снова посмотрел на Каприс, отступившую от тесной группы родственников и оказавшуюся ближе всех к нему, — странно одинокую среди родных, с которыми ее явно связывала любовь. Непонятная реакция — еще одна сторона ее личности, и он твердо намерен ее узнать.

Каприс повернулась и поймала на себе его взгляд. Неожиданно события этого дня, жажда любви, которую пробудило в ней счастье Силк, и пристальное внимание Куина превратились во взрывоопасную смесь. Ее самообладание вдруг испарилось. В глазах блеснул гнев — чувство, которое она сдерживала слишком долго. Сжав кулаки, Каприс отчаянно старалась справиться со своим желанием ударить его — и сумела удержаться.

— Прекратите! — прошипела она.

Ей казалось, что жар его тела обволакивает ее. Она подняла голову, возмущенно глядя на него, больше не скрывая раздражения, которое его внимательный взгляд вызвал в ней с первой минуты их встречи. Куин выжидающе смотрел на нее:

— Прекратить что? — негромко спросил он.

Его мягкий бархатный голос показался Каприс нежным прикосновением к ее плечу. Из всех сил она боролась с чувством, которое непонятно откуда вызвал в ней этот незнакомец.

— Вы смотрите на меня так, словно я вам принадлежу.

— Вы прекрасно читаете мысли.

Каприс не ожидала, что он ей ответит, и ее глаза удивленно распахнулись.

— Вы это признаете?

Страх вернулся, настоятельно требуя осторожности, бегства. На первое она была готова, на второе — нет.

Куин увидел ее страх и был изумлен им. На секунду он засомневался. Однако не успел он передумать, как страх сменился гневом.

— Я никогда не лгу. — Он покачал головой, немного досадуя на себя. — По крайней мере, я

никогда не буду лгать вам.

— У вас не будет случая, — огрызнулась Каприс.

Она была настолько выбита из колеи, что забыла следить за тем, что говорит. Не успели эти слова сорваться с ее губ, как она уже пожалела об этом, — не из-за того, как он отреагировал, а потому, что сама терпеть не могла терять самообладание. Она знала, какова цена таких ответов, не раз платила ее. И дала себе слово больше никогда этого не делать.

Куин обхватил пальцами ее запястье, ощутив под золотистой кожей отчаянно быстрый пульс.

— Не надо! — приказал он и чуть встряхнул ее руку, требуя внимания.

Не замечая его прикосновения. Каприс моргнула, глядя ему в лицо.

— Не надо — что? — прошептала она. Почему ее охватывают эти странные чувства? Почему именно сейчас? В ее жизни не за что уцепиться, нечем отогнать страх перед будущим.

— Не надо вспоминать прошлую боль. Это ничего не дает. Только делает настоящее темным.

Каприс мысленно отгородилась от него и попыталась отстраниться.

— Отпустите! — выдохнула она, вдруг заметив, что он держит ее за руку.

Он опустил глаза и один за другим разжал пальцы, позволив ей выскользнуть на свободу.

Каприс сразу же засунула руку в карман юбки, стараясь не обращать внимания на тепло, оставшееся от его прикосновения. Но не обратить внимания на его слова было нельзя:

— Вы сами не знаете, о чем говорите.

Страх грыз ее душу. Его лицо смягчилось. Даже не зная причины ее испуга, он понимал, что такое страх и что такое отвага.

— Знаю. Когда-нибудь я даже расскажу вам, откуда я знаю. Но не сейчас. Вы мне не верите. Да и себе тоже, если уж на то пошло.

Каприс покачала головой, отступив на шаг, а потом еще и еще.

— Уходите.

— Я готов послушаться вас во многом. Но в этом — не могу.

— Не хотите.

Он всмотрелся в ее лицо, видя там смятение и тревогу. Совсем недавно на нем не было никаких чувств, а теперь их стало чересчур много. Скольких вещей она еще не знает, не умеет управлять их ходом... и при этом ясно видно, что ей отчаянно хочется ими управлять, а может, ей это просто необходимо для того, чтобы остаться в живых. Трудный урок. От кого она его получила? И это он тоже в конце концов узнает.

— Да, не хочу, — согласился он. За спиной родные начали поворачиваться, что бы включить Каприс в общий разговор. Продолжая смотреть на нее, он отступил, выходя из магического круга. — Я почему-то сделал вам больно. Мне пока уйти?

— Не понимаю, о чем вы. Мне все равно, останетесь вы или уйдете.

Не задумываясь, она солгала дважды.

Он улыбнулся:

— Отвага и вызов. Неотразимо.

На секунду эта улыбка показалась Каприс бесценным даром, а в следующее мгновение родные уже окружили ее. Но Куин остался, беседуя с ее отцом, очаровал ее мать и каким-то образом сумел разговорить застенчивую Леору. И с Ноэль он вел себя с такой естественной мягкостью, что Каприс невольно снова и снова смотрела в его сторону, пытаясь отыскать какую-то зацепку, какую-то разгадку парадокса, который она ощущала, но не могла даже сформулировать. Она не обнаружила ничего определенного — только новые и новые вопросы. Сперва возникает любопытство. Затем проходит время и все заканчивается близостью. Столько вопросов надо задать! Но она этого не сделает. Ее отвага — слово, которым он ее проклял, — будет бутонем, который так и не расцветет. Мысли Каприс трепетали над цветком, пробуя его цвет, его фактуру, но оставляя его на стебле. Завтра взойдет солнце. Со временем бутон завянет и умрет. Как и должно быть. Куин — это риск. Это было то небольшое, что она действительно поняла в этот странный день.

Глава 2

— Вы меня избегаете.

Каприс резко обернулась и увидела бесстрастное лицо Куина. А она-то была уверена, что сумела от него скрыться!

— Нисколько, — быстро ответила она.

Он покачал головой, запоминая все оттенки выражения ее лица. Раз она не позволяет ему узнать ее с помощью слов, он обойдется тем, что сможет обнаружить самостоятельно — по крайней мере пока.

— Я не думал, что вы меня испугаетесь.

Она резко выпрямилась так, что, несмотря на невысокие каблуки, стала ростом полных шесть футов. Хотя вряд ли это имело значение. Рядом с Куин она все равно чувствовала себя маленькой, по-женски хрупкой и, как это ни странно, незащищенной. Все эти три чувства были ей невыносимы.

— Я не испугалась! — решительно возразила она.

Куин внимательно смотрел на нее, чуть нахмутив брови. Если бы он так пристально не наблюдал за каждым ее движением, то не заметил бы, как она нырнула в туалет, пока все рассаживались по лимузинам, чтобы вернуться в отель. Куин намеревался уехать с ними. Как шафер Киллиана, он должен был позаботиться о том, чтобы перед, во время и после церемонии все шло гладко.

— Тогда почему вы попытались от меня сбежать? — спросил он.

Каприс бросила на него быстрый взгляд. Казалось, он до бесконечности готов был дожидаться, пока она придумает убедительный ответ.

— Мне просто надо было заглянуть в дамскую комнату.

— Я мог бы возразить, что на это редко уходит сорок пять минут.

Каприс поморщилась:

— Надо было предвидеть, что вы из тех, кто все замечает. — Она вздохнула, глубоко и театрально. Она-то надеялась, что с помощью этой уловки сможет избежать конфронтации. Но единственное, чего добилась, это поставила себя в глупое положение. — Ладно. Вы меня вынудили: я не хотела на вас наткнуться, а поскольку вся моя семья охотно вас приняла, рассчитывать на это было нереально.

Куин кивнул, несколько не смутившись ее откровенностью. Он так и думал. Он снова обхватил ее запястье и нащупал пульс, заметив, как под его прикосновением тот сразу же ускорился. В ее взгляде вновь появился страх, на этот раз более сильный, более настоятельно требующий его внимания. Ее реакция причинила ему боль — неожиданно сильную. Он принял и это, как следующий этап того, что его ждет.

— Я обещал себе и вам быть честным. Но это вас смутило, правда?

Он смотрел ей в глаза, находя там больше правды, чем в ее словах. Страх снова был разбавлен гневом. Он выжидал, готовый в любую секунду изменить себя и свои поступки в соответствии с ее потребностями. Его бдительность и умение ждать были следствием давней подготовки, привычками, усвоенными настолько крепко, что они стали неотъемлемой частью его существа, такими же, как мышцы и кости.

— А вы считаете, что я должна считать себя польщенной тем, что вы мне чуть ли не прямо сказали, что я — ваша собственность? Из какого века вы явились? — парировала она.

Но как бы ни сильна была ее воля, ей не удалось полностью спрятать за своими словами страх, который он в ней пробуждал. Не приходилось сомневаться в том, что он восхищен ее внешностью. Однако понимание, которое она читала в его прямом взгляде, не могло не вызывать ее опасений. И несмотря на все, что она могла в нем увидеть, очень многое оставалось от нее скрыто. В нем чувствовались тайные глубины. И опасность.

— Я по природе осторожна, — прямо добавила она.

— И я ставлю это под угрозу.

Он один раз кивнул, на секунду устремив взгляд куда-то мимо нее, прикрыв глаза немислимо длинными ресницами. Когда-то он превосходно владел умением подготавливать почву: духовную, физическую, эмоциональную. Это было его специальностью. Он считал, что этот период его жизни закончен. Однако теперь, встретив то, чего ему необычайно сильно хотелось добиться, он принял неизбежную истину: никакой опыт нельзя забыть окончательно, какими бы сильными ни были воля и дисциплина. Он снова посмотрел в ее полное сомнений лицо. Ему предстояло выбрать между двумя способами действий: прямой атакой на ее чувства или тонкой политикой с использованием всех возможных видов оружия. Какой бы путь он ни избрал, награда будет одна.

Каприс наблюдала за ним, слишком остро ощущая, что его пальцы сомкнулись на ее запястье, словно наручники. Потребность вырваться была почти непреодолимой — но она сумела ее подавить. Его прикосновение не было ни болезненным, ни слишком сильным, хотя такая возможность скрытно присутствовала где-то в ее подсознании. Но сильнее осторожности и

секретов было странное возбуждение, которое владело ею. Ни у одного мужчины не хватало решимости преследовать ее, когда она так прямо его отвергала. Никто не смотрел на нее так пристально. Ее влекло к Куину, как влечет к огню в холодную ночь. Но, как и огонь, он обещал разрушение, боль. Ни то, ни другое в ее планы не входило. И ни то, ни другое не заставит ее не видеть того, что ощущалось в этом человеке с серебристыми глазами и столь редкой улыбкой.

— Хорошо. — Куин выпустил ее запястье. Он принял решение. — Пообедайте со мной, пожалуйста.

На этот раз его слова прозвучали спокойно: вежливая просьба о встрече между двумя малознакомыми людьми.

Каприс изумленно выгнула брови — вопрос показался ей бессмысленным. Она собралась отказываться, слова уже дрожали у нее на губах. Но, приоткрыв рот, чтобы отказать ему, она всмотрелась в его лицо. Он вдруг перестал быть охотником. Опасность исчезла. Намек на тайны пропал. В его просьбе звучало лишь легкое дружелюбие. Она нахмурилась, сбита с толку произошедшей в нем переменной, не доверяя ему и собственным чувствам.

— Не думаю...

Он слабо улыбнулся:

— Мне очень понравилась ваша семья, но существует предел тому, сколько я могу общаться с вашей сестрой, Ноэль, она слишком склонна философствовать, и потом, хоть я и получил удовольствие от свадьбы, повторение подобного мне тоже ни к чему. Пожалейте меня.

Куин взял ее руку и продел в свою, согнутую в старомодном жесте, полном мужской грации, — и Каприс почувствовала, что устоять невозможно. Он повел ее к выходу из ресторана.

Секунду Каприс упиралась: логика требовала, чтобы она выказала нежелание идти. Когда он остановился, вежливо-вопросительно посмотрев на нее, явно готовый выполнять ее желания, она почувствовала, что не может больше упрямиться. Она ощущала присутствие западни, но не видела никаких подтверждений этому чувству. Смутившись и досадуя на свою реакцию, она пошла рядом с ним. Его улыбка была непринужденной, приветливой и ничуть не многозначительной.

— Я еще никогда не видела, чтобы Ноэль так легко приняла незнакомого человека. Да и Леора тоже, — сказала она, пытаясь принять заданный им тон.

Конечно, потом она откажется от совместного обеда, но вежливость никогда не повредит. В конце концов, он пошел на немалые хлопоты и затраты: прислал за каждым из них свой личный самолет, чтобы привезти на свадьбу, забронировал всем номера в гостинице, устроил саму церемонию... И, кроме того, он был другом Киллиана, а теперь и Силк.

— Ваши сестры — очень интересные девушки. Немного стеснительные, но очаровательно своеобразные. — Он остановился на тротуаре, и к ним бесшумно подъехал лимузин, который явно дожидался поблизости. — Хотите, я пообещаю, что больше не стану говорить о том, что вас тревожит? — Он открыл перед ней дверцу, опередив шофера. — Тогда вы измените свое решение относительно обеда?

Она всмотрелась в его лицо.

— Вы — не такой, как все, — проговорила она, не давая ему прямого ответа.

— Мне понравилось то, что я в вас увидел. Мне показалось, что мой интерес встретил взаимность. Я ошибся. Вы мне об этом сказали. Я это принял. Вот и весь разговор.

Она снова нахмурилась, задетая тем, как, легко он смог изменить свои намерения, но уже секунду спустя возмутилась собственной капризностью. Ей следовало бы радоваться!

— Конечно, если вы меня невзлюбили...

Куин посмотрел прямо на нее, требуя, чтобы она отреагировала хотя бы на эти слова.

— Нет. Я вас не невзлюбила. С чего мне было это делать? Я же вас совсем не знаю, — не подумав, ответила Каприс.

На его лице, словно рассвет после темной ночи, появилась улыбка. Эта улыбка заставила Каприс растерять свою решимость. Неудивительно, что он так редко улыбается. Его улыбка грела, не обжигая, успокаивала и ласкала без прикосновения, приглашала, но не требовала. Ее губы невольно изогнулись в ответной улыбке.

— Ладно. Пообедаем. Но не больше.

Кроме того, ей, как и ему, не хотелось обсуждать с остальными свадьбу Силк. Это только снова напомнило бы ей о пустоте и ненадежности ее собственной жизни, а она не готова была в этом признаваться.

Каприс разглядывала свое отражение в зеркале. Выбранное платье, одно из немногих, которые она захватила с собой, было простым и элегантным, мягкого серо-зеленого цвета, не из тех оттенков, которые навязчиво требуют внимания, и все должные места — в меру подчеркнуты. Волосы она уложила мягким узлом. Украшения тоже ничего особенного собой не представляли.

— Скучный вид! — объявила она, возмущенно глядя на себя. — И почему меня это должно волновать? — Она стремительно отвернулась от зеркала и надела туфли на высоком каблучке, которые страшно любила, но которые редко имела возможность надевать, потому что в них оказывалась на голову выше большинства мужчин. Но не Куина.

Как раз в тот момент, когда она протянула руку за сумочкой, в дверь негромко постучали.

— Вы рано, — быстро сказала Каприс, открывая Куину дверь.

Он сдвинул манжет, чтобы взглянуть на часы.

Каприс громко втянула воздух, увидев шрамы, тянувшиеся по его запястью от самой кисти.

— Боже! Что с вами случилось? — спросила она, пораженная вандализмом по отношению к телу, бывшему когда-то настоящим произведением искусства. Она протянула руку и осторожно провела пальцами по шрамам, ощутив их неровности и понимая, что никогда не сможет представить себе, какая боль должна была сопровождать каждый подобный порез. — Это, вероятно, был какой-то несчастный случай, — прошептала она, испытывая непонятную муку при мысли о его боли, о ранах, из которых стекала на землю кровь.

Куин смотрел на мягкий бархат ее руки на фоне его бронзового тела. Свет и тьма. Солнце и тень. Он повернул свою ладонь, к которой она прикоснулась, и спрятал в ней ее руки.

— Это было давно, — пробормотал он, радуясь тому, что его обезображенное тело не вызвало у нее отвращения. У многих женщин могло бы появиться именно такое чувство — и появлялось. Они не причинили ему боли. Но она могла бы.

Каприс подняла глаза, почувствовав его пристальный взгляд. Но она не успела его поймать, не успела испугаться — он улыбнулся.

— Надеюсь, вы любите танцевать.

— Да, — ответила она, почему-то снова почувствовав беспокойство. — То вы здесь. То вас нет.

— Загадки? — Он вопросительно поднял светлые брови и, не выпуская ее руки, вывел Каприс в коридор, закрыв за ними дверь.

— Вы все время меняетесь, — тихо сказала она, внимательно наблюдая за ним, пока они шли к лифтам.

— Как? — поинтересовался он, когда дверцы закрылись и они остались вдвоем на время спуска.

Она покачала головой:

— Не знаю. Знаю только, что это так. По-моему, вы — человек опасный, Рэндал Куинлен.

— Для вас?

В его вопросе прозвучали ироничные нотки, заставившие Каприс возмущенно выпрямиться.

— Почему я должна считать опасным человека, который просто пригласил меня пообедать?

— Это вы высказали такую мысль. Я просто пытаюсь довести ее до логического конца.

Дверцы лифта открылись. Каприс вышла в вестибюль, слишком остро ощущая его присутствие рядом.

— В вас нет ничего простого, — сердито пробормотала она.

Каприс была слишком занята своими чувствами, чтобы заметить, как изменилось выражение лица Куина и как он пристально посмотрел на нее, а потом успокоился, увидев, что она ничего не знает.

— Вы слишком осторожны, К. Р. — сказал он.

Каприс вздрогнула, услышав обращение из ее профессиональной деятельности.

— Откуда вы узнали?

Он предупредительно помог ей усесться в лимузин и только потом сел рядом.

— Ваша семья — забыли?

Она поморщилась:

— Не хочу даже думать о том, что они могли сказать!

— Ничего особо страшного, могу вас уверить.

— Значит, мать и отец ничего не говорили!

— Неужели все настолько плохо?

Она отвела взгляд, встревоженная тем насколько беззаботно звучат его ответы. Можно было подумать, что он выполняет этим вечером некий ритуал, выбирая манеру разговора, который создал бы определенное впечатление, некий образ.

— Ну, Силк наверняка рассказала вам о том, что мы четверо должны провести год вне дома.

Куин откинулся на спинку сиденья, собираясь слушать всю ночь, если только она будет готова с ним говорить.

— У нас не было времени, чтобы познакомиться ближе. В тот недолгий срок, что мы друг друга знали, мы были заняты другими вещами.

Каприс бросила на него быстрый взгляд:

— Какими же?

Куин ни на секунду не смутился. Киллиан предупредил его, что только родители Силк знают о происшедшем, и что все заинтересованные стороны хотят, чтобы никаких разговоров об этом не было.

— Помолвкой и подготовкой к свадьбе менее чем за неделю.

Она нахмурилась.

— Я бы поверила вам, если бы речь шла об одной только Силк. Она почти все делает с головокружительной скоростью. Но Киллиан не произвел на меня впечатления человека импульсивного.

— Наверное, влюбленному можно простить, если он совершает массу нетипичных для себя поступков.

— Вы говорите на основании собственного опыта?

— Нет.

Каприс проанализировала его ответ: как это ни странно, он рождал только новые вопросы.

— Вы верите в любовь?

— А вы?

Она пожала плечами, не отводя взгляда. Слова звучали беззаботно. Тема разговора была достаточно интересной, чтобы заинтриговать даже в том случае, если за ней не стояло реальных чувств.

— В некоторые виды любви — да, — ответила она наконец с прямотой и откровенностью, которых не требовал тон его вопроса. — В любовь родителей к своим детям. Детей к родителям. В юношескую влюбленность. В сексуальную любовь.

— Но не в ту, что неподвластна времени и пространству, лжи и истине? — Он оторвал взгляд от

города, беззвучно мелькавшего за затемненными стеклами лимузина. Мимо неслась жизнь — калейдоскоп энергии, надежд, стремлений, боли, ошибок... И любви. Самого великого и самого ранящего из всех чувств. Великого уравнителя.

— То вы здесь. То вас нет.

Он повернул голову, пронзив ее взглядом:

— Это пожелание? Вы изменили свое отношение ко мне?

Каприс застыла, встревоженная, испуганная, взволнованная.

— Не понимаю, о чем вы.

Машина остановилась. Куин всмотрелся в лицо Каприс, чувствуя ее отстраненность как нечто вещественное, вставшее между ними — как противника, единственным оружием против которого могли стать умение и хитрость из его прошлого.

— Пойдемте?

Он открыл дверцу и вышел, не дожидаясь ответа. И протянул ей руку.

Каприс посмотрела на изящные пальцы с уродливыми отметинами. Было бы лучше, если бы она испытывала отвращение. Но вместо этого она чувствовала потребность прикоснуться к нему, успокоить боль, прошедшую давным-давно. Она вложила свои пальцы в его руку, немедленно сжавшую их, но его сила не столько брала в плен, сколько защищала. Он помог ей выйти из машины.

— Только обед, — прошептала она, стоя рядом с ним.

В свете уличных фонарей его глаза странно блеснули.

— Как скажете. Только обед.

Куин откинулся на подушки, глядя в окружившую его темноту. Уже давно прошла полночь — время, когда он обычно засыпал. Вся его жизнь основывалась на строгом распорядке и дисциплине. Он двигался через время и пространство в равновесии с энергией и силами, которые текли вокруг него. Для всего было свое место, свое значение, свой урок, который надо было извлечь и усвоить. Он не боролся с невидимыми силами. Скорее он стремился понять и воспользоваться кажущимися причудами Творца — причудами, которые только люди непосвященные могли считать бессмысленными гримасами судьбы.

Пока не появилась Каприс. Она изменила распорядок, заставила его перестроиться переделать себя. Чувства, которые она будила, были сложными и совершенно для него незнакомыми. Будь на ее месте другая женщина, он мог бы уйти — и скорее всего именно так и поступил бы. Но у Каприс был ключ, хотя сама она об этом не подозревала.

Киллиан тоже помнил. Куин понял это по его взгляду в тот вечер, когда Силк впервые упомянула о сестре. Куин не был до конца уверен, пока Силк не сказала совершенно спокойно, — что Каприс по крови ей не сестра. Это было последним недостающим звеном. Силы, научившие его ценить терпение, дисциплину и веру в нечто ему неподвластное, начали действовать.

Долги. Он поднял руки, не видные в темноте. Шрамы служили ему напоминанием, хотя он в напоминаниях не нуждался. Предсказание начало сбываться.

Глава 3

Каприс смотрела в иллюминатор, думая о том, что она оставила позади. Куин... Она не могла забыть ни этого имени, ни этого человека. Никто еще не производил на нее такого сильного впечатления. Совершенно непонятным образом он притягивал ее, и ей хотелось анализировать, как именно. Откуда у него такие шрамы? И такое самообладание? Несмотря на вечер, который они провели вместе, она по-прежнему ничего о нем не знала. Или почти ничего, призналась она. Но одну вещь она поняла: его способность меняться прямо на глазах. Просто поразительно, как ему это удавалось: он оказывался то охотником, то потенциальным другом; в его глазах то появлялась пугающая и в то же время необычайно притягательная умудренность, то оставался только спокойный интерес. Она содрогнулась, радуясь своему бегству. Он не сможет узнать, где она. У нее не было времени дать Силк свой адрес, а родителям она забыла его сказать. Так что она в безопасности. Изумившись тому, что ей вдруг пришло в голову такое СЛОВО, Каприс нахмурилась, глядя на облака, которых толком не замечала. Чересчур сильная реакция, но приходится в ней признаться. Расставание с Куином стало для нее равнозначно безопасности.

— Я превратилась в настоящую трусиху! — пробормотала она себе под нос, не заметив даже, что самолет заходит на посадку в Хьюстоне.

Вместе с остальными пассажирами она вышла из самолета, нетерпеливо дождалась багаж, а потом направилась на автостоянку за своей машиной. Времени почти не оставалось. Полет до Атланты занял больше времени, чем она рассчитывала. Каприс отъехала от аэропорта, поморщившись при виде массы машин, стремившихся в город. На одиннадцать месяцев две недели и четыре дня Хьюстон должен стать ее домом. Лучше было бы назвать его адом. И дело не в том, что ей не нравился этот город. Она ничего против него не имела, кроме того, что он не был ей родным. Филадельфия и ее жизнь остались в прошлом — и ради чего? Ради прихоти ее матери. Год жизни! С тем же успехом Лоррейн могла потребовать пятидесяти. А ведь до сих пор Каприс была на пути к чему-то по-настоящему значительному. Она завоевала мир богачей, к которому прежде могла принадлежать только благодаря тому, что ее удочерили. Она пыталась справиться с образом дочери, которую отец устроил на работу, почти для нее непосильную, и благодаря своим природным дарованиям уже начала завоевывать уважение, не связанное с ее светлыми волосами, зелеными глазами и стройным телом.

Пока вся ее жизнь представляла собой вереницу битв. И сейчас ей снова приходилось все начинать с нуля, а у нее ничего не получалось. Здесь, в городе, выбранном для нее отцом с матерью в качестве места для нового начала, она была мелкой сошкой. И у этой сошки не было стажа — кроме диплома, ничто не отличало ее от всех тех, кто пытался сделать карьеру. Так что Каприс проходила собеседование за собеседованием и ждала, и снова проходила собеседования, и снова ждала, и, проклиная все на свете, снова проходила собеседования и ждала. Нет. Нет. Нет. Бездна надежд маячила у нее за плечом и ухмылялась, глядя, как те небольшие деньги, с которыми она приехала в город, таяли прямо на глазах. Сейчас она держалась только благодаря тому, что сняла очень дешевое жилье в одном из самых неблагополучных районов.

Каприс завела машину на унылую автостоянку, которая не могла похвастаться ничем, кроме нумерованных мест для каждой так называемой квартиры. По крайней мере, благодаря местным коммиссионным магазинчикам, у нее была мебель... если ее можно было так назвать. Открыв дверь своей клетушки. Каприс швырнула сумочку на стол, скинула туфли и рухнула в

пухлое кресло с выгоревшими подушками. Красивым его назвать было нельзя, но по крайней мере в нем было удобно сидеть. Она взглянула на часы. Интересно, что бы сказали ее родители, услышав, чем занята их нацеленная на успех дочь.

«Мама, папа — я работаю в пивнущке, которую местные называют „У Билли“. Единственный ее плюс — это то, что тут нет голых танцовщиц. Обстановка гадкая. Посетителей больше интересуют подавальщицы, чем спиртное. Но чаевые прекрасные. Я регулярно ем, а в свободные дни хожу на собеседования. Вы именно это для меня планировали? Вы действительно считали, будто я не помню, что такое бедность? Что я не помню, каково бывает голодать и пытаться на десять центов купить столько же, сколько на доллар?»

Она встала и прошла в крошечную спальню, в которой еле помещались кровать и комод. Думать о том, что осталось позади, было так же бесполезно, как и вести безмолвные разговоры. Как ни странно, она понимала, чего именно надеялись добиться ее родители, и за это надо благодарить Силк. Кто бы мог подумать, что Силк вовсе не такая легкомысленная верхивостка, какой всегда казалась? Она, так искренне любившая сестру, не видела стойкости Силк и считала ее просто куколкой. Что наравне с вопросами о ее несуществующей личной жизни, которые накануне задала ей Силк, продемонстрировало ей, насколько узок ее взгляд на вещи. Узколобая трусиха — это про нее... Куин... Его имя возникло неожиданно — и Каприс поспешно его прогнала. Она приняла решение и не станет его менять. У нее есть заботы поважнее, чем один самоуверенный мужчина.

Раздевшись, Каприс натянула джинсы и кофточку. Пора на работу. В баре она переоденется в униформу в обшарпанной комнатенке, где повесить одежду можно только на гвоздик. Потом отработает девятичасовую смену за доллар в час плюс чаевые. Ей доставались хорошие чаевые, иногда слишком хорошие, так что остальные девушки завидовали. Поначалу они пытались ее затирать — и в первые два дня им это даже удавалось, пока она не разозлилась. С тех пор они по большей мере держались отчужденно. Не самый лучший вариант, потому что когда она начинала зашиваться — что бывает даже с самыми хорошими официантками, — никто и пальцем не шевелил, чтобы помочь ей. Каприс пожалала плечами. Это не будет длиться вечно, пообещала она себе, выходя из квартиры и спускаясь с третьего этажа по лестнице. За то время, что ей предстоит прожить в Хьюстоне, она сумеет найти работу, соответствующую ее образованию. А пока будет есть, строить планы и ходить на собеседования.

Куин осмотрел гостиничный номер и удовлетворенно кивнул. По крайней мере, тут была мебель — в отличие от квартиры Киллиана. Он открыл чемодан, чтобы разложить одежду. Хотя к номеру прилагались услуги горничной, он предпочитал распаковывать свои вещи самостоятельно. В его багаже были предметы, до которых не разрешалось дотрагиваться никому, кроме немногих избранных из числа его подчиненных. От старых привычек избавиться трудно. Закончив, он уселся за письменный стол в гостиной и взял телефонную трубку. Ему понадобилось немногим больше часа, чтобы получить от своего заместителя последние данные по всем делам, сообщение о том, как себя чувствуют на его острове Киллиан и Силк и, наконец, сведения о некоей Каприс Дэйтон Сент-Джеймс.

Когда он повесил трубку, у него уже был адрес и номер ее телефона. После их разговора за обедом два дня тому назад он уже ничему не удивлялся. Леди явно была полна решимости добиться успеха в деловом мире, невзирая на свое происхождение. Ему понятна была ее потребность в успехе, хоть сам он ее и не разделял. Деньги интересовали его только как средство обмена. У него не было желания превратиться в Мидаса, трясущегося над своим золотом, хотя, по последним подсчетам, его у Куина скопилось немало. Не нуждался он в богатстве и для того, чтобы расширить свои возможности. Он знал их лучше, чем самые

доверенные друзья и самые заклятые враги. Что до успеха... Успех к нему тоже пришел — но не потому, что он этого добивался. Скорее это было результатом того, кем он являлся:

человеком, обладающим немалыми познаниями в области, которую мало кто осмеливался осваивать, готовым рискнуть своей жизнью и всем, что ценил, поставив на собственную стойкость и верность делу. У них с Каприс немало общего, хотя цели и разные. Правда, она этого не видит.

Он рассматривал лежащий перед ним адрес, планируя следующий ход. Пока он уже успел ее расстроить, смутить и вообще порядком испортить положение. Такое с ним случалось крайне редко. Злиться на собственную неловкость было бы слишком легко. Он решительно отбросил эмоции и сосредоточился на своем умении логически мыслить и понимать других. Он уже начинал догадываться, как подобрать ключи к тайным мотивам, движущим Каприс. Как только он получит их все, то будет знать, как себя вести, чтобы привлечь ее к себе, Эта мысль заставила его нахмуриться.

Предсказание было ясным. Много лет оно было с ним — не то чтобы он каждый день вспоминал о нем, но остро сознавал, что оно существует. Слова были очень простыми:

«Сестра, но не родная. Дева-воительница, которая сразится с тьмой, победит демонов и выпьет чашу жизни».

Куин считал, что ему все понятно, и дожидался девы-воительницы. А потом нашел ее — когда меньше всего этого ожидал. Он вел себя с ней настолько честно, как не вел себя ни с кем, потому что жизнь научила его: в плохих руках честность оказывается смертоносным мечом. А она ответила ему страхом. Это ранило и смутило его, заставило усомниться в словах пророчества. А еще ее страх заставил его набросить на себя одну из его многочисленных личин. Эта необходимость была ему противна. Если Каприс — та, кого он дожидался все эти годы, она заслуживает нечто большего и лучшего, чем то, что он давал до нее столь многим.

Каприс устало потянулась, растирая поясницу, чтобы избавиться от боли после второй смены подряд. Шум показался ей еще более сильным, чем обычно. Определенно, после ее возвращения из Атланты, клиенты совсем распоясались. Завтра она обнаружит несколько свежих синяков от похотливых рук, от которых не удалось увернуться.

— Как ты, золотко? — пробормотала Белла, облакачиваясь на стойку бара рядом с Каприс.

Каприс вздрогнула, услышав искренние слова от заводилы тех, кто ее игнорировал.

— Спасибо, в порядке, — ответила она наконец. Белла была немного старше ее, но под ее глазами постоянно лежали тени, от чего она казалась усталой и не по годам старой.

— Ты выручила Розу, — неловко объяснила та. — Крошка уволил бы ее, если бы ты не согласилась отработать сразу две смены.

Каприс пожала плечами: ей и самой трудно было объяснить, почему она вдруг решила помочь молодой женщине, у которой ни разу не нашлось для нее доброго слова.

— У нее ребенок и нет мужа.

Белла удивленно подняла брови:

— Это она тебе сказала?

— Я слышала ваши разговоры.

Белла неловко пошевелилась, впервые по-настоящему всмотревшись в девушку, с которой все они так старались поспорить. Ей тут было не место, и все это понимали. Во-первых, она выделялась своей речью. Но работала она на совесть и не пыталась перехватить чужие чаевые.

— Наверное, мы ошибались, — сказала она, смущенно отводя глаза, а потом снова глядя на собеседницу. — Мы решили, что тебе просто интересно поиграть в бедную. Думали, придется за тебя работать. — Она беспомощно развела руками. — Это, конечно, не Бог вещь что, но у большинства из нас ничего другого нет.

Каприс кивнула. Ей слишком хорошо было знакомо такое чувство.

— Я, наверное, вела бы себя так же.

У Беллы посветлело лицо.

— Честно? Не будешь иметь на нас зуб?

Каприс покачала головой:

— Не буду.

Белла глубоко вздохнула, а потом вдруг улыбнулась:

— Хочешь завтра после смены пойти с нами в пиццерию?

Каприс поняла, что ей предложен мир. У нее не было ничего общего с этими женщинами, измерявшими свою жизнь в долларах, которые им удалось сэкономить и отложить на черный день. Но отказаться значило бы сильно их обидеть.

— С удовольствием.

— Платит каждый за себя.

Рассмеявшись, Каприс взяла свой поднос:

— А что, бывает иначе?

Белла тоже засмеялась:

— А ты в порядке, Сент-Джеймс, — откликнулась она, упирая поднос в пышное бедро.

Обведя взглядом зал, Белла вдруг нахмурилась и поймала за руку собирающуюся отойти Каприс.

— Видишь вон того типа? Который только что сел за твой столик?

Каприс проследила за ее взглядом и кивнула. Мужчина был мощным, бородатым и с виду таким злым, что впору было выпускать его с голыми руками на медведя.

— Ну, и что он из себя представляет?

— Очень противный. Следи за руками, особенно если он что-нибудь уронит на пол перед тобой. Не нагибайся, чтобы поднять. Что бы он ни говорил.

Каприс посмотрела Белле в лицо и убедилась, что та говорит совершенно искренне.

— Я с ним справлюсь.

— Справилась бы, не будь он двоюродным братцем Крошки. Он считает, что это дает ему право на всю обслугу, а ты новенькая.

Каприс снова посмотрела на посетителя, чувствуя, как в ней закипает ярость. За свои тридцать лет ей не раз приходилось иметь дело с разнузданными посягательствами на ее честь. И если дело обернется совсем плохо, она спокойно уйдет с работы и ни минуты об этом не пожалеет. Конечно, это значит, что ей придется отступить, но на свете бывают вещи и похуже — например, такие, на которые намекает Белла. Сексуальные домогательства и унижения. Оскорбления со стороны мужчин. Гнев Каприс разгорелся сильнее, и ее глаза вспыхнули огнем, который заметила даже Белла.

— Золотко, не надо. Крошка вмиг тебя отсюда выставит. И сделает это гадко, не обращая внимания на то, что его все слышат. — Белла посмотрела в сторону клиента Каприс, который уже проявлял явное нетерпение. — Давай я его возьму. Меня он трогать не станет.

Каприс покачала головой:

— Это мой посетитель. И моя проблема.

— Не твоя, золотко. Этот сукин сын достался бы Розе, а она — моя лучшая подруга.

Каприс сощурила глаза, представив себе Розу, стройную блондинку с печальными глазами, и ее маленькую девочку, растущую без отца.

— И давно он мучит Розу?

Белла отвела взгляд и пожала плечами:

— Не знаю.

Каприс решила, что на самом деле Белла все знает. Знает даже слишком много. Но работа нужна ей не меньше, чем Розе.

— Я же сказала — это мой клиент.

Она поставила поднос на бедро, давно привыкнув не замечать своего вызывающего костюма: короткой черной юбочки, чулок в сеточку и блузки с немислимым вырезом. Крошка не любил, чтобы его девочки завязывали волосы, так что серебристое облако спускалось по ее спине, лишь немного не доставая до края мини-юбки. Белла тревожно сморщила лицо:

— Держись от него подальше. Каприс. Что бы он ни делал, не подходи так, чтобы он смог тебя схватить.

Каприс едва расслышала слова Беллы. Ее взгляд был устремлен на негодяя, который терроризировал всех остальных девушек. Каприс — не они и считает, что ни один мужчина не смеет навязываться женщине — ни морально, ни физически. Лавируя между столиками, она направлялась к своей жертве.

Куин возмущенно смотрел на малопривлекательное заведение: неоновая оранжево-розовая вывеска с одним погасшим «Л» провозглашала — «У Билли». Сочетание цветов было столь же безвкусным, как и музыка, вырывавшаяся из дверей и загрязнявшая ночной воздух.

«Не может быть. Каприс ни за что не стала бы работать в такой дыре. Я даром трачу время».

Он вышел из взятого напрокат «Мерседеса» и гневно осмотрел плохо освещенную улицу. Хорошо еще, если за время его отсутствия машину не распотрошат. Единственное, что заставило его довести свой поиск до логического конца, было то, что телефонная компания определенно назвала искомую фамилию. Было крайне маловероятно, чтобы в течение одной недели в Хьюстоне себе телефон поставили две Каприс Сент-Джеймс. И женщина в жалком многоквартирном доме совершенно определенно описала К.Р. Сент-Джеймс, живущую на третьем этаже. Куин захлопнул дверцу машины и пересек улицу. Стоило ему войти в зал, как его окружили клубы дыма. Музыка здесь была еще более неприятной, чем можно было подумать с улицы.

— Слушай меня, девка. Я уронил это из-за тебя, так что тебе и поднимать.

Гадкие интонации почти сразу же привлекли внимание Куина, остановившегося в дверях, чтобы оглядеться. Он нашел источник этих звуков — столик в углу. Блеск серебристо-пепельных волос официантки, стоящей к нему спиной, притянул его взгляд. Каприс! Другой женщины с такой фигурой и волосами цвета лунных лучей просто не существует. Он шагнул в ту сторону, и в это мгновение крупный мужчина с гадким голосом протянул толстую руку и схватил Каприс за талию. При виде грязной руки, сжавшей нежное тело Каприс, в глазах Куина зажглась ярость. Он не стал тратить время на то, чтобы мысленно обругать подонка, а стремительно миновал три столика и пробился через кольцо зрителей, наблюдавших за стычкой. Как раз в тот момент, когда он добрался до Каприс, та увернулась вправо, вырвавшись на свободу, с силой опустила поднос на лысеющую макушку мужчины и сразу же пригвоздила ему ногу тонким каблуком. Нападавший взревел, словно разъяренный бык, и вскочил на ноги. Взгляд его обещал страшную месть.

Куин встал между Каприс и незнакомцем, заслонив ее своим телом. Его противник остановился, выпучив глаза при виде гневного гиганта, неожиданно выросшего перед ним.

— Это не твое дело! — злобно бросил он, многозначительно сжимая кулаки.

Куин чуть покачивался на носках, выжидая. Глаза, а не злобные слова скажут ему, когда противник начнет нападение.

— Стало моим. У тебя манеры необученного осла. Леди этого не заслужила. Ни одна женщина такого не заслуживает.

— Никакая она не леди. Все бабы здесь одинаковые, — издевательски ответил тот, обводя взглядом официанток с таким видом, словно прекрасно знал, что представляет собой каждая из них.

Куин понял этот взгляд и этого человека и не стал реагировать на возмущенный возглас Каприс. Не сводя глаз со своего противника, он усвоил и проанализировал все детали находящегося перед ним представителя мужского пола.

— Собираешься и дальше языком трепать или попробуешь доказать, что можешь справиться не только с теми, кто меньше и слабее тебя? Что, кишка тонка?

Вопросы прозвучали мягко, почти нежно. Шум позади Куина стих, словно они оказались в центре мощного смерча.

Двоюродный брат Крошки гневно дернулся, изучая неожиданного противника.

— Я с тобой не ссорился.

— Ссорился. Это моя женщина.

— Она ничего не говорила. Куин молча ждал.

Громила смотрел на Куина: потребность покрасоваться боролась в нем с нежеланием идти на верный проигрыш — Не успел он ответить, как в круг зрителей ворвался Крошка.

— Что тут происходит? — спросил он, трудом переводя дыхание.

Куин презрительно посмотрел на него.

— Происходит тут вот что: вот этот слизняк пристает к твоим официанткам. У него довольно интересное убеждение, что здесь работают шлюхи и ему достаточно только выбрать девочку себе по вкусу.

Крошка выпрямился, пытаясь сравняться ростом с незнакомцем. Попытка явно была обречена на неудачу.

— Я вас тут еще не видел.

Куин не снизошел до ответа. Он повернулся к Каприс. В ту секунду, когда он начал отворачиваться от мучителя Каприс, тот нанес удар. Вернее, попытался, потому что удар цели не достиг. Ловким движением, усвоенным еще в бытность свою безбородым юнцом, Куин плавно повернулся, настолько легко, что весь его маневр показался нереальным. Раздалось несколько глухих ударов, и в следующую секунду противник Куина уже лежал на полу у его ног, хватаясь за живот и колени и издавая громкие стоны. Куин мгновение смотрел на него, а потом перевел взгляд на Крошку.

— Я ему ничего не сломал. Хотя и следовало бы.

Громко сглотнув. Крошка попятился, и тут ему на глаза попала Каприс, стоявшая так же неподвижно, как и все, кто наблюдал за происходящим.

— Ты уволена! — прохрипел он.

— А вот и нет, — мягко отозвался Куин. — Она уходит по собственному желанию.

Развязав бант, на который были завязаны ленты ее передничка, он сунул руки в кармашки и вытащил оттуда ее чаевые. Спрятав мелочь и купюры в пиджак, он взял у нее из рук поднос и швырнул его на столик.

— У тебя тут есть своя одежда, или этот костюм — твой? — спросил он все тем же мягким тоном, по сравнению с которым даже лед показался бы горячим.

Каприс посмотрела на него и прочла в его глазах великолепно сдерживаемую ярость.

— В задней комнате.

Он коротко кивнул.

— Иди переоденься. Я подожду.

Он посмотрел на толпу позади Каприс — и там мгновенно образовался для нее проход. Каприс хотелось спорить, но что-то — отчасти благодарность, а отчасти прекрасно развитое чувство самосохранения — заставило ее проглотить все возражения и покорно выполнить то, что он сказал. Для того чтобы надеть джинсы и кофточку, оставив униформу в раздевалке, ей понадобилась всего пара минут. Когда она вышла, к ней подошла Белла.

— Он велел мне не уходить, пока ты не переоденешься. Не доверяет Крошке. — Она похлопала Каприс по плечу. — Ты молодец, золотко. Думаю, этот слизняк не скоро решится приставать к кому-нибудь из нас. Скажи своему мужику, что мы все ужасно ему благодарны.

Каприс молча кивнула. Даже если бы у нее было время, она вряд ли смогла бы объяснить Белле свои отношения с Куином. Она сама не знала, какие у них отношения.

Глава 4

— Скажите хоть что-нибудь! — не выдержала наконец Каприс.

Они ехали в машине уже минут пять, показавшихся ей самыми долгими в ее жизни, а Куин еще не произнес ни слова.

Куин взглянул на нее, оценив оборонительную позу: она сидела чуть под углом, спиной к дверце машины.

— А что бы ты хотела услышать?

Каприс изумленно воззрилась на него. Его голос звучал так спокойно, словно они говорили о погоде, а не о том, что он только что спас ее от драки в пивной. И вдобавок к этому он видел, как она захала кому-то подносом по голове, да и вообще вела себя как уличная девка, а не как наследница состояния Сент-Джеймсов.

— Я ждала как минимум выволочки, — честно призналась она наконец.

Он пожал плечами и вновь перевел свой взгляд на дорогу.

— Не имею на это права.

Это заставило ее замолчать, но только на секунду.

— И вопросов у вас тоже нет?

— Ты — совершеннолетняя. Если работаешь в притоне, то мне остается лишь сделать вывод, что ты хотела там работать.

Каприс немного подумала и решила, что ей не нравятся ни его позиция, ни его ответы.

— Я не хотела там работать! Но другой работы не нашлось.

— Конкуренция. — Он кивнул. — Это я могу понять. Странно только, что твой опыт работы в «Сент-Джеймс Инкорпорейтед» не прибавил тебе веса.

Он завернул к ее дому и остановился на площадке рядом с ее машиной.

Каприс только сейчас поняла, что даже не вспомнила о том, что оставила свою машину у бара.

— Как она сюда попала?

— Я распорядился, чтобы ее сюда отогнали.

— Почему?

— Твой поверженный противник мог позволить пьяной жажде мести победить инстинкт самосохранения. А я не в настроении объясняться с полицией и органами правопорядка.

Куин вышел из машины и успел открыть дверцу раньше, чем она сделала это сама. Он протянул ей руку, и Каприс вложила в нее свою, поскольку не могла придумать предлога отказать.

— Я еще не поблагодарила вас за то, что пришли мне на выручку. Не думаю, чтобы Крошка и пальцем пошевелил, если бы его двоюродному брату вздумалось размазать меня по стенке.

Куин продел ее руку в свою.

— Я тоже не думаю, — согласился он. Каприс посмотрела на него, пытаясь понять, чем закончится их разговор. Ничто в Куине не выдавало гнева, однако сама она ощущала ярость, похожую на ту, что видела в его глазах, и опасалась, не обманывают ли ее чувства. Его голос, мягкий и спокойный, как окружающий их ночной воздух, был почти нежным. Но эта нежность слишком напоминала уловку, которая завлекает, пряча слова в тайны.

— Вам нет нужды меня провожать.

— Ты обедала?

Он не приостановился на площадке второго этажа, а продолжил подъем. Каждый его шаг казался частью гармонического целого, успокаивающе-ритмичного — как и его движения, когда он вел машину по городским улицам. Похоже, он использовал этот ритм для того, чтобы спуститься с пика своей ярости.

— Нет, — пробормотала Каприс, останавливаясь перед своей дверью.

— Сколько времени тебе надо, чтобы переодеться?

— Вам не обязательно меня кормить.

— Но я хотел бы это сделать.

Куин взял у нее ключ и сам отпер дверь, а потом пропустил Каприс в крошечную квартирку. Он осмотрелся, не оставив без внимания ни неную вытертую мебель, ни единственный телефонный аппарат, ни тесные комнатенки, ни отсутствие удобств...

Каприс могла себе представить, какой он видит ее ночлежку. Поправить дело тут мог бы только полный ремонт. Она ожидала, что он что-нибудь скажет, но ее ожидания не оправдались. Он молча прошел по комнате к единственному достаточно большому креслу, в котором мог бы поместиться. Вопросительно приподняв брови, он посмотрел на нее.

— Вы прекрасно умеете молчать, — раздраженно бросила она, не справившись со своим гневом. — Я знаю, что хвастать тут нечем.

— А по-моему, тут просто великолепно, — не согласился он с ней.

Каприс заморгала, настолько изумленная его словами, что забыла оправдываться дальше.

— Ты была зла, когда выбирала эту квартиру. Я во второй раз вижу, что ты поддалась импульсу, не контролируя себя. В первый раз — сегодня вечером. Этот грубиян довел тебя, и ты с ним сквиталась.

Куин пожал плечами, чуть заметно улыбаясь. Впервые с той минуты, когда он увидел в глазах Каприс страх, он позволил себе надеяться.

— Это звучит не слишком мило.

— Мило — это скучно. Обыденно. Обычно так вежливо называют апатию.

Она коротко рассмеялась: его оценка ее одновременно и позабавила, и немного встревожила.

— Это очень прямо.

— Ложь была бы лучше?

Каприс отвернулась и бросила сумочку на столик у двери.

— Нет. Но проще. — Она оглянулась через плечо и на секунду заглянула в его глаза, менявшиеся настолько стремительно, что даже мгновение казалось более долгим. — Вы сбиваете меня с толку.

— Знаю.

— По-моему, вы делаете это специально. — Он ничего не ответил. — Вы этого не отрицаете?

— Ты высказала мнение, а не факт.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Она нахмурилась. Ей хотелось потребовать от него прямого ответа и страшно было его услышать.

Куин кивнул в сторону спальни:

— Иди переодейся. Я сегодня никуда не уйду.

Каприс пошла. Отвага отступила перед благоразумием, и она предпочла покинуть поле битвы.

Куин проводил ее взглядом, стремительно оценивая ситуацию. Сегодняшний грубиян неожиданно оказал Куину услугу. Каприс сейчас чувствует себя неуверенно. Страх не исчез, но он затаился. На этот раз Куин знает, чего ждать. Он посмотрел на свои руки и позволил им сжаться в кулаки, которые были под стать все еще kloчочущей в нем ярости. Каприс и не подозревает, что сегодня рядом с ним она, как никогда, в безопасности. В нем поднялось

слишком много эмоций. Чтобы с ними справиться, ему надо замкнуться. Ему придется общаться с ней на самом поверхностном уровне, пока он не сумеет забыть ту жадную руку, ради примитивной похоти готовую ранить, сломать, унижить... На настоящее наложились картины прошлого. Ему случалось видеть вещи и пострашнее. И мстить более жестко, чем этим вечером. Это — одно из его проклятий, тех черных демонов, которых не удастся победить, его тьма, которую могла бы осветить только одна свеча.

Услышав звук льющейся воды, Куин поднял голову. На секунду он отпустил свою волю и позволил воображению заполнить пустоту души, вызвать к жизни будущее, которое он ждал уже столько лет. Каприс в душе. Стройное тело блестит от влаги и крошечных мыльных пузырьков. Розовое и кремовое, с лиловатыми тенями. Тепло и шелк, которыми можно будет обернуть свое тело. От нее будет пахнуть женщиной, готовой принять своего мужчину. Ее глаза будут блестеть от желания, вызванного эротикой ритуала. Он прикоснется к ней. Так нежно... Он умеет это делать. Его руки дарят бесконечное наслаждение. Его мышцы могут играть такой мощью, что ни одно движение не будет затрачено даром. Он — умелый любовник, он прекрасно владеет техникой, которую создали культуры, специализировавшиеся на услаждении плоти. Он принесет эти дары ей, положит их к ее ногам, подарит ей радость и совершенство. Его дева-воительница! Теперь он точно знал, что в предсказании была истина.

Каприс быстро оделась, чувствуя бег минут и молчаливо ожидающего ее Куина. Она думала скрыться от него, но ошибалась. Сегодня, увидев, как он встает между нею и верной болью, она вдруг обнаружила, что тревожится за него, тревожится так сильно, как не боятся за людей посторонних. Он овладел ситуацией и непонятным образом управлял всеми: ее мучителем, ею. Крошкой, даже толпой зевак. И когда он заявил на нее права, она не попыталась ему помешать, и в ту секунду даже не хотела помешать! А потом он встал спиной к противнику. Она едва успела понять намерения своего обидчика, как Куин вдруг резко повернулся и принял позу, одновременно знакомую и чем-то непохожую на все оборонительные позиции, которые она видела или о которых слышала. Его руки и ноги стали бесшумным, верным оружием, глаза владели ключом ко всему, что он делал. Он знал, насколько сильно надо ударить, и куда. Он точно знал тот момент, когда нанесет удар подлая рука. Он знал, где стоит она, окружающие их зеваки. А когда все закончилось, Куин быстро окинул ее взглядом, выискивая следы повреждений и взглядом обещая расплату, если он их обнаружит. А потом он посмотрел на толпу — и та безмолвно расступилась, словно он на них заорал. Когда они уходили, никто не попытался тронуть их даже пальцем. Никто не выкрикивал оскорблений, не требовал новой схватки. Никто не посмел.

Опасность. Сегодня она оказалась ее другом, ручным львом, который пошел рядом с ней, защищая от любой угрозы. Каприс слабо улыбнулась такому сравнению. До этой секунды ей в голову не приходило, что кто-то мог бы приручить Куина. И вдруг страх, который гнал ее из Атланты, который не давал ей покоя, требовал осторожности, показался ей смешным — результатом неопытности. Она встала и обула туфли на высоком каблуке, подходившие к неброскому черному платью, одному из ее любимых. Каприс решила, что, в отличие от предыдущего их совместного обеда, этот пройдет естественно. Кем бы ни был Куин, она постарается узнать о нем побольше. Возможно, ей не понравится то, что она обнаружит, — но бросаться в бегство она больше не намерена.

— Я готова! — объявила Каприс, входя в гостиную.

Куин стоял у единственного окна, выходящего на стоянку для машин.

Он обернулся, почти не обратив внимания на тело, которое только что ласкал в своем

воображении. Его интересовало выражение лица Каприс. Ясный взгляд ее глаз удивил и обнадежил его. Она не боится. Она заинтересована, может быть, даже заинтригована. Хорошее начало.

— Бифштекс любишь?

Подойдя к ней, он взял ее за руку. Этот жест повторялся все время — странная любезность в этом современном мире,

но она ему шла.

— С грибами?

Он улыбнулся:

— Можно и такой.

Его улыбка тронула ее, успокоила, заставила почувствовать себя непринужденно. Еще час назад Каприс не смогла бы принять его приглашения, но с тех пор она приняла новое решение. Ответно улыбаясь, она кивнула и снова обратила внимание на мощь и громадный рост этого мужчины, рядом с которым она казалась невысокой даже в туфлях на каблучке.

— Веди меня. Если учесть, что я теперь безработная, надо напоследок хоть наесться как следует.

Улыбка Куина стала шире. Она приручается — медленно, но уверенно! Он не смел надеяться так быстро добиться столь многого.

— По твоему голосу не скажешь, что тебя эта ситуация очень расстроила. — Он запер за ними дверь и предусмотрительно проверил, защелкнулся ли замок.

— Так оно и есть. Я уже готова была признаться, что больше не гожусь для такой работы.

— А раньше годилась?

Он изумленно поднял брови, пытаясь представить ее постоянно работающей в подобной обстановке. У него ничего не получалось. Она была создана для чего-то гораздо лучшего.

Каприс мягко рассмеялась:

— Ты спросил так, словно ничего не знаешь про меня.

— Я знаю, что тебя удочерили.

По правде говоря, он мог узнать про нее абсолютно все, включая размер бюстгалтера, но ему претила мысль расследовать ее прошлое или выпытывать что-то у Киллиана. Если бы кто-то начал копаться в его собственном прошлом и нарушать его право на тайны, он был бы возмущен.

— Удивляюсь, как это Силк тебе ничего не рассказала. Это ведь не тайна.

Они спустились вниз. Куин открыл парадную дверь и вывел Каприс на улицу. Занимаясь карьерой, Каприс утратила потребность ощущать мужскую заботливость, если она вообще когда-нибудь ее знала. Когда подобную заботливость пытались проявить некоторые из ее

знакомых, они действовали и говорили настолько неуклюже, что она чувствовала себя униженной и в конце концов привыкла отвергать подобные попытки. А вот у Куина заботливость получалась настолько естественной и органичной, что Каприс ощутила не испытанное прежде тепло. Он заставил ее почувствовать себя особой, необыкновенной. Создавалось впечатление, будто он искренне рад ее обществу. Вот и еще раз он показал себя с совершенно новой стороны! Сначала она увидела мужчину, полного решимости ее покорить. Потом — равнодушного незнакомца. И вот теперь — человека, которому хочется быть с нею рядом. Даже его вопросы усиливали это впечатление: любопытные, пытливые, искренне заинтересованные. Может, именно сейчас он, наконец-то, стал самим собой подумала Каприс, глядя, как Куин обходит машину, чтобы сесть за руль.

— У Силк не было времени что-то рассказывать. Я уже сказал: они с Киллианом были заняты завершением своих дел, — негромко объяснил Куин, непринужденно продолжая разговор.

— А ты ведь так и не сказал, что делал в Атланте. Я слышала, как Киллиан говорил что-то насчет того, что ты пробыл там чуть меньше недели.

— Я много езжу. Так уж случилось, что я оказался в нужном месте в нужное время.

Он завел двигатель.

— И поэтому ты в конце концов и устраивал всю свадьбу?

— Больше ни у кого не было свободного времени. Киллиан и Силк были заняты на работе, готовили себе замену, освобождали квартиры, сдавали анализы крови и получали разрешение на брак. У меня время было — и я предложил свою помощь.

— Это о тебе. А как насчет Киллиана? Почему он вообще оказался в Атланте? Хотя я встретила с ним только перед свадьбой, его компания уже много лет имела дела с моим отцом. Не думаю, чтобы ему надо было искать новые контракты.

— Он помогал одному другу.

— Это и было частью незаконченных дел? — с любопытством спросила Каприс.

— Отчасти.

— Ты мне больше ничего не станешь рассказывать, да?

Он покачал головой:

— Это не моя история, и не мне ее рассказывать. Если тебе интересно, спроси самого Киллиана.

— Ты очень принципиален в том, что касается доверия, да?

Он бросил на нее быстрый взгляд:

— По-твоему, это странно?

— Я принципиален к тому миру, где почти все имеет цену и почти нет ничего святого — даже для друзей.

Куин едва заметно пожал плечами, и она снова обратила внимание на его мощные мускулы.

— Это справедливо для большинства мест и для большинства людей. Но всегда находятся исключения. Смысл в том, чтобы знать, кому доверяешь.

— Житейская мудрость!

Фраза вырвалась у нее чисто механически, и в ответ она ожидала услышать какую-нибудь столь же тривиальную фразу. А вместо этого наступило молчание — недолгое, но очень явное.

— Да, — произнес Куин наконец, заводя машину на стоянку перед выбранным им рестораном. Он выключил двигатель и повернулся к ней так, чтобы можно было следить за ее реакцией. — Тебе действительно хочется меня узнать, или это пустая болтовня!

Каприс заморгала: она не ожидала столь прямого вопроса. Куин был совершенно не похож ни на одного из ее знакомых!

— Ты всегда такой прямой?

— Это не ответ.

Она развела руками, снова ощутив, что ее загнали в угол, хотя и без применения физической силы.

— Как можно ответить на такой вопрос!

— Так же, как я его задал. Честно.

— Но таким образом ты получишь больше власти, чем я готова тебе дать на этот момент.

Куин сощурил глаза.

— Все еще убегаешь?

— Не понимаю, о чем это ты.

— Прекрасно понимаешь, — ответил он, и в его низком голосе послышался рокот нарастающего гнева. — Тебе действительно хочется, чтобы я с тобой притворялся? Я могу. И лучше, чем ты думаешь. Мне казалось, у тебя хватит ума и честности не хотеть этого.

— Ты меня не знаешь!

— Разве? — Его сильные пальцы сжали ее плечи, не пытаясь притянуть к себе, но намекая на то, что подобное возможно, пока он не решит ее отпустить. — Я знаю, что ты сообразительная — кое в чем даже чересчур. Знаю, что ты стремишься стоять на том, что кажется тебе твердой почвой. И не признаешь никакого риска. И я знаю, что здесь ты делаешь нечто столь тебе чуждое, что только что-то очень значительное могло вызвать такие перемены в твоей жизни, может быть, даже более значительное, чем твоя любовь к приемным родителям. Д еще я знаю, что тебе вовсе не нравится здесь жить. И что ты способна выйти из себя, и при этом готова бросить вызов всему аду с одним ведерком воды. Я знаю, что ты любишь родителей и сестер, но в то же время держишься немного в стороне от них. И я знаю, что тебя влечет ко мне, но ты скорее отрежешь себе язык, чем признаешься в этом.

Каприс смотрела на него, потрясенная как гневом, двигавшим каждым его словом, так и точностью его оценок. Она ощутила себя голой, уязвимой, беспомощной, лишенной путей к отступлению.

— Прекрати! — прошептала Каприс, схватив его за запястья, чтобы высвободиться. Но сколько она ни пыталась, ей не удалось сдвинуть его руки даже на дюйм. Задыхаясь и чувствуя, как разгораются в ней огненные языки страха, она, наконец, перестала сопротивляться и в полутьме гневно посмотрела на него. В ее глазах пылала ярость. — Ты говорил о правах. А сейчас собираешься лишить меня моих? Ты воспользуешься своей силой, чтобы меня сломить? — возмущенно спросила она. — Я тебе доверилась!

— Правда, Каприс? Или сперва решила проверить воду и только потом пускаться вплавь?

Он по-прежнему не делал попытки привлечь ее к себе, хотя легко мог бы это сделать. Желание, словно посаженный в клетку зверь, который рычит и играет мускулами, ожидая часа кормежки.

— Что тебе от меня нужно? — выдохнула она, заглядывая в его светлые глаза и видя в них крохотные отражения самой себя, взятой в плен.

— Я уже сказал, что выполню все, о чем ты попросишь, но не уйду. Помнишь?

Она медленно кивнула.

— Я отвечу, но сначала скажи, чего ты все-таки хочешь. Идиотской игры, которую ведут малознакомые люди, когда им хочется переспать друг с другом, или правды?

Всю свою жизнь Каприс высоко ценила правду. Ей слишком часто лгали, — ее мать, ее «папы» и «дяди», — чтобы она могла согласиться на нечто меньшее. А еще она требовала права самостоятельно выбирать свою судьбу. Только при переезде в Хьюстон она склонилась перед волей другого человека. И тем не менее, оказавшись перед выбором, который предложил ей Куин, выбором, который надо было сделать между двумя ее самыми главными принципами, она поняла, что все эти годы обманывала себя. Ей не хотелось делать выбор. Ей не хотелось ответственности. Куин оказался прав. Она поехала с ним сегодня, чтобы проверить, как обстоят дела, и была готова к тому, что выбор того, какими окажутся их отношения, будет зависеть от него в гораздо большей степени, чем от нее. В эту минуту Каприс посмотрела на себя гораздо более трезво, чем прежде.

— Правды, — прошептала она. Сама того не замечая, она сжимала его запястья уже не для того, чтобы высвободиться, а пытаясь найти поддержку.

Куин всмотрелся в ее глаза и увидел там страх и отвагу. Дева-воительница начинает осознавать свои силы.

— Я тебя хочу. Любым способом, который мне сейчас доступен.

— А пот...

Не успела она договорить, как он решительно покачал головой:

— Пусть на сегодня этого будет достаточно. Не спрашивай у меня больше, чем ты готова услышать.

Он медленно притянул ее к себе, чтобы она успела запротестовать, начать сопротивляться.

Каприс уступила давлению его рук: она не знала, что ее ждет в его объятиях, но чувствовала, что должна это узнать. Ее окружила мощь. Стихия, которая обладала способностью

приковывать и зачаровывать.

Он тесно прижал ее к своей груди, устроив голову себе на плече, так что все его тело ощутило ее близость. Ее аромат стал невидимой сетью, спутавшей его чувства, беззвучно шепча о том, что ждет впереди. Желание рвалось, требуя удовлетворения, которое не было ему даровано. Никогда еще терпение не давалось с таким трудом, жажда не была такой сильной, а самообладание столь большим. Он держал ее в объятиях, вбирая в себя ее нежность, ее свет. Она сделала шаг к нему навстречу. Он испугал ее, но она доверилась ему, несмотря на то, что он предоставил ей возможность бегства.

— Спасибо.

Каприс услышала, как негромкие слова пророкотали в его груди. Она подняла голову, изумленно раскрыв глаза:

— За что?

Он прикоснулся к ее лицу, проследив изящные линии щеки, решительного подбородка, выгнутой аркой брови...

— За то, что не выбрала игру. Я бы сыграл — ради тебя, но мне было бы больно.

Каприс посмотрела ему в глаза и увидела там смятение, которое он не пытался скрыть. Он был раним! Эта мысль пронзила ее сознание словно молния. Каприс прижала ладонь к его щеке. Кожа была теплой и чуть шершавой от начавшей пробиваться щетины.

— Отчего тебе было бы больно? — тихо спросила она с таким чувством, будто познала то, о чем не знала ни одна женщина до нее. Девственный уголок его души.

— Каждая прожитая ложь — это часть души, принесенная в жертву судьбе. Если лжи много, то скоро нечего будет давать другим.

— Но для меня ты бы это сделал?

Глядя ей прямо в глаза, он чуть повернул голову, так что его губы прижались к ее ладони в поцелуе, который был обещанием, а не клеймом собственника.

— Да.

Куин увидел, как ее губы готовы сложиться в «почему?», но они оба еще не были готовы к этому вопросу. Он наклонился и похитил этот вопрос, закрыв ее губы поцелуем. Ее вздох был нежен и полон тайны: женственная мольба, пробудившая скрывавшуюся за животной страстью мужскую нежность.

Каприс больше не нужны были слова чтобы заполнить тишину: его жар захватил и ее. Руки обвили его шею, притягивая его еще ближе. Вкус его поцелуя был таким же необыкновенным, как он сам: терпким, экзотическим, пьянящим. Она слабо застонала, когда его язык проник в ее рот, посвящая в тайны любви. Наступление, бегство — и новая атака. Ее желание росло, становясь все жарче с каждым новым наступлением, а потом немного стихало от прикосновения его рук, медленно гладивших ее спину, возбуждая сеть нервов на пояснице. Она выгнулась, ощущая странный ток энергии, от которого чуть покалывало тело и тепло разливалось под кожей, расходясь волнами до самых кончиков пальцев.

— Куин! — хрипловато выдохнула она, с трудом поднимая ставшие невероятно тяжелыми веки. — Куин, ну пожалуйста!

Он поднял голову, втягивая раздувающимися ноздрями все нюансы ее аромата, все перемены, приносимые желанием, которое все росло и росло.

— Обещаю, что тебе будет со мной хорошо, — прошептал он. — Но пока не время. — Он нежно прикусил зубами бьющуюся у основания шеи жилку. — Сначала мы должны лучше узнать друг друга.

Каприс запустила пальцы ему в волосы, не отпуская его. Она жаждала его поцелуев так, как еще никогда в жизни ничего не жаждала.

— Я знаю достаточно.

Он провел рукой вдоль выреза ее платья, чуть скользнув пальцами под ткань, дразня тело, на которое мог прямо сейчас заявить свои права.

— Пока не время, — возразил он немного резко. И встретился с ней взглядом, требуя, чтобы она увидела то, что он мог бы скрыть. — Когда тебе не страшно будет спрашивать, а мне — отвечать, тогда мы получим то наслаждение, которое нам обещано.

Глава 5

Куин говорил не о «если», а о «когда» — и для себя, и для нее. Каприс попыталась рассмотреть в темноте его лицо: они сидели так близко, что ей было слышно, как бьется его сердце, и видно, как меняется выражение его лица.

— Ты так уверен?

— А ты нет?

— Не должна была бы.

Он мягко отстранил ее.

— Пойдешь со мной?

Она посмотрела за его спину, на дверь ресторана.

— Да. Должна — иначе я себе не прощу.

И она снова заглянула ему в лицо.

Его улыбка тронула ее: в ней читалась та же неизбежность, что прозвучала в ее ответе. Не говоря ни слова, он вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть дверцу. Протягивая Каприс руку, он сказал:

— Тогда пойдем и будем говорить о прошлом и настоящем.

— Но не о будущем?

Он продел ее руку в свою.

— Сегодня — нет.

Вечер шел именно так, как он обещал Каприс заметила, что рассказывает ему о том, как ее удочерили, и даже немного о тех годах, что были раньше. Его немногочисленные вопросы были умными, чуткими и полными сострадания. Ей не приходилось следить за своими словами или искать в его вопросах тайного смысла. Но что было еще удивительнее — ее сегодняшний спутник оказался совершенно не похож на того хладнокровного незнакомца, с которым она обедала несколько дней тому назад. Этот Куин улыбался — не слишком часто, но так, что у нее не оставалось сомнений в том, что ее общество доставляет ему удовольствие.

— А теперь расскажи мне о себе, — попросила она за десертом.

— Как и у тебя, у меня нет близких родственников. Когда-то я знал свою мать — это было очень давно. Отец умер, когда мне не было еще двух лет. — Он поднял рюмку с коньяком, покачал напиток и сделал небольшой глоток. — Я — наполовину американец, а наполовину — ром.

— То есть цыган?

Он кивнул, ожидая, что она забросает его вопросами о его происхождении, — такая реакция была бы типичной.

Каприс ощутила его ожидание, почувствовала, что его тело немного напряглось. Она начинала узнавать этого человека. Можно было представить себе, сколько всяких глупостей ему пришлось выслушать за свою жизнь!

— Я почти ничего не знаю об этой жизни. Ты мне расскажешь?

Куин с тихим вздохом расслабился. Рядом с Каприс его всегда ждали неожиданности!

— Нас стало гораздо меньше, чем было раньше. Возможно, нас пора заносить в Красную книгу. — Его взгляд был устремлен мимо нее, в прошлое. — Я родился в Европе, среди гор, на полпути между двумя странами, которых больше не существует, Мой отец принял меня, а потом и мою сестру.

— Вы близнецы?

Он покачал головой:

— Нет. Она родилась годом позже, только в ту ночь не было грозы, и ветер не завывал на склонах, словно роженица. Весна коснулась того дня, когда она пришла на эту землю. Но зима сжимала ее в тисках в ту ночь, когда она ушла.

Каприс резко втянула в себя воздух, осознав, что его поэтическая фраза говорит о смерти.

— Сколько лет ей было?

— Двенадцать.

Куин сделал большой глоток коньяка.

— Несчастный случай?

Куин покачал головой: выражение его лица выдавало, сколь глубокий шрам оставила в его душе смерть сестры.

— Ее смерть не была несчастным случаем, — ровным голосом проговорил он.

— Убийство?

Каприс всмотрелась в его лицо: боль и ярость с течением времени не стали меньше. Куин допил коньяк и отодвинул рюмку в сторону. Он не был готов ответить на этот вопрос и поэтому проигнорировал его.

— До той зимы мы жили в кибитке, переезжая из страны в страну, словно никаких границ между ними не существовало. Цыганам нужна свобода — огромные пространства и небо без конца. Если приковать цыгана к одному месту, получишь бешеного человековолка, который мирится с превосходящей его силой, только пока не вырвется на свободу или не погибнет.

Захваченная странными словами и разворачивающейся перед ней картиной, Каприс увидела нового человека по имени Куин, с душой поэта, взглядом циника и словами реалиста. И воспоминаниями, такими же темными, как ее собственные. Впервые с момента встречи с Куином она поняла, что между ними может оказаться нечто общее.

— Ты говоришь так, словно знаешь вес таких цепей.

Он сосредоточил взгляд на ее лице и увидел мягкий свет в ее глазах — глазах, которые так правдиво отражали все ее настроения.

— Знал, — просто сказал он.

— Ты был таким бешеным волком?

— Нет, только хорошо обученным охотником.

Его ответ, не оставлявший места сомнениям, заставил ее нахмуриться.

— Я не понимаю.

— Страна, в которой мы оказались, управлялась военными. С их точки зрения, я совершил преступление, и меня забрали из семьи. Больше я их никогда не видел.

Каприс в ужасе смотрела на него. Он рассказывал об этом так сдержанно, что ей не сразу удавалось осознать всего, что стояло за его словами.

— Какое преступление?

Куин наблюдал за ее взглядом, анализируя все изменения в его выражении. Он привык рисковать. Другого способа жить он не знал — не хотел знать. Но Каприс была не похожа на него. Ей нужны были спокойствие, чувство безопасности, а он никогда не сможет их ей дать. Слишком много было в его жизни такого, что нельзя исправить — даже если бы он сожалел об этом настолько сильно, что готов был бы попытаться все исправить.

— Я убил тех, кто украл жизнь моей сестры.

Каприс ожидала почувствовать ужас, а нашла лишь понимание. В глубине души она уже до его ответа знала, что он отомстил за сестру. Такой человек, как Куин, всегда будет сражаться за тех, кто ему дорог, и защищать их. Она поняла это в баре «У Билли», когда он встал между нею и болью. Но, несмотря на эту уверенность, его тогдашний возраст делал такой выбор исключительным.

— Тебе было всего тринадцать.

Куин медленно выдохнул, чувствуя, как из него уходит тревога. Он уже давно знал, что расскажет ей об этом — о начале своей жизни. С каждой минутой, проведенной рядом с Каприс, она становилась ему все нужнее, но он не мог сделать ее своей подругой, пока она не знала, что за человек держит ее в своих объятиях, какие руки дарят ей наслаждение, разгоняющее тьму ночи, какой голос шепчет пряные, тайные слова, которыми любовники не делятся больше ни с кем на свете.

— В моем мире я был мужчиной. Этого было достаточно.

— И тебя поймали, да?

Он кивнул:

— И посадили в клетку.

— Ты убежал?

— Нет. — Его губы мрачно сжались, глаза потемнели от воспоминаний, которыми он не собирался ни с кем делиться. — Мне предложили свободу. Я пошел на сделку.

Каприс обдумала эту идею и нашла ее странной.

— Какую сделку?

— Убитые мной мужчины были солдатами. Мои методы уничтожения оказались более эффективными, чем их. На их начальника это произвело впечатление. Он предложил снять с меня обвинение при условии, что я соглашусь проходить обучение в его группе.

— Ты согласился?

— Цыган политика не интересует. И я не осуждал всю группу из-за нескольких ее членов. Этому мать научила меня еще в раннем детстве. Убийцы были наказаны. А у этого человека был ключ от клетки. Мне это показалось справедливым обменом.

Каприс было понятно, что такое выбор, сделанный по необходимости. Ей и самой приходилось делать подобный выбор.

— И тогда ты стал охотником?

— Да.

Куин ответ взгляд и сделал знак официанту принести счет.

— Ты и сейчас охотник? — негромко спросила она, понимая теперь, как ему уда лось настолько легко справиться с двоюродным братом Крошки.

Он снова повернулся к ней.

— Нет. Я обнаружил, что потерял вкус такой жизни.

— И что ты делаешь?

— Решаю загадки.

— Какие именно?

Куин подождал, пока не отошел официант, которому он дал свою золотую кредитную карточку.

— По больше части — старые. Кусочки истории, записанные на неизвестных языках народами, чьи обычаи и языковые обороты отличались от современных.

— И никакого правительственного шпионажа?

— Очень редко.

— Но все-таки бывает?

Он кивнул:

— Очень мало. Сейчас в этой области хорошо работают компьютеры. — Он встал и взял ее за руку. — А ты ожидала нечто более колоритного? — пробормотал он так тихо, чтобы его услышала только она одна.

— Я привыкаю ничего не ожидать в отношении тебя, — иронично призналась она. — И каждый раз ошибаюсь.

— Это непривычно для тебя, а ты любишь, чтобы все было привычно и безопасно.

Куин принял от официанта свою карточку и чек об оплате, размашисто расписался внизу чека и увел Каприс из ресторана.

— Мне необходимо, чтобы все было привычно и безопасно, — честно поправила его Каприс. — Я слишком много времени жила впроголодь, не зная, что меня ждет завтра — вплоть до того, будет ли у меня все тот же дом и постель. Я не помню ни одного года в детстве, когда у меня были те же игрушки, что и в прошлом году. Мы всегда едва успевали улизнуть от кредиторов или какого-нибудь мужчины, который считал, что мать ему что-то должна. Когда меня удочерили Лоррейн и Джеффри, я надеялась, что смогу забыть об этом. Я получила все, что считала важным, но как бы много я ни имела, я не потеряла потребности пересчитывать все, что мне принадлежит, цепляться, копить, нуждаться в вещах больше, чем в людях. — Она неловко пожала плечами. — Наверное, я не очень приятный человек.

Он остановился около машины и повернул Каприс лицом к себе. Ему было больно видеть в ее глазах печаль, но он не показывать этой боли. Он сосредоточился на ее чувствах, на том, что было нужно ей.

— А ты действительно хотела бы быть настолько скучной?

Каприс невесело улыбнулась:

— Скучно это или нет, но мне хотелось бы, чтобы я могла гордиться своей системой ценностей, не чувствовать, что я коплю деньги только ради того, чтобы копить, не считать себя эгоисткой.

— Ну так изменись, — бросил он ей вызов. — Оставь прошлое позади. Закрой за ним дверь.

Она облокотилась на машину, наблюдая за падающими на его лицо бликами света.

— Взмахнуть волшебной палочкой и преобразиться. Мгновенно стать приятной. — На этот раз ее улыбка была ироничной и ирония была адресована ей самой. — Если бы я была на это способна, мать всю оставшуюся жизнь благодарила бы Аллаха. — Она подняла руку и прикоснулась к его щеке и сильному подбородку. — Ты очень необычный человек, Рэндал Куинлен. У тебя странные идеи — совершенно логичные, но такие, на какие у большинства не хватает ни мужества, ни сил.

Он накрыл ее пальцы ладонью, прижав их к своей щеке. Каприс этого не заметила, но она впервые прикоснулась к нему, не выражая страсть или желание. Ее взгляд был нежным — тоже впервые, и голос звучал мягче, чем прежде.

— По-моему, ты себя недооцениваешь. Ты можешь сделать все — если только будешь верить, что это возможно.

Он еще не кончил говорить, а Каприс уже отрицательно качала головой.

— На работе — может быть. В личной жизни — сомневаюсь.

— Сомнения — это не то же, что отрицание. — Он пододвинул ее руку к губам. У ее кожи был пряный вкус, настолько похожий на аромат ее тела, что он почувствовал его воздействие сразу на двух уровнях. Он принял это, но сосредоточился на ее мыслях. — Ты думала, что это невозможно. Ты даже убежала от этого, — нежно напомнил он ей,

Каприс задрожала: она не могла отрицать этой истины, пусть даже ей и хотелось бы это сделать.

— Это не одно и то же. Урок слишком давний и слишком твердо усвоен.

— Ну, и кто теперь прибегает к благоразумным доводам?

Он притянул ее к себе за руку, которую продолжал удерживать. Обнял за талию, так что их бедра соприкасались. Это был интимный жест, и, несмотря на разделявшую их одежду, он не мог не возбудить страсти. Куин глубоко втянул воздух, вбирая ее в себя так, как можно было сделать на людях. Ее прикосновение запечатлелось на его коже, аромат тела вьелся в его чувства. Ее тепло было подобно мягкому одеялу.

— Я себя благоразумной не чувствую, — прошептала она, приникая к его сильному телу, больше не боясь притяжения, удерживавшего ее теперь не менее надежно, чем те цепи, о которых он рассказывал.

— Нет. Ты мягкая и бесконечно желанная. — Куин провел указательным пальцем по ее губам. — И очень сладкая.

Каприс легко поцеловала кончик его пальца, продолжая смотреть прямо ему в глаза. Она видела, как в них запылало желание, и испытала чисто женскую гордость и радость властью, которую приобрела над ним. Это было неожиданным и очень показательным. В его объятиях она чувствовала себя настоящей женщиной — такой, какой и не надеялась стать.

— Ты слишком много говоришь.

— Только потому, что иначе нас арестуют, — пробормотал он, наклоня голову, чтобы принять предложенный, ею поцелуй. Ее рот был таким, каким он его запомнил — обольстительно сладким и жарким. Она брала — но и давала. Он почувствовал, как ее пальцы впились в его

пиджак, словно она хотела оставить метку на своем мужчине. Страсть разорвала сдерживавшие ее цепи. Куин поймал ее руки, сжал их и притянул к своей груди. Чтобы справиться с собой, ему сначала надо было справиться с ней.

— Нам нельзя загореться здесь, — хрипло выдохнул он, поднимая голову, чтобы заглянуть ей в глаза. Страсть, которую он увидел в их глубинах, была под стать его собственной жажде.

— Ты примешь меня сегодня? Доверишься мне? Подаришь себя?

— Не надо было тебе задавать этот вопрос! Все было бы гораздо проще, если бы ты просто дал всему случиться.

— Не проще. — Он обхватил пальцами ее подбородок, проследив его упрямые контуры. — Мы с тобой непростые люди. И я не хочу, чтобы ты пришла ко мне, подгоняемая бездумным желанием. Мне нужно не только твое тело — каким бы чувственным оно ни было.

— Полюби мой ум? — попробовала пошутить она.

Если бы она позволила себе отнестись к его словам серьезно, к ней вернулся бы страх и потребность бежать.

— Перестань! — приказал он, неожиданно гневно.

— Я не могу иначе! Неужели ты не видишь?

Мольба вырвалась у нее так неожиданно, что она не успела заставить себя замолчать.

Куин отмел ее оправдания и сразу же ухватил суть происходящего:

— Вижу, ты опять бежишь.

— Я хочу тебя. От этого я не бегу.

— Это точно, — согласился он, выпуска ее подбородок и протягивая руку вниз, туда, где сливались их тела. — Выходит, ты все-таки выбрала игру. Проверку для дальнейшего. «Хорош в постели — может, я и разрешу ему узнать меня. А, с другой стороны, может, и не разрешу». — Его глаза горели гневом и досадой. — Кажется, правила именно такие? — Когда он начинал выходить из себя, его акцент становился заметнее. Его необузданное наследие, неприрученность, по-прежнему клочкотавшая в его жилах, поднялись, затопив ту цивилизованность, которую он на себя набрасывал. — Дикий жеребец для чистокровной кобылицы?

Руки, прижимавшие ее к себе, сжались сильнее.

На секунду Каприс застыла, а потом гордо вскинула голову, не менее разгневанная, чем он. Она ведь тоже росла не в тепличных условиях! И знала, как вести бой.

— Будь у меня столько силы, сколько у тебя, ты бы уже сейчас извинялся за сказанное! — прошипела она, отстраняясь настолько, насколько он ей позволил. Она не пыталась вырваться. Не было смысла начинать сражение, в котором не было шансов на победу. — На таких условиях я не ложусь ни с одним мужчиной, сколько бы наслаждений он ни сулил!

— Тогда отвечай на мой вопрос! — парировал он.

Рассердившись, она стала его воительницей, настолько сильной, что могла бы принять все, чем он был.

— Принимаю ли я тебя, как моего жеребца? Нет. Хочу ли я провести с тобой ночь! Да. Проведу ли я с тобой эту ночь? Только через твой труп!

Она бросила на него возмущенный взгляд, настолько разгневанная, что не в состоянии была думать или беспокоиться о том, как звучат ее слова и что мог бы подумать о ней случайный прохожий.

Куин безмолвно смотрел на нее, захваченный бушевавшей в ней бурей эмоций, Воительница? Нет. Она была верховной жрицей воинов! Гнев покинул его, нейтрализованный ее яростью. Он невольно улыбнулся тому, как она бросала ему вызов, не боясь последствий. И она еще считает себя трусливой! Он готов верить, что ей вообще неизвестно, что значит это слово. У него из горла вырвался смешок, потом еще один — и неожиданно хохот унес остатки его гнева. Он привлек ее к себе, не обращая внимания на негодующий возглас.

— Мой труп тебе ни к чему, моя воительница, — пробормотал он, обнимая ее обеими руками.

Кулаки Каприс оказались зажаты между их телами, так что возможности действовать у нее осталось немного, но этим немногим она воспользовалась сполна. Она с силой наступила ему на ногу и попыталась его отпихнуть. Куин не сдвинулся с места, и его смех продолжал охватывать ее, гася гнев почти так же эффективно, как это делало тепло его тела.

— Проклятье! Отпусти меня! — прорычала Каприс, извиваясь в попытке ударить его посильнее, а потом вдруг замерла, почувствовав, как его рука спускается вниз по ее позвоночнику. — Не смей!

Но он уже прижал пальцы к ее пояснице, и по телу Каприс пробежал сладкий ток от узла нервов, который он нашел с невероятной точностью. Она пыталась сопротивляться, но уже в следующую секунду капитулировала. Ее тело словно вибрировало под руками, дающими ей столько наслаждения, выгибаясь, как кошка, ожидающая ласки любимого хозяина. Гнев погас, усмиренный волной страсти, такой стремительной, что после нее не осталось ничего, кроме жажды.

— Будь ты проклят! — простонала Каприс, подставляя ему губы.

— Проклинай меня, если хочешь, женщина. Но ты будешь моей, — прошептал Куин, прежде чем взять то, что она ему предлагала.

Каприс отвернулась от окна, раздраженно глядя в пустоту. Даже спустя четыре часа слова Куина по-прежнему оставались жаркими и полными обещания — такими же, какими были его ласки.

— Будь он проклят!

Каприс упала в чересчур туго набитое кресло, на котором до этого сидел Куин, и мгновенно обнаружила там выбившуюся пружину с характером убийцы. Рассыпая проклятия, она вскочила и гневно прошла к козетке, выдавшей лучшие дни.

— «Ты будешь моей», вот как?

Она беспокойно заерзала на маленьком диванчике, пытаясь не обращать внимания на не отпускавшее ее желание. Он разжег огонь, подбросил достаточно топлива, чтобы лишить ее сна, а потом простился с ней у дверей одним только поцелуем, обещая рай и оставив ее в аду. Она хочет его! Более того — будь он сейчас здесь, она бросилась бы к нему, захотел бы он ее или нет. Она еще никогда не испытывала такого томления, такого желания, такой страсти — сон превратился для нее в недостижимую мечту. Ей хотелось бы убедить себя в том, что дело тут в одном только сексе. Но секс не жжет клеймом, не поглощает, не превращает человека в одержимого. Он не требует большего, нежели час страсти. Он не овладевает всем вниманием. Он не создает видений, из-за которых она корчится в муках, не имеющих никакого отношения к боли.

Каприс встала, обхватив себя руками. Волосы упали ей на спину спутанной волной — она даже не представляла, насколько чувственно-вызывающе выглядит. Ее кожа порозовела, согретая огнем, по-прежнему бушевавшим в ней. Поблескивая изумрудными глазами. Каприс металась по комнате, время от времени останавливаясь, чтобы кинуть яростный взгляд на телефон его гостиничного номера, который он дал ей перед уходом.

— Следующий шаг должна сделать ты, — прошептала она, повторяя его прощальные слова.

Она снова остановилась перед столиком и взяла клочок бумаги. Семь цифр. Выбора нет. Вопрос только — когда? Когда она возьмет то, чего с каждым вздохом хочет все сильнее? Когда она сдастся этому мужчине, в чьих светлых глазах таится темнота, поэтично и цинично говорящему о смерти и внушившему ей такую потрясающую страсть, устоять перед которой невозможно?

Сегодня. Томление было сильным — до боли и глубоким — до самого сердца. Завтра. Трусость очевидна и ей самой, и ему, Через неделю. Семь дней одиночества — по одному на каждую цифру телефона, который зовет его к ней. Ее рука поднялась, и взгляд сосредоточился на карточке, которую она сжимала в другой руке... Трубка была холодной, желание — жарким.

Одна цифра, две, три...

Один гудок, два...

— Куинлен?

Его ответ был резким, отрывистым.

Каприс сжала трубку. Молчание. Слова не приходили.

— Это Каприс.

На этот раз его голос прозвучал мягко, успокаивающе: словно у него масса времени и он бесконечно долго готов ждать ее признания.

Каприс с трудом сглотнула, мысленно проклиная собственную беспомощность. Она приняла решение и отступить не станет.

— Сегодня. — Она помолчала и тихо добавила: — Я приеду, если ты еще хочешь.

— Потому что это тебе подсказывает тело или голова?

Каприс закрыла глаза. Она предпочла бы не отвечать на такой вопрос.

— Тебе нужно все, да?

— Как тебе нужна уверенность и безопасность, так мне необходимо это.

Простой ответ от очень сложного человека.

— Мое тело тебя хочет. Ты об этом позаботился, — с болью прошептала она.

Куин резко втянул воздух: правдивость ее ответа проникла ему в душу. Он сыграл с этой карты и обнаружил, что она козырная.

— Но умом я тоже тянусь к тебе. Не знаю, почему. И даже не хочу знать, почему.

На глазах Каприс выступили слезы. Она плакала очень редко, но сегодня это казалось естественным. Слезы текли двумя прозрачными ручейками, отмечавшими произошедшую в ней перемену. Рождение всегда бывает болезненным, всегда травмирует.

— Я приеду за тобой.

— Это не обязательно.

— Я этого хочу.

Не попрощавшись, он молча повесил трубку.

Каприс тоже повесила трубку, чувствуя себя гораздо спокойнее. Такой умиротворенности она в себе не помнила. Она слепо шагнула вперед, не зная наверняка, есть ли там твердая почва, и вот теперь летит, освободившись от оков земного притяжения и обязанностей. Она не знает, как долго продлится полет, но пока сполна насладится всем, что он может ей дать.

Глава 6

Дверь негромко закрылась. Этот звук напомнил Каприс о том, что она собирается сделать, и в груди у нее что-то затрепетало, словно мотылек. Она повернулась спиной к неяркому свету гостиной.

— Я нервничаю, — тихо призналась она. — Как странно я этого не ожидала.

Куин подошел к ней — пока не прикасаясь. Он прекрасно сознавал, чего от нее требует. Можно было бы прибегнуть к страсти и облегчить эту минуту, но он слишком уважал Каприс, чтобы пускаться на такие уловки.

— Собираешься передумать?

Она заглянула ему в глаза и увидела в них желание, которое он не пытался скрывать. Если она попросит, он позволит ей уйти, отвезет обратно. Решать ей — как он и настаивал.

— Нет. — Кончиком языка она провела по пересохшим губам. Не отрывая взгляд от ее рта, Куин преодолел разделявшие их последние дюймы. — Я хочу тебя.

Его губы изогнулись в улыбке, одновременно обещавшей будущие наслаждения и выражавшей понимание того, каких усилий ей стоило такое признание.

— Настолько же сильно, как я — тебя? — Он обхватил ее лицо теплыми ладонями и провел

пальцами по губам, словно собираясь нарисовать их чувственные линии, а потом наклонил голову и проследил эти же контуры своими губами. — Закрой глаза.

— Зачем? — прошептала она, повинясь.

— Для темноты. Для секретов, которые ты узнаешь. Которым я тебя научу.

Он запустил пальцы в ее волосы, массируя кожу, находя нервные окончания, которые сняли бы напряжение, свернувшееся в ней тугой пружиной.

Каприс глубоко вздохнула, чувствуя, как стихает нервная дрожь. Его тепло окружало ее со всех сторон, его необычный запах дразнил ее. Ресницы Каприс опустились: она оказалась в мире, которого никогда не знала — в мире, который создавали его ласки. Его руки скользнули вниз вдоль ее шеи, сильно нажимая, оставляя после себя странную слабость. Она пошатнулась. Его руки подхватили ее, удерживая между землей и небом.

Он продолжал ее гладить, спускаясь все ниже — к плечам и рукам, обхватившим его за талию.

— Куин! — Его имя было мольбой, которую она рада была произнести.

Он закрыл ей рот поцелуем.

— Молчи! — прошептал он.

Куин так медленно поднял ее на руки, что ей показалось, будто она парит у его сердца одним только усилием мысли. Голова вдруг стала немислимо тяжелой и упала ему на плечо. Она поцеловала его в шею, прикоснувшись языком к коже, наслаждаясь вкусом и запахом его тела. Его руки сжались — и чувство свободы стало воспоминанием. Она была прикована к нему, но это казалось правильным, совершенно естественным. Темнота стала глубже. Под ее спиной вдруг оказалось что-то твердое. Кровать!

Куин смотрел на лежащую перед ним Каприс. Из полуприкрытой двери ванной в спальню проникало столько света, что до кровати добирался лишь едва заметный лучик. Он на секунду замер, чтобы запечатлеть в памяти эту картину: изящно раскинувшиеся руки, разгоревшиеся от наслаждения страсти щеки, опущенные веки, размеренно-свободное дыхание... Страх больше не прикасался к ней. Она была свободна и принадлежала ему.

Он протянул к ней руку, не отрывая взгляда от лица: на нем будет отражаться ее восторг. Ее наслаждение сделает его собственное вдвое сильнее. Обхватывая пальцами ее лодыжки, он разул ее, сняв каждую туфлю по очереди.

Каприс тихо застонала, когда он прикоснулся к ней, когда его руки снова начали ласкать ее тело. Она потеряла счет времени: Куин прикасался к каждому дюйму ее тела — и ее одежда словно растворялась сама собой. Под его умелыми ласками напряженные мышцы расслабились, стали пластичными и теплыми. А потом его прикосновения стали иными — они словно изменяли, нежно формировали, определяли ее. Она стала творением — творением его рук, превращаясь под их прикосновениями в новую, незнакомую женщину: полную жизни, в гармонии с собой и всеми нюансами того мира, которые он выстроил вокруг нее. И пока Куин узнавал ее, она тоже немало о нем узнала. Желание не было настоящим требованием немедленного удовлетворения, скорее это оказалось до боли приятным погружением в ощущения, обладавшие несравненной силой и жизненностью. Ее тело перестало быть хрупкой оболочкой, едва способной выжить. Оно стало прекрасным существом с радужно-прозрачными крыльями, которое могло подняться к небесам, могло чувствовать все, могло найти ответы да

любые загадки.

— Куин!

Голос, произнесший это имя, показался незнакомым.

Но Куин услышал ее. Его дыхание согрело ей губы.

— Подожди.

— Пожалуйста! — Она попыталась открыть глаза и обнаружила, что не может. — Иди ко мне!

Куин обхватил ладонями ее груди: это было первой по-настоящему сексуальной лаской, которую он ей дал. Большие пальцы легко скользнули по ее соскам. Волна наслаждения прошла по всему ее телу, и пронизавшая его дрожь сказала Куину, насколько она жаждет его. Убрав одну руку, он расстегнул пуговицы своей рубашки. Волосы у него на груди оказались необычно темными и густыми. Но Каприс ничего не видела. Он склонился над ней в поцелуе, и их обнаженные тела впервые соприкоснулись. Ее вздох наслаждения был глубоким и сладким — именно таким, о каком он мечтал.

Каприс подняла руки, притянув его к себе.

— Одежда. Пусть она исчезнет!

Он нежно рассмеялся. Даже снедаемая страстью, она приказывает!

— Частично.

— Вся!

Она резко выгнулась, когда его рука скользнула по ее животу в мягкие светлые завитки, охранявшие тайну ее женственности. Каприс ахнула, а он углубился в нее и наполнил ее и мир темноты вокруг. Без всякого предупреждения темнота распалась, была разорвана языками пламени. Она вскрикнула, нарушив тишину одним только возгласом:

— Куин!

Она парила — выше небес, в бесконечности, но пламя последовало за ней и туда. Она пронеслась мимо солнца, обожженная жаром и огнем. Ее руки инстинктивно сжались: она цеплялась за Куина, за единственно надежную опору в этом заново рождающемся мире. Ее ногти впились в материю его рубашки, разрывая ткань. А потом темнота стремительно вернулась, застигнув ее врасплох своей безусловной властью. Наступило забвение. Пламя погасло.

Куин склонил голову, чтобы прикоснуться к ее губам. Каприс бессильно лежала в его объятиях, пойманная в бездумье и апатии, сменивших экстаз. Сейчас она была так беззащитна! Он мог бы сделать с ней все что угодно — и она слепо повиновалась бы ему. Он привел ее к этому, чтобы дать ей больше того, что она знала прежде. Однако так он не станет ее брать. Никогда. Осторожно и нежно он уложил Каприс на кровать и прикрыл одеялом, оберегая от прохлады. Все ее чувства слишком перегружены наслаждением, слишком ленивы сейчас, чтобы следить за потребностями тела. Сейчас она очень остро ощущала бы жару и холод. И боль, и наслаждение — тоже.

— Ты в безопасности, — прошептал он, склоняясь над ней так близко, что его дыхание согрело ей губы.

— В безопасности.

Ее губы шевелились, но совершенно беззвучно. Мечта, которая никогда не станет явью. Даже в этом бездумном состоянии полного блаженства она это помнила.

Куин чуть отстранился и, не вставая с кровати, снял с себя всю одежду, кроме рубашки. А потом, так, в рубашке, и скользнул под одеяло и притянул ее к себе на грудь. Отведя волосы с ее лба, он взял Каприс за подбородок и повернул лицом к себе для поцелуя. Он нежно водил языком по ее губам, пока они не приоткрылись. Углубив поцелуй, он одним плавным движением соединился с ней. Его окружил влажный жар, маня, словно путника, пришедшего домой после долгого отсутствия.

Каприс с трудом открыла глаза.

— Наконец-то! — чуть слышно выдохнула она. — Я дождалась...

— Правда, дева-воительница?

Он приподнял бедра, доведя их слияние до конца.

Каприс ахнула от наслаждения и прижалась к нему. Ее руки обхватили его так, словно она боялась, как бы он не исчез.

— Как хорошо!

— Скоро будет еще лучше.

— Невозможно.

Куин улыбнулся, но глаза его сверкали страстью, казавшейся почти жестокой. У желания бывают стальные когти, оставляющие глубокие шрамы, но он принимал каждый удар неутоленной жажды, заставляя себя двигаться медленно, чтобы не затушить огня, который он в ней зажег. Он наблюдал за ее лицом, прислушивался к языку ее тела и давал ей то, о чем они его просили, — и больше того. Он ощущал, как одно за другим рвутся звенья цепи, приковывавшей его и его женщину к последним людским ограничениям. Его движения убыстрились, но Каприс не отставала, отдавая ему себя целиком.

— Моя! — хрипло вскрикнул он, сливаясь с ней одним мощным движением, на бесконечное мгновение осуществившим невозможное: они стали одним целым — единым телом, единой мыслью, единым чувством, единой душой.

Они принадлежали друг другу.

Каприс бессильно лежала у него на груди, прижавшись щекой к его сердцу, заключенная в его объятия. Сон манил, словно мягкий ветерок, обещая освежить и ободрить. Мгновение Каприс сопротивлялась. Она приподняла голову, все еще оставаясь в плену чувственной сети, которую он для нее соткал. Если бы ей не было так важно заговорить, она не смогла бы даже пошевелиться. Ее пальцы, прикоснувшиеся к его губам, дрожали, но она этого не заметила.

— Ты — волшебный, — едва слышно прошептала она. — Странно волшебный, таким не может

быть ни один человек, принадлежащий к нашему миру. — Она попыталась прочесть выражение его лица, но усталость не дала ей этого сделать. — А я — тоже волшебная? — спросила она перед тем, как сон овладел ею — так же властно, как это делал Куин.

Обнимавшие ее руки сжались.

— В моей жизни меня звали по-разному, моя женщина, — ответил он, и его акцент стал вдруг очень заметным — такого он не допускал больше ни с кем. — Но вот волшебным — никогда. Я — простой человек с огромными желаниями, которые можешь удовлетворить лишь ты одна.

Он уложил ее поудобнее и натянул на них одеяло. Этой ночью сон придет как друг — благодаря Каприс.

Каприс просыпалась постепенно. Сначала она ощутила тяжесть обнимавшей ее руки, потом — жар мужского тела и, наконец, легкость в своем собственном теле. Она мягко улыбнулась, открывая глаза навстречу новому дню. Комната была сумрачной и прохладной — тихой гаванью, убежищем. Повернув голову, она посмотрела на лежащего рядом Куина. Она изучала его лицо, воспользовавшись редкой возможностью видеть его в состоянии покоя, не настороженного. Даже во время сна в нем чувствовалась сила. Ее удивила темная тень на его щеках, такая контрастная со светлыми волосами и глазами. Ее взгляд скользнул ниже и остановился на воротнике рубашки, обрамлявшем его шею. Она нахмурилась и протянула руку, чтобы дотронуться до нее — словно не могла поверить в ее реальность. Его пальцы сомкнулись вокруг ее запястья.

— Это неважно, — пробормотал он. Каприс подняла глаза, не скрывая любопытства:

— Но почему?

— У меня вся спина в шрамах.

Она взглянула на удержавшую ее руку.

— В таких же?

— Хуже, — бросил он.

Каприс всмотрелась в разодранную плоть, стараясь постичь таившееся за словами, сказавшими ей, что он не принимает дефекты своего тела. Он боится, что она отвернется от него? Как это делали другие? Неужели от этого ему может быть настолько больно? Поэту могло бы. А цинику и реалисту? Логика не подсказывала ответа. И Куин явно не намерен ей отвечать. Решение должна была принять она сама. Инстинкт тихо шептал ей подсказку. Она медленно наклонила голову, и волосы рассыпались вокруг лица, пряча от него ее и то, что она собиралась сделать. Ее губы прикоснулись к самому глубокому шраму. Его рука напряглась. Он хочет отстраниться? Каприс провела губами вдоль другого шрама. Куин оставался неподвижным, хотя она ощущала, как растет его напряженность. Она поцеловала следующую метку и следующую — ее губы медленно и неотвратно придвигались к манжете его рубашки. Не останавливаясь. Каприс расстегнула его и отвернула вверх, насколько было можно. Поцеловав последний дюйм израненного тела, она подняла голову.

Куин смотрел на нее. Серебряный дождь волос обрамлял лицо Каприс и стекал ему на грудь. Ни одна женщина не прикасалась к нему так. Он чувствовал, как тепло, не имевшее никакого отношения к страсти, выжгло часть боли от ран, которые зажили, но так и не исчезли — ни с

тела, ни из памяти.

Каприс почувствовала, как вместе с выдохом ушла из него напряженность. Она выиграла эту битву — но не с помощью слов, а с помощью нежности.

— Вчера ты дал мне испытать такое, чего я никогда прежде не знала. Я принадлежала тебе. Ты мог попросить у меня чего угодно — и я бы согласилась. Я доверилась тебе так, как не доверялась никому другому.

Он прочел в ее взгляде надежду.

— Ты хочешь, чтобы я снял рубашку.

Она кивнула.

— Я не стану обещать, что никак на это не отреагирую. Но я могу обещать тебе, что эта реакция не будет связана с тем, что ты обезображен. Дело будет в том, что я увижу, как ты страдал.

Ему хотелось ей верить. Этот дракон был молчаливее других — и пока Куин не заглянул в ее чистые глаза, он даже не подозревал о том, насколько силен этот зверь: его пламя может сжечь ум и сердце!

— Ты не представляешь, насколько это страшно.

Каприс улыбнулась, нежно глядя на него:

— Ты никогда не преувеличиваешь. Если это страшно для тебя — это страшно. — Она приподнялась, чтобы встретиться с его губами. Поцелуй был одновременно мольбой и приказом. А потом она отстранилась, чтобы посмотреть на него. Ее взгляд был полон решимости и уверенности. — Пожалуйста.

— Ты говорила это вчера.

— И скорее всего скажу еще не раз. — Она чуть отодвинулась, давая ему возможность сесть. Когда он взялся за края рубашки, она остановила его, прикоснувшись к плечу. — Закрой глаза.

Он всмотрелся в ее лицо.

— Почему?

— Потому что я тебя об этом прошу.

— Чтобы ты могла спрятаться?

Она покачала головой, берясь за края рубашки вместо него.

— Нет. Чтобы ты мог. Иногда всем нам бывает нужно спрятаться. Темнота становится доброй, если ее можно с кем-то разделить. Вчера ты разделил со мной мою темноту. Позволь мне разделить с тобой твою.

Он удержал ее взгляд, изумляясь тем глубинам, которые не заметил, уступая настоятельной потребности сделать Каприс своей. Как она догадалась, что он уже ненавидит то, что найдет в ее лице в ту минуту, когда она увидит уродливую паутину разрушения, обезобразившую его

плоть? Если он дорог ей, она привыкнет к этому зрелищу. Но воспоминание об этой минуте навсегда останется с ним. Доверие. Он давно никому не доверял так сильно, а может, и никогда не доверял. Его веки медленно опустились.

В темном молчании вздох облегчения Каприс показался особенно громким.

— Спасибо тебе.

Ее нежный поцелуй еще трепетал на его губах, когда он почувствовал, как ткань рубашки соскальзывает с его плеч. Матрас прогнулся — она приподнялась рядом с ним.

Каприс в ужасе смотрела на глубокие злобные борозды, которые пролегли по его телу. Слово «боль» было бы слишком мягким, чтобы описать то, что ему пришлось пережить. Смертельная мука — это было бы точнее. Она не заметила первых капель, упавших, когда она подалась вперед и прижалась щекой к самому изуродованному месту.

Ощувив ее прикосновение, Куин застыл — но уже в следующее мгновение все напряжение ушло из тела, пережившее садистские раны, нанесенные рукой человека. Слезы! Он чувствовал, как они текут по его спине — как когда-то текла его кровь. Исцеление. Его глаза открылись. Он вспомнил про драконов и женщину, которая, как ему было обещано, победит их. Слезы. Одно из ее оружий. Он повернулся и притянул ее к себе. Каприс тесно прижалась к нему, обхватив руками за плечи, словно хотела заслонить его от ран. Он гладил ее по голове, пока она выплакивала у его сердца его боль. На каждую слезинку он шептал слова на языке, которого уже не существовало. А потом, когда слезы кончились, он приподнял ее голову и заглянул в покрасневшие глаза. Красота ее засияла еще ярче благодаря принесенному ею дару слез. Он снял с мокрых ресниц последнюю слезинку.

— Будь со мной. Забудь об обещанном годе! — хрипло попросил он.

Такие слова, такую просьбу он не высказал бы никому ни на этом свете, ни в будущем — никому, кроме Каприс.

Его потребность была сильной, но не сильнее ее собственной. В его объятиях она чувствовала себя завершенной, словно нашла то, чего ей не хватало всю жизнь. Когда он прикасался к ней, волшебство его прикосновений обещало счастье и любовь. Когда он улыбался ей, она начинала верить в осуществление своей мечты. Но она дала слово женщине и мужчине, пришедших к ней тогда, когда у нее не было ничего: ни настоящего, ни будущего, ни надежд — только бесконечная череда дней, в которые надо было не погибнуть.

— Не могу. Моя мать была права. Я должна понять, что важно в жизни. Она это придумала, но ты показал мне, сколько всего я упускала.

Даже восхищаясь силой ее характера, Куин попытался заставить ее передумать, воспользовавшись мольбой и обещанием.

— Я покажу тебе еще очень многое.

Он нежно погладил ее груди, подразнив своим прикосновением соски, напоминая ей, что они нашли в объятиях друг друга.

Каприс накрыла его руку ладонью, подтвердив его права на нее.

— И я позволю тебе это сделать. Здесь, если ты хочешь и можешь остаться.

Все эмоции Куина приказывали ему вынудить ее согласиться. Но его собственная честь и чувство справедливости требовали, чтобы он дал ей время, которое она обещала матери. Судьба дала ему — и он сам избрал — женщину, которая была ему ровней. Хотеть ею управлять значило бы принизить и ее, и себя.

— Я ненавижу эту квартиру. Разрешите мне по крайней мере снять нам с тобой жилье.

Она покачала головой, чувствуя, что он сдастся.

— Я же сказала, какие условия мне поставили. Это было бы отступлением от них. — Он чертыхнулся на языке, которого Каприс не знала, но смысл его слов был понятным. — А ты бы нарушил данное тобой слово?

— Нет, будь ты проклята! Не нарушил бы. Но не жди, чтобы мне нравилось то, чего ты требуешь! — откровенно ответил он.

Она рассмеялась и обняла его. Она и не подозревала, что он может быть таким раздраженным! Сегодня утром он едва справляется с собой. Из-за нее и того, что было между ними? Каприс надеялась, что это так. Она ощущала происходящие в ней перемены. Ей не хотелось бы думать, что их встреча влияет на нее одну.

— Мы собираемся снова заняться тем, что делали ночью? — спросила она, закидывая голову и бросая ему вызов.

Он насмешливо приподнял светлые брови.

— Пытаешься укротить дикого зверя?

— Несомненно. И еще заполнить пустоту, которой нужен только один мужчина, — отважно прошептала она. — И, если уж на то пошло, ты мог бы заодно научить меня еще несколькими твоими чудесными фокусам.

Сверкнув глазами, он передвинул руки, прикасаясь к ней в новых местах.

— Вот таким фокусам?

Каприс беспокойно шевельнулась, ощущая волну чувств, снова разбудивших в ней желание.

— Сам знаешь, — ответила она, пытаясь повторить его ласку.

Было ли это слепым везением или осуществлением ее намерения, она не знала, но Куин вдруг замер, а потом глухо застонал с таким изумлением и наслаждением, что ей стало понятно: она попала прямо в цель. С величайшей осторожностью она закрыла глаза, говоря с ним с помощью прикосновений, Она повторяла каждую его ласку, пока вдруг мир не перевернулся, когда Куин опрокинул ее на матрас в сдержанном порыве, не имевшем ничего общего с умело управляемой страстью прошлой ночи.

Они слились одним мощным движением. Она обхватила его руками, прикинув к нему в ожидании их общего полета. Они понеслись через время и пространство, летя к вершине экстаза в порыве, который оба не могли бы ни контролировать, ни остановить. А потом они неожиданно достигли его. Попали в пламя, одновременно пожиравшее и рождавшее заново. Когда же все осталось позади, их встретили молчание и будущее, которого оба не ожидали.

— Почему ты не хочешь, чтобы я нашел тебе работу? — раздраженно спросил Куин, глядя, как Каприс внимательно изучает объявления в газете. Последние четыре дня они завтракали вместе, и каждое утро было повторением предыдущего. Она обводила заинтересовавшие ее объявления и одевалась, чтобы идти на собеседования, а он старался убить время, пока она не вернется. По-прежнему без работы.

Каприс подняла глаза и покачала головой:

— Мы уже с тобой об этом говорили. Я согласилась на условия. И буду их соблюдать. У Силк получилось.

— Ей помог Киллиан, — пробормотал Куин, раздосадованный до такой степени, что выдал тайну.

Каприс сощурила глаза и аккуратно отложила газету в сторону.

— Что значит — помог? Я не верю! Силк не стала бы жульничать!

— Она не жульничала. Она не знала.

Каприс обдумала услышанное, пытаясь найти ответ во взгляде Куина. Но этим утром, в отличие от предыдущих, там, где прежде она видела только страсть и откровенность, поселились тайны.

— Что именно сделал Киллиан? И почему он вообще что-то делал? Насколько я знаю, он прежде вообще никогда не видел Силк.

Куин встал из-за стола и направился к крошечной плите, чтобы снова наполнить кофейную чашку. Киллиан не рассказывал ему подробно о своих отношениях с Сент-Джеймсами до встречи с Силк, он сообщил только то, что необходимо было знать для того, чтобы помочь Киллиану спасти ей жизнь. Оставшиеся пробелы Куин заполнил самостоятельно. Он пришел к выводу, что, возможно, компании Киллиана было поручено либо оберегать дочерей Сент-Джеймса, либо активно помогать им строить новую жизнь в якобы реальном мире.

— Ну? — спросила Каприс, не дождавшись от него ответа.

Куин повернулся к ней с полной чашкой в руке и облокотился о кухонный стол.

| — Он не говорил мне, что встречался с ней прежде, — честно ответил он. — Но я определенно знаю, что он говорил о ней со своим другом, Спайком Дугласом, владельцем «Дуглас Пластикс». И я знаю, что она получила работу, в которой не имела ни малейшего опыта. Может, я что-то неправильно истолковал.

Каприс нахмурилась, пытаясь отыскать в ткани его слов чужеродную нить. Куин явно что-то недоговаривал.

— И?..

Он пожал плечами:

— И все. Ты сама говорила о том, насколько маловероятно, чтобы Киллиан искал дополнительную работу.

— Ты считаешь, что он оказался в Атланте из-за Силк?

— Да.

— Но почему?

Он снова пожал плечами.

Каприс снова задумалась над услышанным. Отец часто хвалил ее за сообразительность — и сейчас привычка анализировать оказалась как нельзя кстати. Напрашивающиеся выводы были весьма тревожными.

— Это все кажется бессмысленным!

— Но мужчина, который каждый день следует за тобой, бессмысленным не кажется.

Каприс всмотрелась в его лицо и увидела суровую складку губ и пристальный взгляд, обещающий неприятности.

— Откуда ты знаешь?

— Я следил за тем, как он следит за тобой.

— И?

— У него есть пистолет и разрешение на его ношение. А вдобавок — водительские права, полученные в штате Пенсильвания.

Каприс попыталась понять, что означают эти новости. Как ни странно, ее ничуть не смутило, что Куин следил за ней — в отличие от того, что ее семья сочла нужным снабдить ее сторожевым псом, или охранником, или чем там должен был стать «хвост» Киллиана.

— Ты хочешь сказать, что он работает на Киллиана?

— Это самый вероятный вариант. — Куин вернулся на свое место за столом, немного удивленный тем, что Каприс не стала возмущаться из-за того, что он следил за ней. — Не могли же твои родители отправить тебя и сестер в самостоятельную жизнь, не сделав попытки хотя бы как-то вас защитить?

— Но идея состояла в том, чтобы мы полагались только на себя! — запротестовала Каприс.

Однако, несмотря на собственные возражения, ей уже начало казаться, что дела обстояли именно так, как сказал Куин.

— Силк это сделала. И ты делаешь. И, полагаю, что Леора и Ноэль — тоже.

— Ты только что сказал, что Силк этого не делала!

— Нет. Я сказал, что ей помогли. Но хорошие бизнесмены не оставляют у себя на работе дураков — даже в знак дружбы, даже на самой маленькой должности. Особенно если компания пытается завоевать для себя новые территории. Силк с работой справлялась — иначе ее уволили бы. — Подождав минуту, он резко добавил: — Так что я прошу разрешить мне воспользоваться связями, чтобы ты могла пройти через отсев. Ты прекрасно знаешь, что образование, которым ты якобы так долго не пользовалась, и твоя старательная маскировка

всякого опыта работы лишают тебя шанса получить нечто лучшее, чем место в заведении типа «У Билли».

— Нет.

Куин коротко чертыхнулся.

— Если собираешься выходить из себя, изволь делать это на языке, который я понимаю, — огрызнулась она. — Я не тепличный цветочек, который надо защищать, что бы ни считали мои родители. И кстати — а с чего это ты вообще решил за мной следить?

— Хорошо. Ты — упрямая, взбалмошная, вспыльчивая баба, у которой честности больше, чем рассудительности! — раздраженно ответил он, гневно глядя на нее. — А что до слезки, то я ее начал не потому, что считал, будто ты не можешь о себе позаботиться, если ты это вообразила. Ты вчера оставила дома газету, помнишь? Я догнал тебя у поворота и увидел машину, которую уже два раза замечал у дома. Мне слишком часто приходилось вести себя крайне осторожно, чтобы не почувствовать, что что-то не так.

Его объяснение явно успокоило Каприс. Она улыбнулась, ничуть не рассерженная предыдущими словами:

— Очень милые эпитеты в адрес возлюбленной!

— А я не чувствую себя мило. — Последнее слово было полно презрения. — И вести себя буду далеко не мило, если ты снова окажешься у какого-нибудь другого Билли. И это окончательно!

Он стремительно встал, потянулся через стол, поднял Каприс и притянул к себе, не дав времени даже изумленно заморгать.

— Что ты делаешь? — воскликнула она, запрокидывая голову и пытаясь возмущенно посмотреть на него.

Но, заглянув в его глаза, она мгновенно забыла о смехе. Он был серьезен — слишком серьезен, чтобы это было игрой.

— Предупреждаю тебя. Я не стану стоять и смотреть, как ты нарываешься на неприятности. Я обещал тебе честность, но не обещал держаться в стороне и позволять тебе делать опрометчивые поступки. Я буду защищать тебя и помогать тебе. Ты дала мне на это право — сознательно или бессознательно, — когда отдала мне свое тело.

Он обхватил ладонью ее грудь, погладив сосок так, чтобы разжечь огонь, все еще дремавший в ней. Его тело отреагировало так же стремительно, приученное разделять ее страсть.

Каприс дрожала, прижимаясь к нему, не в силах остановить заполнявший ее поток желания. Но одновременно с осознанием собственной слабости пришло и понимание собственной силы. Ласка подействовала на него так же сильно, как и на нее, — он тоже был пленником страсти, пылавшей между ними.

— У меня никогда еще не было защитника, — глуховато проговорила она, прикасаясь к его щеке. Его глаза блестели, словно полированное серебро. — Мне всегда казалось, что попасть в такую зависимость опасно.

— Я не пытаюсь лишить тебя силы — только хочу сделать тебя еще сильнее, — резко сказал он,

пытаясь заставить Каприс понять его.

Она вглядывалась в его лицо, видя в каждой черте выражение несгибаемой воли. Куин пытался пойти ей навстречу, но дал понять сейчас, что на большие уступки она рассчитывать не может. Если она отвергнет его предложение, то будет рисковать тем, что разрушит хрупкое доверие, начавшее возникать между ними. И именно это, а не та удивительная страсть, которую он в любой момент мог в ней пробудить, заставило ее принять решение.

— Ладно. Пользуйся своими связями. Но только для того, чтобы со мной поговорили. — Она провела пальцем по его губам, прослеживая удовлетворенную улыбку. — Но если я обнаружу, что ты позволил себе больше, то заставлю тебя пожалеть о том, что ты сунулся в это дело.

Куин поцеловал кончик ласкавшего его пальца, улыбаясь ее суровости.

— Я тебе верю, — прошептал он, негромко засмеявшись. Теперь, добившись ее согласия, он мог позволить себе пошутить.

— Но с этой квартиры я не съеду, — добавила Каприс на тот случай, если ее капитуляция внушила ему еще какие-то надежды.

— Это я и сам сообразил.

Одной рукой он подхватил ее и перебросил через плечо.

Захваченная враспloh Каприс отреагировала чересчур поздно. Ухватив его за пояс и сдувая волосы с лица, она возмущенно выругалась.

— Что ты делаешь?

— Несу тебя в постель.

— Что?! — Она забарабанила его по спине. — Пусти меня! Я не...

Ее последние слова так и не были произнесены, потому что он бросил ее на матрас, От падения у нее перехватило дыхание, и это дало ему несколько секунд, чтобы оказаться рядом с ней.

— Не сопротивляйся. Мне надо быть с тобой, — сказал Куин, прижимая ее ноги своим телом и обхватив подбородок пальцами. Глядя в ее разобиженные, изумленные глаза, он прошептал: — Я не привык уступать. И, похоже, по отношению к тебе у меня развивается очень сильное чувство собственника.

Каприс ощутила желание, которое он пытался сдержать ради нее — и снова изумилась его невероятной силе.

— Ты же не можешь приковать меня к постели!

— Если бы считал, что это поможет, то приковал бы, — откровенно признался он.

Он провел рукой вдоль ее тела, не пытаясь даже снять с нее одежду. Его прикосновение заставило Каприс задрожать.

— Тебе не нужно этого, чтобы заставить меня слушаться. Я хочу быть с тобой, работать с тобой. — Она встряхнула головой, оставляя на подушке последние шпильки, так что ее волосы

свободно рассыпались. — Я не говорила такого ни одному мужчине.

Куин всмотрелся в ее ясные глаза, читая в них правду. Он глубоко вздохнул от облегчения.

— Я надеялся на это.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Я рада, что тебе не все равно. — Слова были простыми, чувства — сложными. Она дотронулась до верхней пуговицы на его рубашке. — Мне и правда пора на собеседование. Но если ты намерен провести весь день в постели...

Теперь наступила его очередь качать головой.

— Дай мне сначала сделать несколько звонков.

Он ждал ее реакции.

— Ну, за это тебе придется заплатить.

— Называй цену.

— Ленч. В каком-нибудь дорогом ресторане. До смерти хочется бифштекса. А может, и омара.

Он усмехнулся, по-цыгански сверкнув глазами.

— Если повезет, можно будет отпраздновать.

— Сначала дождусь результатов.

Она быстро его поцеловала, а потом выскользнула из-под его ноги и слезла с кровати.

Куин наблюдал за тем, как она расправляет смявшийся костюм, восхищаясь и ее телом, и умом. Его интриговали все повороты и изгибы ее непростого характера. Она постоянно держала его в напряжении: приходилось предвидеть все ее поступки и пытаться добиться перевеса в свою пользу.

— Интересно, кого ты можешь здесь знать, — ты же говорил мне, что первый раз в Хьюстоне, — рассеянно проговорила Каприс, подходя к потускневшему зеркалу, чтобы уложить волосы. Они растрепались — как всегда!

Куин напрягся, но мгновенно сообразил, что Каприс даже не подозревает, какую дверь только что приоткрыла, — дверь, за которой было больше лжи, чем правды.

— Здесь базируется несколько крупных корпораций. Кое с кем из их руководителей я знаком.

Он встал с постели, не отрывая взгляда от бессознательно-чувственных движений, которыми она поправляла прическу и макияж. Женщины не представляли для него тайны — не считая удовлетворения потребностей их тела и своего собственного, он обычно не интересовался тем, что еще они делают. До Каприс. Все, что делала и о чем думала она, представляло для него ценность. Ему хотелось наблюдать за ней, даже когда она просто спала. Ему хотелось знать ее мысли — даже самые простые, касающиеся обыденных вещей.

Каприс улыбнулась его отражению в тусклом зеркале, а потом повернулась к нему:

— Ты пытаешься сказать мне, что у тебя есть вес в обществе?

Он пожал плечами:

— Некоторый. В данном случае — именно такой, какой нужен.

— Это похоже на отговорку. — Она чуть нахмурилась, вдруг осознав, что хотя они очень подробно и много говорили о ее жизни, про Куина того же сказать было нельзя. Она не расспрашивала его, после того, как он рассказал ей о своей семье — и это несмотря на то, что она все время об этом думала. Однако всякий раз ей что-нибудь мешало, и ее вопросы оставались незадавленными. — Как может человек, разгадывающий загадки, иметь влияние такого рода?

— Ты же знаешь, что до этого я занимался другими вещами.

Она пыталась не думать о тех намеках, которые получила относительно той прошлой жизни.

— И именно тогда ты и приобрел вес?

В течение своей жизни ему не раз приходилось лгать — по самым разным причинам, не моргнув и глазом, и даже людям, которые имели на него некие права. Но он не мог делать то же, глядя в глаза Каприс. У него обнаружилась слабость — тогда, когда он был уверен, что избавился абсолютно от всех! Повернувшись, он направился к двери.

— Можно сказать и так.

Хмурясь все сильнее. Каприс пошла следом.

— О чем ты не хочешь мне говорить? — спросила она, когда он потянулся к телефону, стоявшему в гостиной на журнальном столике.

Куин отгораживался от нее, замыкался — и это оказалось неожиданно больно.

Куин быстро оглянулся на нее через плечо, сознавая, что старается как можно сильнее оттянуть момент частичной откровенности. Ему удалось уйти почти от всех ее вопросов, но он сознавал, что такое будет возможно очень недолго. Однажды ей придется узнать всю правду. Отвернувшись от Каприс и стоящих в ее глазах вопросов, он вытащил из внутреннего кармана записную книжку. Ее страницы были заполнены с помощью его личного шифра, который недружелюбному постороннему пришлось бы разбирать очень долго и мучительно. Еще одна старая привычка, оказавшаяся полезной в этой его жизни!

— Ты тоже не рассказала мне о своем прошлом во всех подробностях, — напомнил он ей, пока искал нужный телефон.

— Я рассказала все самое важное! — возразила она, удивленная таким замечанием.

Каприс села, наблюдая за тем, как Куин разговаривает по телефону. С помощью нескольких слов, чуть изменив обороты речи и интонации, он вдруг превратился в незнакомца. Он говорил решительно, почти резко, перечисляя ее данные и недвусмысленно давая понять, что он ее рекомендует. Потом он слушал, явно не соглашаясь с тем, что ему говорили. Молчание — то, что ему удавалось особенно хорошо. Потом его собеседник сдался. Куин повесил трубку, коротко поблагодарив его, записал полученную информацию, а потом обернулся к Каприс, держа в руке листок бумаги с ее ближайшим будущим.

Каприс не понравилось его молчание. Почему-то оно заставило ее вспомнить об опасности, о вещах, которые лучше не знать.

— Ты говорил так, словно знаком со мной целую вечность, — сказала она в конце концов, испытывая потребность восстановить связь с повседневностью.

Не меняя выражения лица, Куин пристально наблюдал за нею.

— А ты бы предпочла, чтобы я сказал, что ты моя любовница?

Он убрал записную книжку в карман, продолжая неотрывно смотреть на Каприс, Он прочел в ее изумрудных глазах любопытство — но страха не было, по крайней мере пока. Он невольно напрягся, сознавая, что его ждет. В таком еще недавнем прошлом он смог бы пережить расставание, сожаление о том, что между ними было. Ночь и день. Холод после тепла. Клетка после свободы. Все это имело силу благодаря самому факту своего существования, позволявшему отграничивать одно от другого. Если ее с ним не будет, его мир станет темной холодной клеткой.

— Ты знаешь, что нет. Не потому, что я стыжусь наших отношений, а просто, что их превратно истолковали бы.

Он наклонил голову, продолжая наблюдать — и ждать.

Теперь Каприс поняла, что это было за молчание. Оно обозначало некий решающий момент. Ей надо сделать выбор: удовлетворить свое любопытство или отступить, Вот только невозможно было предсказать, какой вариант окажется менее тяжелым.

— Наверное, мне надо услышать ответы на те вопросы, которые я еще не задавала, — вымолвила она наконец.

Куин почувствовал, как в нем начинают работать инстинкты, не раз спасавшие ему жизнь. Он собрался, не ожидая ничего — и ожидая все.

— Я останусь тем же человеком, который дарил тебе наслаждение, — напомнил он ей, не жалея ни ее, ни себя.

Каприс не отвела глаз, вдруг почувствовав, как что-то меняется. И эту метаморфозу вызвал не только телефонный звонок. Куин перестал быть тем человеком, что последовал за ней в Хьюстон. Тот, кем он был сейчас, казался более опасным — способным на вещи, о которых принято говорить только шепотом или не говорить вовсе. Ее пронизал страх — страх перед тем, что принесут ближайшие минуты, а не страх перед самим этим человеком. Она взглянула на шрамы на его руках, и воспоминания о том, как выглядит его спина, стали еще ярче.

— Ты начинаешь понимать.

Он засунул руки в карманы: рефлекторное движение, ставшее почти естественной частью его самого, как и серебряные глаза, проходившие с ним через многие жизни.

На секунду Каприс почти готова была отступить. Куин дал ей вкусить рая. Осмелится ли она увидеть ад, следы которого остались на его теле?

— Расскажи мне, — прошептала она, сознавая, что на самом деле другого выбора не существует. Они зашли слишком далеко, чтобы удовлетвориться чем-то меньшим.

— Я не отпущу тебя, — жестко сказал он. — Я тебя нашел. И не позволю тебе уйти.

Его властные слова и решительно сверкающие глаза заставили ее задрожать. Она ни на секунду не усомнилась в том, что он сдвинет моря и горы, чтобы удержать ее. В нем чувствовалась жажда обладания, которая должна была бы страшно напугать ее. А вместо этого она увидела только пустоту его жизни — и своей собственной.

— Я готова на риск.

— На определенность.

Каприс должна понять, что он ее не отпустит. Она должна увидеть, что это не просто слова, порожденные страстью.

— Я понимаю.

Он наблюдал за ней в мрачном молчании, читая ее уверенность в том, что она сможет держать его на расстоянии, если захочет. Это были желание и уверенность, порожденные неведением относительно тощ что он за человек. И от этого ее никак нельзя было защитить.

— Сегодня вечером.

Она покачала головой.

— Сейчас. — В алмазно-твердом взгляде Куина она прочла отказ. — Пожалуйста.

Он закрыл глаза. Это слово! Их слово, Каприс говорила ему, что произнесет его снова, но Куин совершенно не ожидал услышать его сейчас.

— Хорошо.

Он поднял глаза и секунду смотрел на нее, запоминая то, что есть и чего, возможно, никогда больше не будет. Возможно, он больше никогда не увидит в ней такой же доверчивости и такой уверенности в себе, своем умении разбираться в людях, в нем...

Он посмотрел мимо нее в окно, на горизонт.

— Коротко и по существу. Я был наемником. Люди платили за мое умение владеть оружием, за мой ум, за мое умение. Я прекрасно работал. Бесшумно. Точно. И стоили мои услуги дорого. По большей части я был на стороне так называемых «хороших», но это, особенно в начале, было результатом не столько добрых намерений, сколько везения.

Каприс смотрела на его напряженно выпрямленные плечи, слушала резко осуждающие слова. Ей было больно за него, за ту муку, которую она слышала в каждом произнесенном им слове. Она шагнула к нему. Ее жизненный опыт дал ей то, чего не было у других женщин: сострадание, распространившееся за пределы того, что общество считает допустимым, понимание необходимости выжить вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам. Она прикоснулась к его плечу.

— Я по-прежнему здесь, — прошептала она. Ее ресницы затрепетали, когда он вздрогнул, прежде чем повернуться к ней. Его глаза всматривались в ее лицо так, словно он был уверен в том, что она солгала. — Своим прошлым тебе меня не прогнать. Но оно поможет мне увидеть тебя.

— Я не пытаюсь тебя прогнать! — резко возразил Куин. Он схватил ее за плечи и притянул к себе. — Этого мне хочется меньше всего.

Каприс запрокинула голову.

— Тогда перестань себя осуждать и расскажи мне все, вместо того, чтобы делать короткие заявления, словно ты хочешь заставить меня их не принять. Расскажи, как случилось, что после того, как тебя завербовали военные, ты стал наемником.

Он глубоко вздохнул, прижимая ее к себе, вбирая в себя ее присутствие так жадно, как сам не хотел бы этого признать.

— Это длинная история.

— Ну так придется пропустить ленч, — Она пошевелилась в его объятиях, подняв голову с его плеча. — Но давай лучше сядем.

Она отодвинулась и взяла его за изуродованную руку, чтобы увести на бугристую кушетку.

Куин смотрел на их сомкнутые руки, понимая, что никакая другая женщина не приняла бы его признание так, как Каприс. Предсказание не ошиблось, хотя за эти годы он почти убедил себя в том, что это был всего лишь бред выживающего из ума старика. Подчинившись ей, он уселся рядом, ожидая, что она выпустит его руку. Но она ее не отпустила. Переплетя свои пальцы с его, она ждала, глядя на него ясными, чистыми и бесстрашными глазами.

— А я считал, что знаю тебя, — пробормотал он.

Каприс улыбнулась.

— Знаю. А я думала, что знаю себя. — Она покачала головой, тихо посмеиваясь над ними обоими. — Мы вместе узнаем новое. — Ее смех стих. — А теперь рассказывай. Все. Не только уродливые моменты, которые рисуют тебя в черном цвете. Только то, что было.

— Меня взяли в армию. Четыре года специальной подготовки. Дисциплина мне нравилась, но потеря свободы была ненавистна. Политические вопросы меня не волновали — в отличие от того, как работала та армия. Моя сестра была не единственной жертвой. Как только мой контракт закончился, я ушел. Это было нелегко. Тот человек, что меня взял, имел на меня планы и пытался подстроить так, чтобы я вынужден был остаться. Но я нашел друзей — определенного рода. Они помогли мне избежать ловушки, которую он мне устроил.

Каприс стиснула его пальцы, предлагая молчаливое сочувствие. Ей хотелось бы заполнить пробелы с помощью вопросов, но отблески гнева, бессильной досады и разочарования, которые она видела в его глазах, заставляли ее молчать.

— Мои «друзья» были наемниками. Я подозревал об этом еще до того, как принял их помощь, но иначе мне пришлось бы стать военным насильником и убийцей невинных. Поэтому я пошел на риск и приобрел долг, с которым надо было расплачиваться. Я работал с ними, шел на тот же риск, что и они, жил одной жизнью с ними. Поначалу наши отношения работали. В этой группе были свои идеалы: бывшие военные хотели помочь угнетенным. А потом их командира убили, и его сменил другой, которому не было дела до человеческих жизней и свободы. Он продавал нас тем, кто готов был больше заплатить, не обсуждая этого с остальными. Денег мы стали получать очень много. Так что об идеалах никто и не пикнул. — Свободной рукой он прикоснулся к ее лицу. — К тому времени в живых остались только двое из тех четверых, кто

помог мне бежать. У меня было ощущение, что что-то не в порядке. Я участвовал в том первом рейде. Они погибли. Я вернулся только для того, чтобы забрать свои вещи. После этого я работал один. Я делал выбор в соответствии с запросами клиента и тем, сколько он платил. Политика интересовала меня по-прежнему мало. А вот свобода — да. Никто не заслуживает, чтобы на него надевало цепи правительство, состоящее из людей, которые ничуть не лучше, а, как правило, и гораздо хуже, чем он.

Его губы сурово сжались.

— Несмотря на то, что я часто работал на угнетенных, платили мне лучше, чем просто хорошо. Когда мне исполнилось тридцать, я уже пять раз был миллионером. И еще я устал. Я был по горло сыт обманами, увертками и тем, что все время надо держаться настороже. Так что я ушел. Взял деньги и купил себе остров и новую жизнь. На этот раз я действительно стал свободным. За мной не было долгов — не надо было заходить в клетку, которой я не выбирал. Не надо было подчиняться правилам, установленным не мной. И мир не вторгнулся в мою жизнь — если я сам этого не хотел.

— Так что ты отгородился от всех людей — точь-в-точь как я.

— Это не то же самое. Проклятье, я ведь мог бы быть кем-то гораздо лучшим. Черт побери, за последние семь лет моей жизни я это прекрасно понял. Неужели ты думаешь, что мне нравится об этом знать?

Каприс почувствовала, как в нем поднимается ярость — и приняла ее, как приняла и его самого. Она поймала его голову, обхватив руками за щеки, и заставила смотреть себе прямо в глаза.

— По-моему, ты чувствуешь себя виноватым в том, что сам не чувствуешь, не ощущаешь и не считаешь важным. У всех есть на это право. Разве вера в одно какое-то правительство — это правильно? Ты ведь сам признаешь, что выбирал себе ту сторону, которую считал правой. С моей точки зрения, это гораздо более порядочно, чем если человек принимает участие в войне, в которую не верит, исключительно ради гражданства в некоей стране.

Куин вглядывался в ее глаза, пытаясь отыскать там хоть тень неискренности. Вопреки тому, что он ожидал. Каприс его не осудила.

— Я такой, какой есть, — признал он в конце концов, понимая, что на этот раз частичную правду надо сделать полной. Каприс дала ему гораздо больше, чем он мог надеяться. Было бы только справедливо, чтобы он вернул ей этот дар.

Каприс пригладила ему волосы на левом виске. Под ее пальцами мощно бился пульс.

— Женщина, пусть даже целиком ушедшая в деловую карьеру, всегда может определить краску, даже такую хорошую, как у тебя. А какого цвета они были?

— Черные.

— У тебя еще остались враги, да?

Она думала о его шрамах и о ненависти, которая должна была двигать рукой, эти шрамы оставившей. К ней пришел страх — леденящий, непреодолимый. Прикрыв глаза, она попыталась с ним справиться. Куин не поймет, что это страх за него", но он обязательно его заметит. Поначалу она не видела в нем человека, которого можно ранить. Она ошибалась.

Поэт, циник и реалист — все его ипостаси по-своему ранимы. Он положил к ее ногам свою душу: несравненный дар. Она скорее умрет, чем прибавит ему хоть один невидимый шрам.

— Слишком много.

Куин впитывал в себя ее тепло. В своей жизни ему часто приходилось рисковать. Смерть уже давно мало что для него значила. Но вот жизнь, эта жизнь, эти мгновения рядом с Каприс заставили его снова испытывать желания, стремиться к чему-то, помимо свободы, и даже помимо страсти и этой женщины, подарившей ему ее. Ему хотелось завершения, хотелось замкнуть кольцо энергии, возникшее с самим временем. Каприс могла подарить ему это. В ее теле было семя его собственного будущего, в ее душе было его сердце, в ее разуме — его желание. Слияние двоих в одно целое уже началось. Если сейчас она уйдет, то он останется получеловеком, обреченным бродить по коридорам пространства и времени, поистине одиноким, навсегда прикованным к тому, что могло бы быть.

Каприс открыла глаза, заглянув в светлые глубины его взгляда. Человек с таким умением, как у него, должен знать, как прятаться. Она заглянула под его маску.

— Другое имя?

— И это тоже — не раз.

— Ты рискуешь, когда уезжаешь со своего острова?

— Немного, но не слишком. Я бы не приблизился к тебе, если бы считал, что вместе со страстью несу тебе опасность. — Он наклонился и приник к ее губам в поцелуе, в котором было обещание. — Я уже очень давно не занимаюсь этими делами: большинства из тех, кто меня знал, скорее всего уже нет в живых.

На секунду он припомнил врага гораздо более страшного, чем все остальные, и который все еще был жив и продолжал охоту. Но прошло уже много лет с тех пор, как Густаву удалось почти его найти. Он не потерял осторожности, но начал верить в то, что его новая легенда достаточно надежна, чтобы он мог жить спокойно.

Каприс успокоенно вздохнула. Она не может не верить Куину.

Он накрыл ее руки своими, и свет особенно ясно подчеркнул его шрамы. Ему нужна была уверенность, нужно было услышать слова, сделавшие прошлое действительно прошлым.

— Ты сможешь жить с тем, что узнала обо мне?

Каприс прижалась губами к тыльной стороне его правой ладони, а потом посмотрела на него, давая понять, что не допустит, чтобы он продолжал сомневаться в ней и ее словах.

— Ты не безупречен. Но я этого и не просила. — Помолчав, она задала вопрос, на который ей надо было получить ответ. — Ты будешь снова этим заниматься?

Он покачал головой:

— Никогда.

И на ее лице появилась улыбка, постепенно прогоняя напряжение, державшее их в тисках с минуты его первого признания.

— Тогда я могу с этим жить.

Куин глубоко вздохнул, и все тело его содрогнулось. Еще один дракон повержен — самый опасный.

— Я этого не забуду, — прошептал он, приближая к себе ее лицо для поцелуя. Секунду он наслаждался простым прикосновением их губ. Пламя страсти было теплым угольком, жившим благодаря ее вере и тому, что она приняла его таким, какой он есть. Это робкое пламя надо было беречь. И он готов был это делать. Предсказание оказалось большим, чем было обещано — большим, чем то, на что он надеялся. Он потянулся в будущее — и нашел ключи к прошлому. Каприс.

Глава 8

Куин смотрел на двери, через которые Каприс должна была пройти, на стоянку машин. Он не глядел на часы — у него было прекрасно развито чувство времени — и знал, что уже далеко за пять, а Каприс должна была закончить работу в пять часов. Правда, сама она не обращала на это внимания. Получив работу в «Мартинвилле», она изменилась. Каприс сменила К.Р. Теперь она говорила быстро и решительно, как в те первые несколько дней их знакомства в Атланте. Походка у нее стала стремительной, привлекающей внимание, одежда и прическа тоже соответствовали образу молодой служащей. Куину не нравились эти перемены, но пока он ничего ей не говорил. Вместо этого он выжидал: надеялся, что она сама заметит, во что превратила себя, служа этому божку, поняла, сколько времени крадет из ее жизни потребность в успехе, осознала, как такая жизнь отражается на ее личности. Прошло три долгих недели — а он все ждал. Но больше он ждать не намерен. Сжав кулаки и сощуриив глаза, Куин был готов перейти к решительным действиям.

Его решение основывалось не на ревности, хотя, как ни странно, именно она была одной из его самых первых реакций и главной причиной, по которой он выжидал так долго. Он унял ревность (но не прогнал ее), напомнив себе о прошлом Каприс и о том, почему ей так важны спокойствие и надежность настоящего. Ему удалось посмотреть на произошедшие с ней метаморфозы более реалистично и с большим пониманием, однако факты изменить было нельзя. Как и он сам, К.Р. являлась плодом жизненных испытаний, прошлое держало ее железной хваткой, но теперь, став собой, Каприс была достаточно сильна, чтобы освободиться.

Она появилась в дверях неожиданно — стремительная походка, гордо поднятая голова, заявлявшая о готовности бросить вызов целому миру. Куин наблюдал за тем, как она идет, замечая в ее походке глубокую усталость, которую не заметил бы никто, кроме него или тех, кому она была дорога. Он вышел из машины, чтобы открыть для нее дверцу.

Каприс улыбнулась ему, бросила портфель на заднее сиденье, а потом уселась в машину.

— Давно ждешь? — устало спросила она, откидываясь на спинку сиденья.

Она глубоко вздохнула, чувствуя, как дневное напряжение начинает понемногу спадать. Осваивать новую область оказалось труднее, чем она ожидала. Каприс чуть нахмурилась, вспомнив полунамеки, которые ей приходилось выслушивать в последние недели: глупые фразы насчет ее фигуры, волос и роста. В Филадельфии она от такого отвыкла — главным образом потому, что нападки сдерживались именем и репутацией ее отца. Только глупцы, не дорожащие собственной жизнью, пытались тогда связаться с птенцом стареющего орла, подумала она, неожиданно ощутив острый укол тоски по дому.

Куин наблюдал за сменой выражений на ее лице, замечая под маской К.Р. следы Каприс. Когда

она нахмурилась, он протянул руку и начал вынимать шпильки, скалывавшие ее волосы в аккуратный пучок.

— Что ты делаешь? — запротестовала она, не успев отреагировать достаточно быстро, чтобы ему помешать.

— Возвращаю Каприс. Я по ней соскучился, — пробормотал Куин, любуясь, как шелковистые пряди серебряным дождем льются на ее плечи и спину. Он погрузил пальцы в волосы и добрался до затылка, ощутив там комок напряженных мышц. — Меня бесит то, что ты делаешь со своими волосами.

Каприс обхватила его рукой за талию, подставляя голову под магические прикосновения.

— Ты говоришь совсем как Силк, — прошептала она. Ее веки сомкнулись. Куин гладил и расправлял ее мышцы, каждым движением убирая все тревоги дня. — Как приятно!

— Почему ты так себя уродуешь? — напрямик спросил он, но его голос звучал мягко, чтобы не нарушить успокаивающей атмосферы, которую он для нее создавал.

— Это — часть работы. Если не считать моего роста, у меня внешность типичной безмозглой блондиночки. И как бы мне ни хотелось обратного, мир по-прежнему мыслит стереотипами и ориентируется на мужчин.

— Поэтому ты облачаешься в доспехи, прячешь свои великолепные волосы и каждый день ведешь битву за деньги, которые тебе не нужны и никогда не будут нужны.

Она открыла глаза, чуть улыбаясь тому, какой гнев горит в его взгляде.

— Ты все правильно назвал. Как и твои загадки, это — то, чем я занимаюсь.

Он покачал головой, и его рука остановилась.

— Нет. Это то, чем ты становишься. — Свободной рукой он прикоснулся к ее застегнутой до горла блузке, строгого покрою пиджаку, простым часам. — Это — К. Р., а не Каприс. Мне это не нравится. — Он провел пальцем по ее губам, помешав протестовать. — И тебе тоже не должно нравиться. Это — не ты, по крайней мере, теперь. А может, это никогда и не была ты.

Каприс смотрела на него, понимая, что Куин говорит абсолютно серьезно. Если бы требование измениться было вызвано одним только его желанием, она еще могла бы сопротивляться. Но дело было не в этом. Он поставил перед ней зеркало, в котором она увидела себя такой, какой ее видит он. Она вспомнила вечер за два дня до отъезда ее и сестер из Филадельфии. Тогда она выпила чересчур много водки, которую ей предложила Силк. В тот вечер она чувствовала себя отчаянно-отважной и была полна решимости изменить свою жизнь. Ее настроение отчасти было вызвано тем, что мать поставила ее в ситуацию, ставшую препятствием на пути к успеху, а отчасти — словами, брошенными ей сестрой, сказавшей, что за стенами офиса у Каприс нет жизни.

Куин разгладил морщинку, появившуюся у нее на лбу.

— О чем ты думаешь?

Каприс сосредоточилась на нем, поспешно оттеснив воспоминания в самый дальний угол подсознания.

— О том, что ты мне сказал. И о том, что говорила Силк перед тем, как мы уехали из дома. Не вижу, как я могла бы измениться. По крайней мере в этой области. Это... — Она прикоснулась к воротничку блузки, — ...мои доспехи. Но я, правда, не представляю себе, как могу их поменять и при этом продолжать выполнять ту же работу. На деловой лестнице очень скользко. Малейший признак слабости — и кто-то уже готов столкнуть тебя в небытие.

— И ради этого ты каждый день идешь на войну? — Куин вопросительно поднял брови. — Мне это представляется таким же бесполезным, как моя военная жизнь, — заявил он открыто, пристально наблюдая за ее лицом.

Каприс снова нахмурилась — на этот раз сильнее.

— Я никогда прежде не думала об этом в таком ключе.

Куин поспешил отступить, чтобы не оказывать на нее чересчур сильного давления. Он слишком уважал Каприс, чтобы навязывать ей перемены. Но в то же время она была слишком ему дорога, чтобы он спокойно смотрел, как она намеренно разрушает в себе все самое лучшее.

— Не делай перемен так, как их сделал я. — Он включил двигатель. — Некоторые вещи лучше не делать никогда, чем слишком поздно.

Каприс молчала, пока он выводил машину со стоянки и ждал, чтобы влиться в вечерний поток транспорта. Она не пыталась отбросить то, что сказал ей Куин. Зав недели, что они провели вместе, она привыкла уважать его суждения. Он видел все гораздо более ясно, чем большинство людей, сводя вещи, реакции и окружающих к тому, что составляло их основу. Он не выносил извинений и позерства. И в то же время он обладал бесконечным терпением в отношении тех, кто затронул его интересы или чувства. Эти чувства он не выказывал ни перед кем, кроме нее, но тем не менее они существовали, такие же неукротимые и свободные, как он сам.

Она вдруг осознала, что завидует этой свободе мысли и выбора. Вся жизнь Каприс, по ее доброй воле, имела четкую структуру. Ей всегда казалось, что именно это дает ей чувство уверенности. Ей никогда не приходило в голову, что одновременно это делает ее узницей. Может быть, именно об этом пыталась сказать ей Силк, только не нашла нужных слов? И ее мать с этим странным планом преображения для нее и сестер?

«Но я была довольна своей жизнью, — молча спорила Каприс. Незаметно для себя она хмурилась все сильнее. — Ну, может, не довольна, но умиротворена. Нет, и это не то. Привычка». — Она попробовала это слово на вкус, обнаружив, что оно горчит, хотя должно было бы приносить удовлетворение.

— Если бы я не занималась этим, то не знаю, что бы я могла делать, — медленно проговорила она, поворачивая голову, чтобы видеть Куина. Погрузившись в свои размышления, она не заметила, насколько он напряжен. — Я не хотела дарить матери этот год. Я согласилась последней, да и то только потому, что остальные сестры собирались согласиться. — Она мрачно улыбнулась. — Не слишком хорошая реакция на предложение моих родителей и не слишком хорошее чувство к сестрам. А ведь все три пытались меня любить.

Он услышал в ее голосе боль, мучительное желание найти что-то, за что можно было бы уцепиться. Он ей нужен! Это чувство рождало тепло и приказывало помочь.

— Ты тоже их любила. Особенно Силк, — напомнил он ей.

— Не знаю, любила ли я ее на самом деле... По крайней мере до последних двух вечеров. Да, это я затащила ее к нам во двор в ту первую ночь, когда ее чуть не поймала полиция. Я увидела ее из окна комнаты для отдыха. Рыжие волосы Силк попали в луч фонаря. Мне показалось, что она хочет залезть в «дом». У меня появилась смутная идея предстать перед остальными в качестве героини, помешав ей. Так что я прокралась во двор, спряталась за деревом и стала ждать. — Она заново переживала воспоминания, ощущения и звуки того вечера. — У нее был такой голодный вид! А мы только что поели. Лоррейн всегда требовала, чтобы еда была не приютской, так что нам дали жареную курицу, подливку, картошку, овощи двух сортов, а на десерт — лимонные меренги. Мне стало стыдно. Видя, какая Силк худая, мне казалось, что у меня всего слишком много. Я чуть не ушла в дом. И тут увидела патрульную машину. Я не успела ни о чем подумать, просто реагировала — и это не имело никакого отношения к Силк. Это мое собственное прошлое заставило меня схватить ее за руку, утащить за калитку и спрятать в кустах. Тогда я ненавидела всех блюстителей порядка. Они хватали людей. Существовало два лагеря — мы и они.

Она коротко рассмеялась.

— Но потом ты ее полюбила.

Каприс покачала головой. Глаза ее были полны печали.

— Нет. Если бы я ее любила, то поняла бы, что она не пьяница, какой мы все ее считали. Я никогда ее ни о чем не спрашивала. Я была настолько занята собой, что никогда не думала ни о ней, ни об остальных. А вот Силк думала. Она увидела то, что должна была бы увидеть я.

— Ну и кто из нас теперь слишком строго себя судит?

Она заморгала, изумленная его неожиданным укором.

— Часть этого времени ты была ребенком, и у тебя были свои проблемы. Я хорошо помню этот возраст.

Она прикоснулась к его колену. Он моментально накрыл ее руку своей, крепко прижав к себе.

— Родители пытались всем нам помочь. Леора и Ноэль охотно занимались с психотерапевтом, но мы с Силк отказывались. Наверное, из-за разницы в возрасте. Ничего не помогало. Но разговор с тобой помог.

Он завел машину на место, предназначенное для постояльцев пентхауса, и поднес ее пальцы к губам.

— Я рад. Ты тоже мне помогла.

— Прошлое становится не таким страшным, когда им делишься.

— Когда им делишься с близким человеком.

Каприс слабо улыбнулась:

— Если судить поверхностно, мы не должны были стать близкими.

Он прикоснулся к ее щеке, лаская бархатистую кожу, а потом притянул к себе.

— Это только притворство.

— Да, — выдохнула Каприс, подставляя ему губы. — Но только не между нами, — успела добавить она прежде, чем он к ним приник.

Дождь раздраженно поливал улицы, гневно сверкала молния, предвещающая приближающуюся грозу. Мужчина вышел из машины, ссутулившись под дождем, и поспешно прошел под защиту навеса, натянутого над входом в отель. Времени оставалось мало. С каждым шагом приближались охотники. Все пути к бегству были перекрыты, и если эта старинная связь, этот далекий долг уже забылся, у него не останется ни малейшей надежды спастись.

Он приостановился, выискивая в вестибюле телефоны. Заметив их, непринужденно двинулся к ним, словно его жизнь не зависела от того, удастся ли ему связаться с тем единственным человеком, мужество, связи и власть которого смогут помочь ему. Ему нужно всего несколько часов — пока вторая сторона не решит, что он сумел скрыться от тех, кто хочет его убить. Двойной агент. Профессиональный риск.

Куин вышел из-под душа, вытащил полотенце из сушильного шкафчика и повернулся к Каприс. Развернув белую махровую ткань, безмолвно пригласил ее закутаться в уютное тепло.

— У тебя пунктик насчет того, чтобы обо мне заботиться, — пробормотала она, когда он укрыл ее.

— Мне нравится оказывать услуги тебе. С другими женщинами было все равно. — Несмотря на толстую ткань, отделившую от него ее тело, он ощутил, как она напряглась. — Не надо.

Она покачала головой, пытаясь сохранить улыбку, хотя в глазах ее промелькнула боль.

— Меня это не должно было бы трогать. Я не имею на это права. И ты не используешь их против меня.

Куин притянул ее к себе, не давая выпростать руки из-под полотенца.

— Ты имеешь полное право. Как и я. Мне не хочется думать о мужчинах, которые тебя обнимали.

Она глубоко вздохнула.

— Их было всего два.

— Но они что-то для тебя значили, иначе ты бы не поделилась с ними собой.

— Ни один из них не был тобой.

— Я так на них не похож?

— Ты и сам это знаешь. Ты меня заинтриговал с первого же взгляда. А потом мы начали разговаривать — и я вдруг увидела опасность, окружающую тебя невидимым плащом. И мне захотелось убежать. Ты был мужественнее всех, кого я знала, а я почувствовала себя еще менее женственной, чем обычно. Это было тревожно и страшно. И я бросилась бежать.

— А я погнался за тобой.

— И поймал меня.

Он покачал головой:

— Поймал. А потом понял, что не хочу получить тебя так. Мне вдруг стало не все равно, что я заманил тебя с помощью твоего же собственного тела, воспользовался своим опытом — и это тогда, когда я дал себе слово, что больше никогда не стану этого делать! .

— Ты заставил меня сделать выбор...

Прежде чем Каприс успела договорить, зазвонил телефон. Куин посмотрел через плечо на полуприкрытую дверь ванной.

— Ты ждешь звонка?

— Нет. А ты?

— Тоже нет.

Он быстро поцеловал ее в губы и пошел взять трубку. Каприс снова завернулась в полотенце и вышла следом, успев услышать в его ответе тень удивления. Если бы она не научилась читать его реакции, она пропустила бы этот нюанс.

— Где ты? — отрывисто спросил Куин, а потом настороженно выслушал ответ, глядя куда-то мимо Каприс. — Отвратительное решение, Рольф. Ты же мог вывести их прямо на меня. Нечего оправдываться. Дьявол! Нечего напоминать мне о моих долгах! — Он снова замолчал, и на его решительном лице залегли мрачные складки. — Ладно, я понял, как это важно. Мне не нравится, когда меня подставляют, и я этого не забуду. — Он опять помолчал, а потом решительно кивнул. — Посмотрю, что можно будет сделать. Найди нору и залезь в нее. Дай мне два часа.

Он повесил трубку, не попрощавшись. Каприс смотрела на Куина и видела незнакомца, с которым до этого встречалась лишь дважды. Это был человек из прошлого, наемник, предоставляющий другим свое оружие, свой мозг, свое умение.

— Кто это? — тихо спросила Каприс, встав перед ним.

Она прикоснулась к его руке. Бугры шрамов под ее пальцами были ей теперь так же знакомы, как ее собственная гладкая кожа.

Куин всмотрелся в ее встревоженное лицо.

— Один знакомый попал в дьявольски неприятную историю, — хладнокровно сказал он.

— Ты собираешься ему помочь?

Он услышал вопрос, которого Каприс не задала.

— Если я этого не сделаю, он погиб. Его предали те, кому он доверял. Дурень. Должен был бы быть умнее.

— Скажи, чем я могу помочь. Если могу.

Он замер, и в его взгляде отразилось изумление:

— О чем ты говоришь?

— Мы — единое целое. Ситуация, похоже, непростая. Я ничего не знаю о такого рода проблемах, но если могу чем-то помочь, то хотела бы.

Она чуть развела руками, не зная, понимает ли Куин, насколько ей важно быть с ним. В эти полные страсти недели они оба не касались вопроса о будущем. Казалось, оба приняли решение, что этот вопрос неуместен.

— Это слишком опасно.

— А я в этом и не сомневалась.

Куин еще раз всмотрелся в ее лицо и не увидел в нем ничего, кроме решимости быть с ним рядом.

— Дева-воительница, — тихо прошептал он.

Она чуть заметно улыбнулась: эти слова становились привычными. Куин произносил их всякий раз, когда она поступала не так, как он ожидал.

— Будь ты ручным, мне не пришлось бы ею быть, — отозвалась она, подходя к нему так близко, что ее закутанные полотенцем груди прижались к его обнаженному телу.

Куин схватил ее за бедра и притянул к себе, сам не замечая, что его пальцы начинают впиваться в ее тело.

— Я не хочу, чтобы ты в это ввязывалась. — Увидев, что она хочет его прервать, он решительно покачал головой. — Ради твоей безопасности, а не потому, что не хотел бы, чтобы ты была рядом со мной. Если бы ты получила соответствующую подготовку, я доверил бы тебе свою жизнь.

Он еще никому не говорил такого, но эту секунду понял, что сказал правду. Будь она его товарищем по оружию, он был бы уверен, что она скорее умрет, чем предаст его. Преданность давала ей отвагу. Пережитое, сформировавшее ее личность, сделало ее сильной.

Каприс почувствовала, что по ее щекам текут слезы.

— Я еще ни от кого не слышала такого комплимента, — глухо проговорила она.

Он склонил к ней голову, приблизившись на расстояние поцелуя.

— Это не комплимент, — сказал он. Каприс прикоснулась к его щеке.

— Знаю. — Она на секунду прикрыла глаза, а потом сказала: — Я счастлива, что мы вместе.

Куин открыто улыбнулся, принимая то, что в устах любой другой было бы пустыми словами, а для Каприс значило еще один шаг к вечному союзу.

— И я тоже, — ответил он, а потом прижался к ее губам в поцелуе, соединившем их в мире, который они создали вместе.

Глава 9

Куин повесил трубку, остро ощущая присутствие Каприс, — та сидела в кресле напротив него. Во время долгой череды международных разговоров она не произнесла ни слова, но ее глаза следили за всеми движениями, за всеми масками, которые он надевал, чтобы играть в игру жизни и смерти. Он надеялся, что она никогда не сможет пережить события, подобные тем, что сформировали его самого. Ему следовало бы знать: пустые надежды — это удел глупцов.

— Дело сделано? — тихо спросила Каприс, заметив, что Куин молча смотрит на нее. — Ты нашел ему надежное убежище?

— Да, — признал он со вздохом. — По крайней мере, насколько можно найти для тех, кто только что вышел из игры. Ему известно слишком многое, чтобы он мог чувствовать себя по-настоящему спокойно, пока те, кто правит его миром, не узнают о его отсутствии и не перенаправят поток информации.

— А почему он обратился к тебе? — осмелилась спросить Каприс.

Куин посмотрел на часы — скорее для того, чтобы иметь возможность обдумать ответ, чем потому, что действительно хотел узнать точное время. У него еще оставалось почти полчаса до того момента, когда он сможет связаться с Рольфом.

— Он — последний из тех четырех.

Каприс изумленно подняла брови:

— А мне казалось, ты сказал, что их всех убили.

— Я так считал. Но Рольф всегда был хитрым лисом. Он сам подготовил свое исчезновение. Как и я, он понял, что наш новый командир не из тех, за кем можно следовать и кому можно доверять. И он умер.

Секунду подумав, Каприс кивнула.

— Самый простой способ. — Она посмотрела на Куина, узнав еще нечто новое об этом человеке, распоряжающемся страстью с такой же легкостью, с какой он распоряжался людьми. — Ты тоже так делал, да?

— Да. — Он встал и прошел к окну, остановившись чуть сбоку, чтобы его тело не, могло стать мишенью. Пока он вел игру по высочайшей ставке, — когда-то это было единственной жизнью, которую он знал, — над городом сгустились сумерки. — Я три раза начинал сначала.

И умом, и телом она еще очень живо помнила, что значит начинать новую жизнь, отказавшись от всего привычного. Ей было понятно, насколько трудной была каждая перемена.

— Ты что-нибудь можешь с собой забрать?

Он повернулся лицом к ней, прислоняясь к стене.

— Нет. Любая вещь, даже сущая мелочь, в нужных руках может стать уликой. Рвать нужно полностью. Новое имя, внешность, привычки, работа, друзья, жилье, развлечения. — Он развел руками жестом, не вяжущимся с тем образом, который он создал для себя. На секунду в эту жизнь вернулись следы того человека, каким он родился. — Так что ты видишь перед собой сплошную ложь.

В его жестких словах Каприс услышала горькую безнадежность. Ни о чем не думая, зная только, что не может слышать эту боль, она подошла к нему и обхватила руками за талию. Он мгновенно притянул ее к себе.

— Ты — не ложь. Мне нет дела до того, с каким именем ты родился. Мне нет дела до того, какие привычки ты приобрел, чтобы создать того, кем стал. — Каприс всмотрелась в его лицо, прочтя в нем готовность отвергнуть ее безоговорочное приятие.

— Мне есть дело до того, что ты жив. Ты сам, та часть тебя, которая мне дорога, — она осталась... — Она прикоснулась к его щеке, сильному подбородку, лбу. — Если бы ты даже заговорил на языке, которого я не понимаю, выполнял бы работу, которой я никогда не видела, жил бы в мире, которого я не знаю, — я все равно бы тебя узнала.

— Как?

Каприс улыбнулась, вдруг поняв, как много она дала этому человеку. Она дала ему себя. Все ее желания, потребности, надежды и мечты лежали у него на ладонях. Но было бы ребячеством сейчас же сказать ему об этом. Каприс этой ошибки не сделала. Вместо этого она спрятала наполнявшую ее душу любовь, скрыв ее в глубине своего существа, там, где она будет не его обузой, а ее сокровищем.

— Потому что я уверена, что ты мог поменять и менял черты поверхностные, но не, менял своего сердца и своей души. Вольно или невольно, но ты мне их показал. Вот так я тебя и узнала бы. Будь я даже слепой, глухой или немой, я не забыла бы формы твоих мыслей, вкуса твоей нежности, вызова твоей смелости. Этого ты спрятать не можешь.

Ему приходилось видеть в жизни очень многое: смерть, жизнь, ненависть и жестокость. Но ее слова, мягкие, уверенные, бесконечно терпимые, проникли в самую сердцевину его души, сковав его оковами, от которых он никогда не сможет освободиться. Впервые в жизни он заглянул в клетку и оказалось, что это — не ловушка, призванная поработать и уничтожать. Он заглянул в глубину ее глаз и увидел там не высказанную ею любовь. А еще он прочел там решимость не стать для него обузой. Она будет идти рядом с ним, эта женщина, Которую он избрал и которую ему даровала рука, более могущественная, чем его собственная.

— Будь со мной, — прошептал он. Эти слова были рождены потребностью вовлечь ее вместе с собой в золотые сети. — Поедем со мной сейчас или когда закончится твой год.

Каприс заключила его слова в свое сердце, питая ими свою любовь.

— Тогда ты, может быть, меня не захочешь.

Он покачал головой, как всегда поняв ее страхи. Ее жизнь была противоположностью его собственной. Выбор должен принадлежать ей. Он знал, что может ей дать, а что не в его силах.

— Я буду хотеть тебя до последнего дня моего пребывания на этой земле. И унесу тебя в вечность, в ожидании, когда снова буду дышать.

В его глазах читалась искренность. Его объятия обещали то же самое. Ей хотелось верить — и она ему верила. Но она знала себя. Куин может жить своей жизнью, полной перемен. Но для нее там было слишком много воспоминаний о ночных побегах, неуверенности в завтрашнем дне, пугающих тихих разговоров... Всего, что умаляло и без того ненадежный мир. Она не такая сильная, как Куин, несмотря на то, что он так верит в свою деву-воительницу. Да и его талантом меняться она не обладает. Она еще могла бы рискнуть первым — ради любви. Но вот

второе... Она станет обузой, слабым местом, которое может стоить ему жизни.

— Нет. — Вспыхнувшие в его взгляде гнев и несгибаемая решимость не испугали ее и не заставили отступить от принятого решения. — Я буду с тобой здесь. Столько, сколько ты захочешь. Но я не присоединюсь к тебе. Не могу.

— Значит, те материальные вещи, которые ты избираешь для своего надежного мирка, все-таки оказались важнее, — сказал он, сердито и недоверчиво сузив глаза. Все его инстинкты восставали против ее решения отказаться от того, что могло бы стать их общим будущим. А он-то был уверен в том, что она осознала свои силы, что эти несколько недель с ним показали ей, что будущее будет таким, каким она пожелает его сделать. — Говоришь ты красиво, но держишься за вещи, которые легко могут исчезнуть.

Она прижала ладонь к губам. Боль от его слов была велика, но еще больнее ранило то, что он счел нужным их произнести.

— Подумай, мой поэт. Стань на секунду реалистом. Разве я могу пройти по лабиринту жизни и смерти в твоём мире и не поставить тебя под удар? Разве у меня есть для этого умение — или ты собирался защищать меня, как ребенка, и при этом рисковать собой? Неужели какие-то мои слова или поступки могли заставить тебя думать, что я приму такую жертву? Что до вещей, то мне просто нужна стабильность. Я не могу так легко, как ты, менять свою личность. Я боюсь. Это просто сказать, но с этим невозможно бороться. Мой страх — это вериги, которые я обречена носить. Я не хотела бы повесить их на тебя.

— Как может быть иначе? Я узнал тебя. Ты меня впустила. Мы соединены. Одним желанием этого не прогнать.

— У меня и нет такого желания. Но я не хочу, чтобы у меня на руках была твоя кровь,

Тупик. Ненавистное ему слово. Бессильная ярость раздирала его, дразня тем, чего он не может иметь и что ему отчаянно необходимо.

— Я от тебя не откажусь. Я сказал тебе это еще в самом начале.

— А я не хочу подвергать тебя опасности из-за моего невежества и страха, — парировала она столь же решительно.

Куин всмотрелся в ее глаза и не нашел там слабости, никакой трещинки, которая помогла бы ему разрушить ее решимость. Он стремительно притянул ее к себе: только так он еще мог ее удержать. С помощью страсти. Это чувство перестало быть зверем, усмирённым твердой рукой, и, подняв голову, вдохнуло огонь его гнева и досады. Лицо Куина исказила гримаса страдания и безнадежного желания. Его силы возросли, вырвавшись за установленные им рамки.

Каприз замерла: ей показалось, будто он сорвал ее с опоры и подвесил над бездонной пропастью. Она оказалась всего в одном ударе сердца от гибели. А ведь это будет не только ее собственная гибель, но и его тоже. Она подняла руку и чуть не заплакала, когда он отпрянул от нее и его ярость стала еще сильнее.

— Пожалуйста, не делай с нами такого, — прошептала она, и голос ее был нежнее самого ласкового прикосновения.

— К черту это слово! — грубо сказал он, и пальцы его сжались сильнее, оставляя на ее теле отметины. — Ты отказалась от нас из-за старых страхов, с которыми мы вместе могли бы

справиться. Я дал тебе все!

Из глаз ее полились слезы.

— Ты возненавидишь себя за это! Не уничтожай в себе поэта. Пожалуйста, Куин, не надо! — Каприс сквозь слезы смотрела ему в глаза. Она не сможет противостоять ему, если он решит овладеть ею в гневе. И дело будет не только в том, что он намного сильнее, но и в том, что она его любит: эту цепь ей не порвать. — Пожалуйста! — прошептала она в последний раз и положила голову ему на грудь.

Если он полон решимости уничтожить их обоих, она на это смотреть не будет. Она не вынесет ненависти, которую он почувствует к самому себе и которая отразится в его глазах, когда его ярость спалит их обоих.

Куин смотрел на прикинувшую к его груди голову Каприс. Еще мгновение все его первобытные инстинкты требовали, чтобы он действовал. Она его любит. Он заставит ее это признать. Запустив пальцы в шелковистые волосы, он оттянул ее голову назад. Ее глаза были закрыты. Из-под ее ресниц, увлажняя его рубашку, выскальзывали тихие слезы горя. Он содрогнулся всем телом. Эти слезы заставили его вспомнить ту ночь, когда Каприс плакала по нему. Его пальцы стали нежными, бережно обхватывая ее голову, а не держа в плену. Она глубоко вздохнул: ярость обладания угасла.

— Открой глаза, — приказал он хрипло. Заключенная в своем темном мире, Каприс ощутила происшедшую в нем перемену. Она подняла ресницы и заглянула в серебристые глубины его глаз.

— Я не смог бы причинить тебе физическую боль. Мне хотелось. Но я все равно не смог бы.

Каприс обхватила одной рукой его шею.

— Знаю. Но мы оба не забыли бы.

— Это правда. Ты будешь помнить, что я чуть было не сделал.

Она покачала головой.

— Нет. Я буду помнить, что, когда я попросила тебя, ты ради меня преодолел свои инстинкты и потребности. Это будет не плохим воспоминанием, а хорошим.

— Я не хочу быть воспоминанием.

— Я не стану твоим слабым местом и источником риска! Ведь ты бы рисковал из-за меня. И никакие твои логические рассуждения этого не изменят. Я всегда буду слабым звеном в твоих успехах.

— Я могу с этим жить.

— А я не могу!

— Не хочешь.

Она прикрыла ему рот ладонью.

— Не могу. Я тебя отпущу. Я буду одна — даже если у меня в постели окажется другой

мужчина. Ты всегда будешь жить в моем сердце. Но я не хочу смотреть, как ты умираешь у меня на руках.

Он внимательно смотрел на нее, только теперь осознав, что никогда еще не видел ее такой девой-воительницей. Она встречала противника без оружия, которым можно было бы себя защитить, и все равно осмеливалась вступить в бой.

— Судьбы не изменить.

Улыбка далась ей с огромным трудом, но она все-таки смогла улыбнуться.

— Но можно попытаться. — Она шагнула назад, отдаляясь от него, от его тепла. — А теперь иди, звони. Твой человек тебя ждет.

— Это не конец.

— Знаю.

Он смотрел на нее еще несколько секунд. Он говорил об одном, а Каприс думала совсем о другом. Кто из них окажется победителем?

Куин осмотрел переполненный людьми бар, расположенный в одном из самых непрезентабельных кварталах города. Такую толпу можно было бы найти в любом крупном городе. Страну позволял определить только язык. Воздух был полон дыма, подозрительности, гнева и хвастовства. Он прошел по залу, легко продвигаясь сквозь толкотню и сливаясь с окружающими: поношенные джинсы, застиранная рубашка, потертые ботинки. Вместо своих обычных дорогих часов он надел старые с пропотевшим кожаным ремешком, выдавшие лучшие дни. Даже стекло, закрывающее циферблат, было поцарапано и сколото. Бутафория. Он хорошо ее знал и умел ею пользоваться. Шагнув к стойке бара, Куин посмотрел на толстяка, стоявшего за поцарапанной стойкой.

— Пива! — потребовал он, негромко и врасстяжку. Рядом сидел Рольф, но Куин не обратил на него никакого внимания. Ему подали пива. Он сделал глоток, глядя в висящее над баром зеркало. Его интересовал бильярдный стол в дальнем углу помещения. Он еще не допил бутылку до половины, когда там сделали последние удары. Повернувшись, Куин неспешно прошел туда. — Хочешь сыграть? — спросил он у мужчины, оставшегося у стола.

Тот ответил хмурым взглядом.

— Нет уж, приятель. Просадил все до копейки. Найди себе другого дурака.

Швырнув кий, он ушел.

— Я могу сыграть.

Куин смерил Рольфа взглядом, словно оценивая противника, а потом коротко кивнул.

— Четвертак? Рольф поморщился и отхлебнул пива.

— Ладно. — Он подошел к этажерке выбрать себе кий. — Орел или решка?

Куин вытащил из кармана два четвертака и, назвав свой выбор, подбросил монету.

Увидев, что начинает Куин, Рольф пожал плечами.

— Тебе разбивать.

Куин опустил два четвертака в прорезь стола и выровнял шары.

— Восемь шаров?

— Лучше, чем ничего.

Меньше чем через десять минут Куин, не оглянувшись, ушел из бара. В кармане у него было на несколько долларов больше, а Рольф получил все сведения для того, чтобы покинуть страну. Куин должен был бы испытывать чувство удовлетворения. А вместо этого его инстинкты работали еще более мощно, чем вначале. Направляясь к стоянке, на которой он оставил свой неприметный автомобиль, Куин взглядом обшаривал площадку перед баром. Все казалось нормальным, никто не прятался там, где никого не должно было бы быть. Но Куин не мог избавиться от ощущения, что он или идет напрямиком в ловушку, или уже в нее попал. Даже садясь в машину, он был напряжен, ожидая нападения.

Озабоченно хмурясь, он смотрел в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли за ним «хвоста». То, что «хвоста» не оказалось, его не успокоило. Вместо того чтобы вернуться прямо в отель, Куин проехал по городу, а потом оставил машину на одной из все еще оживленных улиц. Выйдя из нее, он неспешно прошелся по тротуару, то и дело останавливаясь, словно спешить ему было абсолютно некуда. Окончательно убедившись в том, что им никто не интересуется, он вошел в универсам, дождался удобного момента и вышел через задний ход. В переулке можно было укрываться — и он двигался скрытно. Оказавшись за три улицы от магазина, он остановил такси, доехал до другого района города и еще раз повторил ту же процедуру. Только после этого Куин решил, что может безопасно вернуться в гостиницу, где его дожидалась Каприс.

— Мы его упустили.

— Я же говорил: лучше его никого нет. Поставили ему на машину следящее устройство?

— Он ее бросил.

— Твой человек не смог его преследовать?

— Потерял уже в двух милях от бара.

— Раззявы!

Докладывающий огорченно кивнул. Его босс не отличался снисходительностью, а это задание было важным.

— Что мне теперь делать?

— Если не считать того, что надо набирать новую команду? — Человек мрачно улыбнулся, погладив пистолет, лежавший на письменном столе рядом с его левой рукой. — Я дам тебе еще один шанс. Найди его бабу.

— Мы над этим работаем.

— Работай усерднее.

Подчиненный судорожно сглотнул.

— Я вижу, ты меня понял, друг мой. Ошибок больше не будет. Я ясно выразился? Я получил приказ. Ты — тоже.

— Я понимаю.

Подчиненный встал, спеша уйти.

— Когда найдешь ее, доставишь ко мне.

Подчиненный обернулся, изумленный таким приказом.

— Сюда? — переспросил он.

— Сюда. У меня с Ромом свои счета. Дело не только в выгодном дельце, которое наши шефы хотят поручить этому цыганскому выродку. — Пальцы мужчины сомкнулись на рукояти пистолета. На его лицо упал луч света, рельефно показав страшный шрам на правой щеке. — Я уничтожаю каждого, кто отнимает у меня добычу.

— Я не забуду, — пообещал молодой подручный, воспользовавшись возможностью уйти.

Каприс беспокойно металась по комнате, то проклиная медленное течение времени, то моля Бога, чтобы с Куином ничего не случилось. Она не подозревала, что может настолько сильно тревожиться о человеке, не входящем в ее семью. Она посмотрела на часы у кровати и нахмурилась. Он уже должен был бы вернуться. Он обещал отсутствовать не больше двух часов. Каприс прошла обратно к окну, но не задержалась у сдвинутых занавесок — как он ей и велел. Ей казалось, что время и пространство превратились в клетку, и только Куин мог выпустить ее оттуда.

Вдруг от двери донесся слабый шум. Каприс бросилась в гостиную — Куин уже закрыт за собой дверь.

— Ты задержался! Все в порядке? Не дожидаясь ответа, она кинулась к нему в объятия.

Куин прижал ее к себе, ошеломленный беспокойством, которое успел заметить в ее глазах прежде, чем она спрятала лицо у него на груди.

— Все хорошо, — прошептал он, почти не отдавая себе отчета в том, как заботливо прижимает ее к себе. — Я же сказал тебе, что все будет нормально.

Каприс возмущенно посмотрела на него.

— А я говорила тебе, что не привыкла к опасностям. Ты задержался дольше, чем обещал. — Она прикоснулась к его щеке. — Почему? Что-то случилось. Что?

Он покачал головой:

— Ничего определенного.

Она всмотрелась в его лицо. Куин уже не пытался скрывать своей озабоченности.

— Твоя интуиция подсказывает, что что-то не так?

Он глубоко вздохнул.

— Да. Я чую ловушку, — прямо сказал он, обняв ее и ведя к дивану.

— Что ты будешь делать?

— Прежде всего уберу тебя подальше от опасности.

Она нахмурилась.

— Ты считаешь, что они придут сюда? Кто бы это ни был? Но даже если и так, меня они не тронут.

— Ты же не дурочка. Мы не скрывали нашей связи.

— Я-не первая женщина в твоей жизни, — рассудительно напомнила она.

Несмотря на то, что они никогда не говорили на эту тему. Каприс знала, что Куин ее любит. Женщины из его прошлого больше не имели значения, так что можно было не стараться ни думать, ни упоминать о них.

Куин нахмурился.

— Не равняй себя с другими. Я этого не потерплю. — Он притянул ее к себе на колени. — Возьми свои слова обратно!

Положив голову ему на плечо. Каприс обняла его за шею.

— Перестань рычать, мой цыган, — прошептала она тихо, словно у стен могли быть уши. — Меня больше не тревожат призраки: ведь теперь я знаю, что они не тронули твоего сердца.

Он обхватил ее лицо изборожденными шрамами руками.

— Ты в этом уверена?

— Совершенно уверена.

Куин легко прикоснулся к ее губам, не смея взять то, чего жаждало его тело. У него было такое чувство, словно его прошлое стремительно несется к настоящему. И он не хотел, чтобы Каприс присутствовала в момент их столкновения.

— Тогда ты позволишь убрать тебя отсюда. Пока за мной гоняются, тебе тоже грозит опасность.

— Но ты же не уверен в том, что за тобой кто-то гоняется!

— Я слишком много пережил, чтобы не доверять своему чутью больше, чем зрению или слуху. Лес обложен охотниками, а добыча — я. Но ты ею не станешь. Обещаю. — Он заглянул ей в глаза. — Ты мне веришь?

Она не колебалась.

— Да.

— Спасибо. — Куин улыбнулся, впервые почувствовав, как спадает тревога, не оставлявшая его с того момента, когда он почувствовал ловушку. — Я устрою твой отъезд на остров сегодня же. Вещи придется оставить здесь, но я позабочусь, чтобы там тебя ждали новые.

Каприс нахмурилась.

— Что значит — отъезд на остров?

— Это — единственное место, где я более или менее могу гарантировать твою безопасность.

Тревога снова охватила его, когда он увидел в ее глазах отказ.

— Нет.

— Как это — «нет»? Ты же сказала, что веришь мне!

— Я тебе верю. Но если уеду, то нарушу слово. Это я сделать не могу. — Она уперлась руками ему в грудь, прекрасно понимая, что не сможет его оттолкнуть, если он сам этого не позволит. Секунду Куин сопротивлялся, а потом отпустил ее, продолжая смотреть прямо в глаза. — Постарайся понять. Это мой мир, моя жизнь. Мои близкие попросили меня о чем-то — в первый раз. Мне не хотелось разрушать мое будущее, но я согласилась. Я не могу идти на попятную. Я дала слово.

Куин вскочил, чувствуя, как его охватывает досада. Ему понятно было, какую власть над некоторыми людьми имеет кодекс чести. Он сам был из их числа. Каприс принимала такое решение, которое в данных обстоятельствах принял бы и он, но от этого ему не легче было смириться с ее выбором.

— Ты не знаешь, что это за люди.

— Не знаю. Но могу догадаться.

Его взгляд стал жестким.

— Нет, не можешь. Я не стану рассказывать тебе об их жестокости. Но одно тебе стоит усвоить. Им не будет дела до того, что ты, — Сент-Джеймс, что ты женщина, и что ты ни в чем не замешана. Их будет интересовать только одно: как они могут воспользоваться тобой, живой или мертвой.

— А на твоём острове есть люди, которые будут меня охранять?

На секунду его отчаяние сменилось надеждой.

— Да. Их там достаточно, чтобы охранять тебя столько времени, сколько понадобится.

— Люди, которых ты обучил, и, может быть, на которых уже полагался в подобных ситуациях?

— Да. У них большой опыт.

— И если бы тебе понадобилась помощь, ты вызвал бы одного из них или нескольких, так?

Куин заметил подвох слишком поздно и не смог прикрыться ложью.

— Да, — ответил он, проклиная собственную честность.

Каприс кивнула.

— Я уже говорила, что ты готов защищать меня, рискуя собой. Даже если бы я могла нарушить данное родителям слово, то я не согласилась бы купить мою безопасность ценой твоей. Если я укроюсь на острове, ты их не вызовешь. Ты встретишься с теми, кто за тобой охотится, один на один и, может быть, погибнешь. Я на такое пойти не могу. — Она говорила бесстрастно, но на губах ее появился странно нежный изгиб. — Я рискну остаться здесь. В этом случае ты, по крайней мере, вынужден будешь, чтобы присматривать за мной, вызвать подмогу, и эта защита пригодится и тебе.

Сжав руки в кулаки, Куин принял выбор Каприс, понимая, что не сможет заставив ее изменить решение.

— Ты говорила, что не признаешь риска. Ты лгала. Ты рискуешь своей жизнью ради меня.

— Это решать мне.

Глава 10

Куин осторожно встал с постели и замер, когда Каприс беспокойно зашевелилась. Убедившись в том, что она не проснулась, он бесшумно вышел из спальни, бережно закрыв за собой дверь. Свет он включать не стал. Когда надо было обдумать что-нибудь важное, темнота была ему верной помощницей. Как он ни спорил. Каприс стояла на своем. Она никуда не уедет. А его инстинкты предупреждали, что ей грозит опасность. Может, это подозрительность заставляла его видеть демонов там, где на самом деле их не было, но Куин так не думал. Рольф был ключом к происходящему, и в то же время Куин отказывался верить в то, что этот человек продал бы его, если бы ему за это были предложены одни только деньги. Да и его обширные связи не принесли ему никаких доказательств, что Рольф из соратника превратился во врага. Кроме того, с самим Рольфом ощущение опасности не связывалось. Нет, опасность, каков бы ни был ее источник, исходила не от Рольфа. Это означало, то в игру вступил еще один участник — тень из прошлого, где их было множество. Не зная имени, Куин мог прибегнуть только к сплошной защите, пытаясь лишь своевременно предупредить ходы противника, не больше. Как бы он ни осторожничал, предполагаемые шансы его не устраивали. Приняв решение, Куин взялся за телефон.

Ему ответил голос Киллиана, хриплый и сонный.

— Скажи мне, какое именно наблюдение ты установил за Каприс, — приказал Куин, не потрудившись назваться.

Киллиан сел в постели, хмурясь на невидимого собеседника.

— Черт тебя подери! Неужели надо будить меня в три часа ночи, чтобы спросить об этом. А где ты... впрочем, отвечать не обязательно.

— В Хьюстоне. И можешь не опрашивать — Каприс у меня в постели.

Киллиан нахмурился еще сильнее.

— Не знай я тебя так хорошо и не разделяй нас тысяча миль, я бы за такие слова снял с тебя голову и сказал бы, что так и было.

Разбуженная раздраженным голосом мужа, Силк перекатилась на бок и сонно заморгала:

— Что случилось?

Киллиан притянул ее к себе и провел пальцем по губам, призывая к молчанию.

— Дело серьезное, — пробормотал Куин, слишком остро ощущая, что в соседней комнате спит Каприс.

Киллиан напрягся.

— Насколько и для кого?

Куин выразительно выругался.

— Отчасти проблема именно в этом. Я не знаю. Пока это только предчувствие. Из тех, которые помогают выжить, если к ним прислушиваться, и ведут к верной гибели, если нет.

— Убирай ее оттуда. Я здесь все приготовлю.

— Пытался. Она отказывается уезжать. Она дала слово Лоррейн и не хочет сдвинуться с места.

Киллиан стал еще мрачнее.

— Это на Каприс не похоже. Чего ты не договариваешь?

— Она решила, что влюблена в меня, и считает, что если уедет на остров, я оставлю своих людей там, вместо того чтобы вызвать их сюда в качестве подкрепления.

— Похоже, она действительно любит, иначе не смогла бы так хорошо тебя раскусить, — заметил Киллиан. — Значит, предсказание все-таки сбывается. Спустя столько лет!

Куин тоже нахмурился.

— К черту предсказание. Если так считать, кончится тем, что она погибнет. Ты знаешь, с какими людьми мы имеем дело. Это же не детективный роман!

— Если она тебя тронула, значит, ты уже должен был бы узнать ее историю. Каприс не из тех, кто верит романам. Она слишком рано научилась недоверию, чтобы теперь легко принять его противоположность.

— Я звоню не для того, чтобы выслушивать лекцию о ней или о том, что мы друг для друга значим.

Несмотря на серьезность положения, Киллиан не мог не усмехнуться раздражению, которое Куин прежде никогда не выказывал.

— Ладно. Тогда зачем ты позвонил?

— Сказать тебе, чтобы ты не тревожился, если Каприс вдруг исчезнет в ближайшие несколько дней.

Это заявление заставило Киллиана забыть про улыбку.

— Повтори-ка еще раз.

— Я так и думал, что это заставит тебя прислушаться.

— Переходи к делу.

— Если Каприс откажется ехать на остров добровольно, я пошлю ее насильно, — просто сказал Куин.

— То есть похитишь ее.

— Если тебе так нужны ярлыки, можешь воспользоваться этим.

— У меня есть мысль получше. Разреши мне поговорить с Лоррейн и Джеффри. Ради них она вернется домой.

Куин обдумал это предложение. Территория острова полностью контролировалась, и там было безопаснее, чем в Филадельфии, какую бы охрану ни предоставил Киллиан. Но, с другой стороны, он насильно поставил бы Каприс в такое положение, которое она уже недвусмысленно отвергла.

— Можно попробовать, — медленно согласился он.

— Думаешь, она не вернется?

— Не знаю. Но одно могу сказать определенно — она ужасно разозлится, когда узнает, что я тебе звонил.

— Каприс никогда не злится. Куин коротко хохотнул:

— Спроси у Силк.

Киллиан наклонился, включил ночник и вытащил из тумбочки блокнот и карандаш.

— Дай мне номер твоего телефона. Я сейчас же сообщу обо всем Лоррейн и Джеффри. Уверен, они позвонят ей, как только примут решение.

— Если она не согласится, я увезу ее насильно, — предостерег его Куин, и его тон говорил о том, что он не потерпит вмешательства. — Она попала в такое положение из-за меня. Я дам вам всем один шанс, чтобы ее вызволить. Не ради меня, а ради нее. Не получится — тогда я действую сам.

— Ты говоришь так, как говорил я, когда Силк была в опасности.

— И чувствую, наверное, то же, — пробормотал Куин. — Та чертова фотография, которую я украл у Силк, не слишком удачна. У этой женщины стальная воля и ослиное упрямство, — с отвращением проговорил он, и его акцент стал сильнее прежнего.

Киллиан рассмеялся, теснее прижимая к себе жену.

— У этих женщин из семейства Сент-Джеймс ужасно обманчивый вид. Они кажутся мужчинам такими мягкими и беззащитными, но стоит только их обнять, как они превращаются в нечто такое, с чем ни один мужчина не имел еще дела.

— В какой-то другой момент я был бы рад подобному.

Киллиан посерьезнел.

— И это чувство я тоже помню, — со вздохом согласился он. — Хочешь сказать еще что-нибудь перед тем, как я буду разговаривать с ее родителями?

— Нет. Какие бы планы ни были приняты, они скорее всего не будут осуществлены мгновенно. Если после столь долгого времени кто-то настолько сильно хочет меня разыскать, что смог провести такие раскопки, — можно определенно сказать, что он не простой охотник.

— Меня это что-то не успокаивает.

Мрачное выражение лица Куина его тоже не успокоило бы.

— Я знаю только одного человека, который мог бы настолько сильно хотеть убрать меня.

Киллиан резко выдохнул, вспомнив, о ком идет речь.

— Густав.

— Да. Если это он, у нас есть время. Густав слишком увлекается стратегией и считает себя мастером планирования. Это единственное, что может дать нам минимальный запас времени, — откровенно сказал Куин и сразу же повесил трубку.

Не тратя времени, Киллиан позвонил Лоррейн и Джеффри, чтобы сообщить им о возникшей проблеме. Нелегко было объяснить роль, которую играл в создавшейся ситуации Куин, но он все-таки сумел это сделать, не выдав историю Куина и даже не сказав, что Каприс оказалась в опасности из-за него и его прошлого. Какое бы будущее ни ожидало человека, который помог спасти жизнь Силк, он не сделает ничего, что хоть как-то снизит его шансы.

— Я становлюсь слишком стар для такого рода потрясений, — пробурчал Джеффри. — Сначала Силк, а теперь и Каприс. А я-то считал, что мои дочери обычные молодые женщины.

Киллиан неопределенно хмыкнул, глядя на обычную представительницу женского рода, примостившуюся рядом с ним.

— По-моему, определение «обычная» не подходит ни к Силк, ни к Каприс.

Джеффри глубоко вздохнул.

— Наверное, нет. Но надеяться никому не запретишь. Я поговорю об этом с Лоррейн и обещаю, что в ближайший час мы свяжемся с Каприс. Ты обо всем распорядишься? Позвони пилоту фирмы, и пусть он за ней слетает. Надо полагать, ты пошлешь с самолетом своего человека.

— Я собираюсь лететь сам.

— Хорошо, — облегченно согласился Джеффри.

— Куин считает, что она не вернется, — предостерег его Киллиан.

Джеффри немного подумал над этими словами.

— Она сблизилась с этим человеком? По-настоящему сблизилась?

— Так мне кажется, — пробормотал Киллиан, радуясь возможности сказать правду, не подчеркивая обстоятельства чересчур сильно.

— Он из тех, кого лучше иметь в качестве друга, а не врага?

— Да.

— Ему можно доверять?

— Абсолютно во всем.

Джеффри был умным человеком, а его отношения с Киллианом, деловые и личные, длились уже несколько лет.

— Человек с прошлым.

— А существуют люди, добившиеся успеха и власти, за которыми бы не стояло прошлое?

— Нет. Может, так и лучше. Каприс не привлек бы человек, у которого в жилах течет не кровь, а водичка.

Киллиан рассмеялся.

— Да, уж это мы определенно можем гарантировать.

— Я дам тебе знать, когда она будет готова.

Киллиан не стал вновь напоминать своему собеседнику о том, что Каприс может и не согласиться уехать. У него, как и у Куина, складывалось такое ощущение, что заставить Каприс уехать можно будет только силой.

Повесив трубку, Киллиан сделал еще три звонка, позаботившись о том, чтобы «Лир» Сент-Джеймса прошел предполетную подготовку, пилот ждал приказа, и в его офисе знали о его скором отъезде. Закончив эти разговоры, он поудобнее устроился в постели и приготовился ждать. Наклонившись к Силк, Киллиан прижался к ее губам в теплом поцелуе. Все это время Силк не задавала ему ни одного вопроса, но, поскольку между ними больше не существовало тайн, в вопросах нужды и не было. Силк нисколько не сомневалась в том, что он все ей расскажет.

— У тебя есть фотография Каприс?

Вопрос заставил Силк нахмуриться. Двигалась она медленно и лениво, но ее золотистые глаза смотрели неожиданно живо. Она слышала достаточно, чтобы понять, что Каприс угрожает какая-то опасность, и могла бы задать с десятков бесполезных вопросов — но не произнесла ни слова. Зная мужа, она прочла тревогу в его взгляде, почувствовала, как выжидающе напряглось его тело. Если ему нужно отвлечься, она готова ему подыграть.

— Была — в бумажнике. Но потерялась в тот день в гараже, когда Эрик пытался меня убить.

— Не потерялась. Ее забрал Куин.

Силк нахмурилась.

— Почему? Если бы он меня попросил, я бы заказала для него копию.

— И при этом забросала бы его вопросами.

— Скорее всего.

— А он не стал бы отвечать.

Вспомнив человека, который по просьбе Киллиана пришел к ней на помощь, Силк вынуждена была согласиться.

— Но я все равно ничего не понимаю!

— Лет пятнадцать назад мы с Куином оказались союзниками — в самом широком понимании этого слова. При этом мы наткнулись на общество, которое занималось довольно интересными вещами. Закончив то, что нам надо было сделать, мы ненадолго расслабились в этом самом обществе. Хотя, если говорить совершенно честно, я там пробыл значительно меньше, чем он. — Силк ткнула Киллиана пальцем в бок, требуя, чтобы он поменьше отвлекался и переходил к сути рассказа, — Киллиан охнул. — У тебя совершенно нет терпения! — пожаловался он, схватив ее за руку прежде, чем она успела ткнуть его еще раз.

— Тебе пора бы уже это знать, — напомнила ему она.

— Да мы женаты чуть больше месяца!

— Некоторые вещи много времени не требуют, — самодовольно ответила Силк. — Ну, давай, рассказывай!

— Мы с Куином столкнулись с человеком, которому очень хотелось предсказать наше будущее. Я в такие вещи не верю, но Куин, с его цыганским происхождением, верит. Он выслушал предсказание. Мне оно показалось набором туманных фраз, а он заложил эти слова в свой мозг-компьютер и стал ждать.

Силк нахмурилась.

— Чего?

— Сестру, которая не будет сестрой. Женщину, которая победит драконов и осветит тьму ада.

— Каприс? Неудивительно, что он так удивился, когда я сказала ему, что мы — приемные, — Силк помолчала, обдумывая услышанное. — И он поехал за ней, да? Помню, на свадьбе я обратила внимание, что он все время за ней наблюдал, — но мужчины всегда поначалу за ней наблюдают, пока она их не заморозит.

— Его она не заморозила.

Это заставило Силк улыбнуться: она представила себе битву между двумя волевыми людьми, каждый из которых знает, чего хочет добиться в жизни.

— Хотелось бы мне подсмотреть их разговор, когда Каприс поймет, что Куин вызвал подкрепление. Моя сестра терпеть не может, когда ей навязывают решения или перемены. Тогда она взрывается так, что даже я не могу сравняться с ней.

Киллиан недоверчиво поднял брови.

— Я не видел никаких признаков этого да и не слышал, если уж на то пошло.

Силк тихо засмеялась.

— Думаю, ты сможешь наблюдать это воочию, если я хоть немного ее знаю. Во всяком случае, до твоего отъезда изволь к телефону подходить сам.

Киллиан посмотрел на нее с подозрением.

— Неужели это настолько страшно?

— Ты же сказал, что у тебя досье на всех нас. Ты ничего не читал про Каприс?

— Но ей было всего тринадцать, когда она отлупила того типа метлой!

— И разворотила весь его магазин. И облила ему краской причинное место — масляной, между прочим. Его отчищали в травмопункте.

— Но сделать непристойное предложение тринадцатилетней девочке — это не то же самое, что иметь дело с женщиной, которой почти тридцать лет.

Силк ласково похлопала мужа по плечу.

— Вот сам и объяснишь ей, в чем разница. А я буду стоять за кулисами с аптечкой первой помощи.

— Ты сделал — что? — тихо переспросила Каприс, глядя на Куина так, словно видела его впервые.

Он протянул руки, чтобы обнять ее. Она вывернулась, несмотря на то, что прохладный воздух спальни заставил ее завернуться в простыню. Засунув руки в карманы джинсов, Куин всмотрелся в ее гневное лицо.

— Я позвонил Киллиану и рассказал, в каком положении мы очутились.

— Ты ведь даже не уверен, что это «положение» существует!

Каприс сдула упавшие на лоб пряди. Конечно, лучше было бы придумать более удачный сценарий для подобного разговора: тогда она не стояла бы завернутая в простыню в чем мать родила, после того, как ее разбудили поцелуем, который должен бы был обещать страсть, а не известие о предательстве.

— Я не желаю тобой рисковать. Каприс стиснула край простыни, чувствуя, что вот-вот окончательно выйдет из себя.

— Ты не желаешь! — повторила она угрожающим голосом. Но не успела она добавить еще что-нибудь, как зазвонил телефон. Она обернулась и одарила аппарат таким взглядом, словно это был ее смертельный враг.

На лице Куина не видно было раскаяния. Чтобы обезопасить ее, он готов сделать не только то, что уже сделал, но и гораздо большее.

— Это твои родители.

— Надо полагать, перепуганные до полусмерти.

Он кивнул, явно не собираясь извиняться.

— Их не пришлось бы пугать, если бы ты позволила мне просто вывести тебя из-под огня.

Каприс топнула ногой, однако это движение не произвело нужного эффекта из-за того, что она была босиком, а на полу лежал толстый ковер.

— А я повторяю: еще не известно, существует ли вообще опасность! Я согласна прислушиваться к твоим инстинктам. Я даже согласна принимать меры предосторожности — все, которые ты предложишь. Но я не уеду — ни домой, ни на твой остров. И никто не заставит меня передумать!

Каприс прошествовала к телефону, вернее, попыталась прошествовать, но споткнулась о край простыни и зачертыхалась, когда та съехала, по ее мнению, чересчур низко. Сгребая материю одной рукой, она второй схватила телефонную трубку.

— Да, мама, — сказала Каприс, пытаясь говорить любезно, несмотря на стиснутые зубы. Слушая, как мать отказывается от своего пожелания, чтобы она жила в Хьюстоне, Каприс обернулась и бросила на Куина негодующий взгляд. — Нет, мама, — проговорила она как можно ласковее. — Домой я не вернусь.

— Будь благоразумной, милая! Если с тобой что-нибудь случится, виновата буду я! — взмолилась Лоррейн.

— Нет, не ты, — решительно возразила Каприс. — Я взрослая женщина и сама за себя отвечаю. Пока у меня получалось не слишком хорошо. Насчет этого ты была права. Но, по-моему, я наконец поняла, что важно, а что — нет. Или, по крайней мере, начала понимать. Я дала слово здесь остаться — и сдержу его.

— Но это опасно!

— Куину показалось, что это опасно, — поправила она мать. — Вы с отцом приставили ко мне охранника. И мы будем осторожны.

Лоррейн огорченно вздохнула.

— Я не могу заставить тебя вернуться домой, — устало призналась она. — Но очень бы хотела заставить.

Услышав в голосе матери нотки отчаяния, Каприс сильнее стиснула трубку. Она уже готова была поддаться эмоциональному давлению, но тут посмотрела на своего любимого и осознала, что какой бы риск ни угрожал ей самой, его риск невероятно более высок. Ее гнев остыл. Она не может расстаться с ним — даже ради спасения собственной жизни. Она много лет старалась отделить себя от окружающих, оберегая себя за их счет, но сейчас она просто на это неспособна.

— Я люблю тебя, мама. Я люблю вас обоих, — мягко проговорила она, бережно кладя трубку.

Куин прочел во взгляде Каприс неслышимую решимость. Он надеялся, но, продолжая надеяться, знал, что она не уедет. Из-за ее решения у него не оставалось выбора. Он встал перед ней, пылливо заглядывая в глаза. Пылавший в их изумрудных глубинах гнев погас. Он ласково прикоснулся к ее щеке.

— Я должен был попытаться тебя защитить, — прошептал Куин, впервые в жизни чувствуя потребность объяснить свои поступки.

Она кивнула.

— Знаю. Я поступила бы так же.

— Ты не сердишься?

— Сейчас — нет. — Она слабо улыбнулась. — Но не сомневаюсь, что мне еще не раз придется это делать.

И Каприс сделала шаг, остававшийся до рук, раскрытых ей навстречу. Простыня бесшумно скользнула на пол. Сейчас все преграды были лишними. Их звал остаток ночи, обещающая тайны, гораздо более значимые, чем все стратегические планы на свете.

Он сидел в круге золотистого света, лениво водя пером по листу бумаги. Игравшая на его лице улыбка обещала все круги ада тому человеку, имя которого значилось в первой строчке. Его планы были завершены.

Наконец-то отмщение стало совсем близким. Он поднял руку, погладив шрам, портивший его внешность. Он не забыл и так и не научился прощать. Цыган попался.

Глава 11

— Ты с ума сошел, — резко сказал Киллиан. — И хочешь, чтобы я на такое согласился? Ведь мой человек за ней наблюдает! Как ты собираешься его нейтрализовать? Или это тот случай, когда мне лучше знать как можно меньше?

Куин откинулся на спинку кресла. Если бы кто-нибудь наблюдал за ним со стороны, у него создалось бы впечатление, будто этот человек чувствует себя совершенно непринужденно. Истина была совершенно иной. Куин вел игру со смертью, но на этот раз ставка была важнее, чем его собственная жизнь.

— Твой сотрудник останется цел и невредим. Я просто отключу его на то время которое понадобится, чтобы вывезти Каприс из страны. Не стоит тревожиться, когда выяснится, что она исчезла. И тем более не стоит, чтобы тревожились ее близкие.

— Она тебе этого не простит.

— Мне все равно.

Услышав слова, в которых должна была бы прозвучать хотя бы нотка озабоченности, Киллиан чертыхнулся. Спокойный Куин был опаснее всех, с кем ему приходило встречаться. В отличие от многих их коллег, Куин никогда не искал ни опасностей, ни неприятностей, но, с другой стороны, предпринимал все возможные логичные меры предосторожности, чтобы их избежать. Его фаталистическое приятие собственной смертности просто поражало. Но, похоже, это отношение не распространялось на Каприс.

— Ты же знаешь, на какой риск идешь, отправляя ее на остров. Допустим, за этим заговором действительно стоит Густав, но ты ведь не представляешь, с какой стороны может прийти опасность. Твоим людям не удалось даже определить его местонахождение. Они знают только,

что он в стране. Стоит тебе только отправить Каприс на твоём самолёте, ты не только оказываешься без крыльев — если, конечно, не захочешь лететь на взятой внаём машине, — но и прокладываешь след прямо к себе в убежище.

— Все это неважно, если Каприс будет в безопасности.

Чувствуя полное бессилие, Киллиан взъерошил волосы и попытался придумать, как можно переубедить Куина. Он не сомневался в том, что планы Куина будут хитроумными и непогрешимо точными, однако у него было относительно происходящего очень нехорошее предчувствие. Все его инстинкты кричали о том, что все подстроено.

Яростно выругавшись, Киллиан вскочил. Чутье предупреждало его об опасности.

Куин посмотрел на часы. Скоро пора будет ехать за Каприс: её рабочий день заканчивается. Он все утро провел в переговорах. Все было подготовлено для того, чтобы сегодня же ночью перевезти Каприс в безопасное убежище.

— Я вылетаю.

— Ты женат.

— Сам ты меня не позовешь.

— Не вижу необходимости. Густав — мой старый враг. Он может выиграть, но если вывести Каприс из игры, то шансов у меня будет больше.

Киллиан был поражен услышанным. Куин еще никогда не отдавал себя целиком. Работе — да. Но другому человеку, будь то мужчина или женщина, — нет. Он платил долги, но не более того.

— Ну, тогда увози ее отсюда, — согласился он со вздохом. — Я тут тебя прикрою.

Куин почувствовал, как его напряжение спадает. Что бы ни говорил Киллиан, он все равно бы увез Каприс. Но так будет лучше. Ему не хотелось причинять боль этому человеку, но ради Каприс он пошел бы даже на это.

— Но я все равно прилечу, — добавил Киллиан.

— За тобой долга не числится, — пробормотал Куин. Губы его изогнулись в улыбке, заметной лишь ему самому.

— Это ты так считаешь. А мы с Силк придерживаемся совершенно иного мнения. Ты помог мне спасти ей жизнь.

— Я лишь задал несколько вопросов и немного понаблюдал за человеком, с которым ты потом легко справился, — отозвался он.

— Ты только даром тратишь время.

Куин вздохнул:

— Знаю. Ты всегда был упрямым. Киллиан коротко хохотнул.

— И это тоже.

— Она исчезнет еще до того, как ты сюда прилетишь.

— Я в этом не сомневался.

Оба не стали произносить стандартные фразы прощания. Планы составлены. Больше говорить не о чем.

Куин встал, снова обдумывая ближайшие несколько часов. Снадобье, которое он собирается дать Каприс, это просто снотворное, его легко будет добавить ей в питье за обедом. Пилот уже готов и отвезет ее прямо на остров, где ждут его люди, готовые выдержать осаду — которой скорее всего не будет, если он сам останется на виду. Именно эта переменная таит самую большую опасность. Если он ляжет на дно, чтобы оберегать свою жизнь, опасность для Каприс увеличится. Тогда ею могут воспользоваться как приманкой — Густаву каким-то образом стало известно об их отношениях. Куин подошел к окну, по привычке став так, чтобы оставаться невидимым. Секунду спустя его внимание привлек стук в дверь: коридорный принес записку. Закрыв за ним дверь, Куин вскрыл конверт.

«Итак, цыган по имени Рэндал Куинлен охотится за самкой. Поздравляю тебя, друг мой. Твой вкус, как всегда, непогрешим. Однако между нами осталось одно незаконченное дело. Я даже сообщаю тебе, как меня найти, чтобы ты не тратил свое драгоценное время на розыски. Кстати, не трудись искать свою женщину. Она еще у себя в офисе — и останется там, если ты побеспокоишься со мной встретиться.

Густав».

Когда Куин закончил читать, в его глазах горела ярость. Угрозы всегда вызывали у него только презрение. Но эта была ударом в солнечное сплетение. Пытаясь дать Каприс право выбора, он украл из ее жизни несколько драгоценных часов. Теперь выбора нет. Он должен встретиться с Густавом. Единственный плюс в том, что для похищения необходима серьезная подготовка. Его собственные планы уже составлены. Надо просто задержать Густава на то недолгое время, которое понадобится ему, чтобы увезти Каприс из страны. Сейчас она в офисе, и ее охраняет человек Киллиана — значит, она в безопасности.

— Мисс Сент-Джеймс, это только что принесли для вас, — нервно пробормотала посыльная, застыв на пороге кабинета Каприс.

Каприс оторвалась от контракта, который изучала, и посмотрела на обеспокоенную девушку.

— Мне? От кого-то из нашего офиса? Та покачала головой:

— Нет. Снаружи. Вас внизу ждет какой-то мужчина.

Каприс посмотрела на часы и нахмурилась. Куин приехал слишком рано. Он велел ей быть готовой не позже половины шестого, а сейчас всего несколько минут пятого. Что-то случилось.

— Как он выглядит?

Девушка пожала плечами:

— Очень высокий. Светловолосый. Интересный.

Каприс немного успокоилась. По крайней мере, с ним ничего не случилось. Собрав бумаги, она

сунула их в портфель и сняла жакет со спинки стула. Встав, надела жакет и достала сумочку из нижнего ящика стола. Она столько раз задерживалась на работе, что может не беспокоиться относительно того, что сегодня уходит слишком рано. Постучав в дверь начальнику. Каприс сообщила ему, что закончила работу.

— Ты всегда был пунктуальным, — тихо проговорил Густав, глядя на человека, которого ненавидел сильнее всего на свете.

Куин вошел в комнату, не обратив внимания на негромкий щелчок замка запертой за его спиной двери.

— Зря теряешь время.

Густав откинулся на стуле, качая головой. В его глазах горела насмешка и удовлетворение.

— Знаешь, до этой минуты я не знал точно, насколько она для тебя важна.

Пожав плечами, Куин сел на стул, стоящий перед письменным столом. Опасность таилась на открытом месте, за дверью. Но не здесь. Густав жаждал этой минуты торжества, но пока он ее не получит.

— Я не проливаю невинной крови, — сказал Куин спокойно. Почти равнодушно. Ему нельзя капитулировать слишком быстро — иначе Густав заподозрит, что он тянет время. — Да и раньше этого не делал.

— Тебе всегда удавалось выставлять нас всех в жалком виде с помощью этой твоей порядочности.

Густав пощупал шрам у себя на щеке.

Куин ничего не ответил.

Густав посмотрел на часы и улыбнулся еще шире, когда зазвонил телефон у него на столе. Он кивком указал на него.

— Ответь на звонок. Ей захочется с тобой поговорить.

Куин встретил смеющийся взгляд, балансирующий на грани безумия, и понял, что, несмотря на все меры предосторожности, предпринятые им и Киллианом, как только они заподозрили неладное, Каприс попала в беду. Он не стал тратить время на угрозы. Просто снял трубку.

— Куин?

— Я здесь. Каприс.

— А она нет, — произнес грубый голос, и связь прервалась.

Куин положил трубку, ничем не выдав бушевавшую в нем ярость. Ее голос звучал скорее сердито, чем испуганно. Но достаточно одного слова сидящего перед ним человека — и это положение мгновенно изменится.

— Нечего сказать?

Куин пожал плечами.

— Скажу, когда слова будут иметь какое-то значение.

Густав запрокинул голову и от души рассмеялся.

— Друг мой, я искренне сожалею, что ты

не остался со мной тогда, много лет тому назад. Я бы тебе не доверял, но получал бы удовольствие от работы с тобой.

Куин молча ждал.

Густав перестал смеяться и начал разглядывать его, словно какое-то незнакомое существо, а не человека, которого ненавидел почти двадцать лет.

— Кое-кто, с кем я иногда веду дела, хотел бы воспользоваться твоими услугами. Но я, зная, каким дьявольским упрямцем ты бываешь, решил склонить чашу весов в нашу сторону.

Куин продолжал молчать.

Густав взял лист бумаги, к которому была приклеена маленькая фотография, и подтолкнул по столу к Куину. Он выждал несколько секунд, но Куин кинул на лист только беглый взгляд.

— Я верну тебе твою женщину. Может, в целости и сохранности, а может — нет. Но она будет жива, если этот человек будет мертв и перестанет создавать проблемы для моих заказчиков. У тебя есть неделя — семь долгих дней, которые твоя женщина сможет разделить со мной, — добавил он на тот случай, если Куин не до конца понял ситуацию.

Ярость залила мозг Куина, на секунду стерев способность мыслить. Густав с наслаждением ломает Каприс самыми извращенными способами, какие только сможет придумать, — а этот человек прекрасно знаком с темной жестокостью, которой человечество научилось за долгие века. Куину понадобилось все его умение владеть собой, чтобы эта ярость не отразилась на его лице, чтобы его мускулы не напряглись. Ничего не говоря, он встал и направился к запертой двери.

Густав с шипением втянул в себя воздух, раздосадованный поведением, которого он не ожидал. А он-то был уверен, что смог найти слабое место в этом ненавистном ему человеке!

— Мне нужен твой ответ.

— С таким предложением ты ничего не получишь, — ответил Куин, ни на секунду не замедлив шага и даже не оглянувшись.

Сейчас жизнь Каприс висела на волоске его умения и способности переиграть Густава.

Густав, стиснув руками подлокотники кресла и сверля взглядом спину Куина, позволил ему подойти до двери.

— А если я гарантирую ее безопасность?

Куин потянулся к ручке двери. Глаза Густава злобно сощурились. Его заказчики платили ему слишком хорошо, чтобы он мог полностью забыть о том, что ему необходимо добиться согласия Куина.

— Я дам слово.

Куин застыл на месте, молчаливо давая понять, чего именно он требует.

— Я буду следить за ней лично, но только в течение этой ночи. Закончишь дело сегодня — и я верну ее тебе целой и невредимой.

Теперь Куин обернулся, взвешивая правду и ложь. Он понимал, какое значение имеет порученное ему убийство: и для человека, сидящего перед ним, и для тех, кто нанял его. А еще он знал цену провала.

— Звони, — тихо приказал он, и голос его прозвучал настолько холодно, что мог бы затушить даже адское пламя.

Густав гневно посмотрел на Куина.

— Ты мне не доверяешь.

Куин молча перевел взгляд на шрам, протянувшийся через щеку собеседника. Тот побагровел от ярости, разразился ругательствами, но потянулся за трубкой. Его слова звучали коротко и отрывисто. Услышав односложный ответ, он кивнул.

— Она будет здесь через несколько минут.

Куин молча смотрел на него.

— Невредимая, — неохотно признался Густав.

— И? — Голос звучал еще тише и мягче.

— Такой и останется. Если закончишь работу до того, как наступит рассвет нового дня.

Куин прислонился к двери, понимая, что добился единственной уступки — другой не будет. Разница в несколько часов означала жизнь или смерть.

— Я подожду.

Густав сердито нахмурился.

— Еще придет день, когда один из нас, стариков, заплатит по кое-каким счетам, — яростно пообещал он.

Увидев, что от Куина никакой реакции не добьешься, он снова выругался. Он был уверен, что его организации наконец-то удалось нащупать слабину в цыгане-отступнике. Данное ему поручение было только началом запланированного террора. Ему хотелось швырнуть это в лицо Куину, чтобы он и его женщина подавились бы этим. Но он решил выждать. Только мысль о том, что его врага ждет такой близкий конец, помогла ему не схватиться за пистолет, который лежал в ящике стола, упиравшемся ему в живот. Победа была так близко, что Густав уже ощущал ее вкус.

В помещении было настолько тихо, что слышно было, как тикают часы. Куин наблюдал за человеком, сменившим почти также много имен, как и он сам. Как бы тщательно он ни планировал свои новые жизни, всегда случалось что-то, что направляло по его следу охотников. А с охотниками приходили опасности и смерти. Сейчас в середине схватки

оказалась Каприс — невооруженная, беспомощная женщина в зоне боевых действий! Он любит ее, но не смог уберечь ее от такого. Ему очень редко приходилось испытывать чувство вины — пожалуй, ни разу с того момента, как он стал взрослым. Но сейчас вина цеплялась за него, как отвергнутая любовница. Ради Каприс он продаст свою честь — то небольшое, что от нее осталось, — продаст этому убийце, уставившемуся на него взглядом, в котором ясно читается наслаждение чужой болью. Он защитит ее — но с этой минуты Рэндал Куинлен перестанет для нее существовать. Только так он сможет уберечь ее от гибели.

Каприс сидела абсолютно тихо, покачиваясь в такт движения автомобиля. У нее были завязаны глаза и стянуты за спиной руки. Рот и ноги остались свободными. Хотя вряд ли от этого была хоть какая-то польза. Мужчина, которого ей описала посыльная, молча сидел рядом. Мысленно проклиная собственную глупость — ведь Куин предостерегал ее, не велел выходить из здания и даже спускаться вниз, пока он заодеи не приедет! — она старалась подавить гнев, чтобы спокойно обо всем подумать. Она не знала, нигде они находятся, ни куда едут. Немногие звуки, долетавшие до нее сквозь закрытые непрозрачные окна лимузина, говорили о том, что они по-прежнему в людных местах, а не за городом. Внезапно машина резко повернула. От неожиданности Каприс завалилась на сидевшего рядом мощного мужчину.

Тот злобно зашипел и впился пальцами ей в плечо. Секунду его хватка была болезненной, а потом ослабела.

— У цыгана, как всегда, удачный выбор, — пробормотал он с сильным акцентом.

Каприс застыла. Ее инстинкты восставали против вторжения в личную жизнь. Все чувства кричали, чтобы к ней не прикасался никто, кроме Куина. Но над этим, словно смертельная зараза, навис ужас, лишивший ее способности злиться и даже мыслить. Но несмотря на страх, она не хотела унижаться. Молчание тоже было оружием — и она им воспользовалась.

— Так ты еще сражаешься. — Его рука скользнула по ее коже, легко, почти нежно. — Хорошо. Я таких люблю. — Он провел пальцами вдоль ее руки. — Я позабочусь, чтобы у нас было время познакомиться поближе. — Он посадил Каприс прямо, тихо смеясь. — Очень и очень близко.

Каприс прислонилась к дверце, заставив себя дышать медленно и глубоко. Насилие — то, чего боится любая женщина. Но она выживет. Смерть не оставляет надежды на освобождение. А жизнь обещает все, если только хватит сил отключить боль. Она уже это делала. И, если понадобится, сможет сделать снова. Только на этот раз она не одна. Куин где-то поблизости. Он не успокоится, пока ее не отыщет. И если этот недочеловек исполнит свою угрозу раньше, чем Куин найдет ее, они справятся и с этим тоже. Мысль о Куине и его кодексе чести немного ее успокоила. Вернулся гнев, холодный, как у него, безмолвный, глубокий. У нее только одна задача. Выжить и дожидаться Куина.

Куин услышал в коридоре голоса. Он отошел от двери и встал так, чтобы вошедшие не сразу его увидели. Он не смотрел на Густава. Пока не будет выполнено задание, с этой стороны опасность ему не угрожает. Дверь открылась. Первой вошла Каприс. Только великолепная подготовка и опыт позволили ему не выказать никаких чувств при виде впившейся в ее запястья веревки, бледности лица, едва видного из-под тугой повязки, и мужской руки, грубо сжимавшей ее предплечье. Все прошлые унижения были умножены в тысячи раз и занесены на счет, который он для нее сквитает. Он быстро, но тщательно осмотрел Каприс, а потом перевел взгляд на гневное лицо Густава.

— Мне нужно пять минут.

Густав покачал головой.

Куин пожал плечами и двинулся к двери.

— Нет! — Густав вскочил, упираясь ладонями в крышку письменного стола. — Будь ты проклят! Приказываю тут я!

— Тогда приказывай, или я уйду.

Долгие секунды Густав оценивал решимость своего противника. Дыхание его участилось от с трудом сдерживаемой ярости. В конце концов он яростно взмахнул рукой и приказал тому, кто привел Каприс, отпустить ее и выйти.

— Я останусь.

Куин снова повернулся к двери.

— Я могу обратиться и к кому-нибудь другому.

Куин уже сделал шаг в коридор, когда Густав выругался словами, которых Куин не слышал с юности.

— Ладно. Можешь в последний раз побыть со своей бабой. — Он вышел из-за стола и прошел в коридор. Взгляд его обещал месть. — Это ничего не изменит.

Куин едва заметно улыбнулся: мрачный изгиб губ, знакомый его мучителю. Цыган никогда не улыбался по-настоящему — только когда давал обещание, осуществлявшееся в аду. Невольно, несмотря на все свои тщательно продуманные и просчитанные планы, в результате которых цыган должен был бесследно исчезнуть, Густав ощутил страх. На одно мгновение ужас темной пеленой лег на его безумие. Куин заметил в нем перемену, учел ее и сыграл на ней. Ради Каприс он готов был воспользоваться любым преимуществом.

— Если ей хоть кто-то, неважно по какой причине, причинит самый малейший вред, если у нее на теле появится хоть одна ссадина, если она только скажет, что кто-то из твоих людей позволил себе хотя бы чертыхнуться в ее присутствии — я тебя выслежу и не оставлю ничего, кроме дыхания. И ты будешь умолять, чтобы я позволил тебе за гладить свою вину перед ней за то время, на которое я оставлю тебя жить.

Густав отступил на шаг, глядя на человека, в чьем голосе не слышно было ни намека на гнев, одно только равнодушие, вынести которое было невозможно.

— Я дал тебе слово! — прохрипел он.

— И мы оба знаем, насколько на него можно положиться.

Густав с трудом сглотнул, а Куин отвернулся и вошел в комнату, закрыв за собой дверь.

Он не стал терять времени, проверяя, не подслушивает ли его Густав или кто-то из его людей. Он прошел через комнату и снял с глаз Каприс повязку, а потом быстро повернул ее к себе спиной и по-новому завязал ее веревки так, что она по-прежнему не могла двигать руками, но теперь путы не врезались так мучительно ей в тело.

Каприс моргала: первые несколько секунд ее глаза не могли привыкнуть к врывающемуся в окна солнечному свету. К тому моменту, когда она могла, наконец, нормально видеть, Куин

уже повернул ее лицом к себе.

— Он к тебе прикасался?

Заглянув ему в глаза. Каприс изменила ответ, который собиралась дать.

— Нет.

Куин всмотрелся в ее лицо и по глазам понял, что с ее губ только что сорвалась первая ложь. Она рискнула сделать это — ради него.

— Ты лжешь, но это неважно. — Он притянул ее к себе. Ему необходимо было почувствовать удары ее сердца, бьющегося в такт с его собственным. — Что бы тебе ни приказывали сделать, не сопротивляйся. Выполняй.

Каприс впитывала в себя его силу и тепло. Глаза ее были закрыты.

— Хорошо.

Он взял ее за подбородок и поднял лицо навстречу своему.

— Они не причинят тебе вреда. Ты для них только заложница. Ты им не опасна — если не увидишь их лиц. Так что мне придется снова завязать тебе глаза перед тем, как они вернуться.

Она кивнула, доверяя ему свою жизнь.

— Понимаю.

Сурово сжав губы, Куин покачал головой.

— Нет, не понимаешь. Но я ничего объяснять не буду. Только дам тебе обещание: тебе больше никогда не придется пережить подобное.

Будь у Каприс свободны руки, она крепко обняла бы его.

— Не надо ради меня снова ранить себе душу! — умоляюще попросила она.

Все его напряженное тело говорило о том, что он не собирается ее слушать.

— У меня нет души.

— Нет, есть! Я нашла ее и не собираюсь отказываться ни от нее, ни от тебя.

Куин не позволил себе отреагировать на ее заявление. Он знал, что необходимо сделать. Даже она не могла сейчас изменить его намерений. Удар в дверь возвестил, что их время закончилось. Куин взял со стола повязку.

Каприс прочла в его глазах муку, которую он не хотел, а может, и не мог прогнать. Ее руки ныли от потребности обнять его.

— Я помню, как ты в ту ночь велел мне закрыть глаза, — чуть слышно прошептала она. Если она не может спасти его от адских мук, то хотя бы может дать воспоминание, которое хоть на секунду усмирит боль. — Темнота создана для тайн. Но я в моей темноте не буду думать о них. Со мной будет твое лицо и воспоминания о тебе.

Куин в последний раз заглянул ей в глаза, а потом закрыл их повязкой. Будущее, пепел его потерянной чести. Каприс, его маяк, живая и любящая. Он завязал узел, а потом наклонил голову и на секунду прижался к ее губам. Он уже разделил с ней страсть, любовь, опасность и ложь. Но до этой минуты она не знала о его нежности.

— Думай обо мне, дева-воительница, пока я не приду за тобой.

Ее улыбка оставила на его душе шрам — более глубокий, чем все остальные. Он отвернулся от нее. Настоящее и будущее были окрашены алыми пятнами прошлого.

Глава 12

— Ты не можешь пойти на такое! — резко проговорил Киллиан, когда Куин коротко закончил излагать ситуацию, сказав, что Каприс оказалась заложницей, и назвав цену ее свободы.

Не обращая внимания на гнев Киллиана, Куин начал переодеваться. Его мысли лихорадочно работали, пытаясь найти невозможные ответы ради женщины, которую он любил. В его мыслях не было места для эмоций Киллиана.

— Таков уговор. Этим я покупаю ее свободу.

Киллиан сунул руки в карманы, стараясь подавить гнев и вернуть себе способность мыслить здраво.

— Ты подписываешь собственный смертный приговор! И ты никогда в жизни не был наемным убийцей. Я не верю, что теперь ты готов им стать.

Куин не пытался опровергнуть его аргументы. На это не было времени. Он шел на самый крупный риск за всю свою жизнь.

Киллиан смотрел на шрамы, обезобразившие широкую спину Куина. Он видел их уже слишком много раз, чтобы реагировать на это зрелище, хоть оно и было поистине ужасным. Он нахмурился, лихорадочно перебирая в уме все варианты, понимая, что время убегает стремительно, словно вода из решета.

— Это не может быть настолько просто.

Куин стремительно натянул черные брюки и рубашку.

— Ее жизнь. Неужели ты всерьез думаешь, что я стал бы ею играть?

— Знаю, что нет. — Киллиан поймал Куина за плечо и заставил повернуться лицом к себе. — Говори со мной, слышишь? Я помогу тебе, что бы ты ни задумал. Я твой должник. А насчет оплаты долгов я так же щепетилен, как и ты. К тому же Каприс — моя свояченица.

Будь на месте Киллиана кто-нибудь другой, Куин мог бы надеяться его переупрямить, но Киллиана он знал. Не считая Каприс, он был единственным, кому Куин доверял на все сто процентов, и, кроме того, только он мог обеспечить ему те лишние шансы, которые так необходимы в этой последней игре.

— Это незаконно.

— Мне наплевать. — Киллиан нахмурился. — И не трудись напоминать мне, что я буду рисковать жизнью. Я знаю правила игры. Может, я из нее и вышел, но слишком хорошо помню,

как она ведется.

— Мне известно, где находится мой объект. Не здесь, но близко. Я лечу туда сегодня. Выполню работу и вернусь.

— Придумай что-нибудь поубедительнее. Объект ты мне уже назвал — его так просто не уберешь. Что у тебя еще задумано?

Киллиан ясно дал понять Куину, что не отступится. Тот глубоко вздохнул.

— Прими план таким, как я сказал. Кил. Глядя в неумолимое лицо Куина, Киллиан чувствовал, что вот-вот поверит в невероятное.

— Нет.

Куин яростно посмотрел на него, слишком остро ощущая, как бегут минуты плена Каприс.

— Большого ты не добьешься.

— Добьюсь. Говори, что ты задумал на самом деле. Я тебя знаю — настолько, насколько ты вообще позволяешь другим себя знать. Ты не станешь вот так убивать человека. Я же сказал: ты никогда не был наемным убийцей, даже если объект заслуживал того, чтобы ему в мозги всадили целую обойму. А этот не заслуживает.

— Цена — Каприс.

— Я это знаю! — огрызнулся Киллиан. — И ты даром тратишь время, пытаюсь меня провести.

Куин направился в гостиную.

— Ладно. — Он взял папку и сунул ее Киллиану. — Вот что происходит. Вот почему меня втягивают в эту паутину. Ловушка внутри ловушки, план внутри плана. И я допущу, чтобы это произошло. Но сначала я куплю жизнь Каприс. Еще один грех ничего не изменит.

Киллиан просмотрел информацию, содержащую сложное сплетение обстоятельств, рассчитанных на то, чтобы не только отыскать Куина и использовать его способности для осуществления сложного, хотя и не невозможного убийства, но и выманить его из его логова на достаточно долгое время, чтобы задействовать несколько шпионов, которые проследили бы его до его убежища, куда он спрячется после завершения задания. Тогда будет организовано нападение, которое должно стереть его с лица земли. Дочитав до конца, Киллиан посмотрел в мрачное лицо Куина.

— А как же Каприс?

— Ты ее освободишь, пока я немного постреляю. — Взяв еще один конверт, на этот раз меньшего размера, он передал его Киллиану. — Тут полный план поместья Густава, описание системы охраны и движения часовых. — Он кивнул в сторону большого рюкзака, стоявшего у двери. — Это тебе. Внутри — ружье для дротиков и снадобья для часовых и собак. Незарегистрированный пистолет, два ножа и несколько дымовых гранат. Гато, Шандор и Иван ждут внизу. Они провезут тебя к поместью и будут сопровождать обратно, когда ты освободишь Каприс. Ровно в три утра в соседнем доме произойдет довольно шумный отвлекающий маневр. Масса огня, множество народа, суета. Это поможет тебе перелезть через южную стену. Единственное, чего я не знаю, это точного места, где прячут Каприс.

— Быстро сработано, — пробормотал Киллиан.

Куин пожал плечами. Если бы не время, потребовавшееся для того, чтобы вывезти его людей с острова, он действовал бы еще быстрее.

— Время — важный фактор.

— Как ты подделаешь убийство?

Куин отвернулся.

— Не подделаю.

Киллиан смотрел в спину человека, относительно которого он был готов поклясться, что знает его.

— Обернись, — сказал он, — и повтори то же самое.

Куин повернулся к нему лицом.

— Я не собираюсь его подделывать. Это было бы слишком легко опровергнуть. Густав скорее всего пошлет своего человека, чтобы подтвердить убийство. Как, по-твоему, я смог бы за такой короткий срок что-то подделать?

— Ты мог бы попытаться.

— Если бы речь шла о Силк, ты бы стал пытаться?

Оба мужчины, хорошо знавшие, что такое смертельный риск, стояли лицом перед истиной. Киллиан глубоко и гневно вздохнул.

— Я не могу стоять в стороне и смотреть, как ты это делаешь — что бы я ни чувствовал.

— А ты и не будешь стоять в стороне. Как ты думаешь, почему внизу ждет трое людей? Если ты меня вынудишь, они станут твоими тюремщиками, пока не будет слишком поздно что-то делать, кроме как освободить Каприс. — Куин надел кобуру, проверил обойму в изготовленном на заказ пистолете и спрятал его. — Я не стану рисковать ее жизнью — даже ради тебя.

— А если я откажусь участвовать в ее освобождении?

— Со мной тебе никогда не удавалось блефовать. — Улыбка Куина была мягкой, но взгляд серебряных глаз оставался ледяным, не обещая никакой пощады и не ожидая ее. — Мои люди прекрасно обучены. Я бы предпочел, чтобы с Каприс был ты, знакомый ей человек, но если понадобится, обойдусь моими людьми.

Киллиан выплюнул проклятье, которому его обучил Куин. Они оба не могут отступить.

— Ради нее и ради Силк я пойду на это. Но потом ничего не останется.

Куин кивнул: другого он не ждал. Как и Киллиан, за долгие годы знакомства он успел оценить порядочность своего друга. Именно это и определило сейчас сделанный им выбор. Жребий был брошен слишком давно, так что изменить уже ничего было нельзя.

Киллиан смотрел на дом, к которому его направил Куин. Люди Куина стояли позади него. Он не слышал ни звука, но ощущал их поддержку. Стояла тишина, только раздавались шорохи ночных животных, вышедших на охоту. Плащ темноты был слишком знакомым. Необходимость не совершить ошибки — тоже. Чуть повернув голову на шум обещанного отвлекающего маневра, Киллиан дал беззвучный сигнал к началу действий. Гато берет на себя собак. Иван — охранников. Шандор тем временем займется системой электронной защиты. Потом Гато и Шандор останутся прикрывать выход. Иван пойдет вперед, пока они не найдут Каприс. Двигаясь совершенно бесшумно, каждый превратился в тень, слившуюся с ночью. Киллиан не думал, ни что сейчас делает Куин, ни что сам нарушает закон. Куин позаботился о том, что у него не будет ни времени, ни возможности оповестить власти. Киллиану оставалось лишь освободить Каприс.

Каприс тихо чертыхалась, в который раз натыкаясь на резной столбик кровати с балдахином. Ей надоело быть слепой. Она не знала, что сейчас делает Куин, но не сомневалась, что он придет за ней. И она была намерена освободиться, чтобы помогать ему, а не сидеть связанной, словно цыпленок, приготовленный для жарки. Спустя секунду мешавшая видеть ткань соскользнула. Она заморгала, оказавшись в кромешной темноте, — новая неожиданность.

— А, ладно, — пробормотала Каприс, переключаясь на следующую задачу: улегшись плашмя на кровать, попыталась просунуть ноги сквозь петлю собственных связанных рук. — Дьявол! — пропыхтела она после нескольких минут бесплодных попыток.

Запястья горели, как обожженные, а она все еще так и не освободилась. Неловко встав, Каприс вслепую прошла по комнате, стараясь по возможности не шуметь. В конце концов ей удалось добраться до ванной комнаты, однако там не удалось найти ничего, что можно было бы использовать вместо ножа. Она уже собиралась уйти, когда ее внимание привлекло блеснувшее на полочке маленькое зеркальце. Повернувшись к нему спиной, Каприс взяла его и, мысленно возблагодарив Бога, разбила о край ванны. Осторожно, стараясь не наступить на осколки, она закрыла дверь ванной и рискнула включить свет. Достаточно большими оказались только два осколка, но этого должно было хватить. Усевшись на пол, она потянулась за первым осколком, который присмотрела. Шли минуты. Каприс работала. Не раз ей приходилось резко втягивать в себя воздух: стараясь поскорее освободиться, она часто ошибалась, и на ее коже оставались следы ее собственной неловкости. Она ощущала липкую теплоту собственной крови, но не отступала. Куин придет — и она будет готова.

— Иди первым, — приказал Куин, подталкивая шефа охраны перед собой. До задней двери главного здания оставалось всего несколько шагов.

Тот продолжал молчать, неохотно подчиняясь приказу. Они прошли через темные помещения к расположенной на втором этаже спальне. В комнате было темно, лежащая на постели фигура в сумраке казалась всего лишь бесформенной кучей покрывал. Как только дверь за ними закрылась, Куин несильно ударил своего пленника сзади по шее, эффективно избавившись от угрозы, которую тот мог бы представлять. Шеф охраны без чувств упал на пол. Куин бесшумно прошел к окну и, в соответствии с полученными от Густава в последнюю минуту указаниями, раздвинул занавески, чтобы человек, за ним наблюдавший, мог хорошо видеть происходящее. Он наверняка ничего не упустит благодаря биноклю ночного видения. Куин повернулся, прицелился и выстрелил в постель. Звук выстрела прозвучал едва слышным хлопком. Куча одеял не пошевелилась. Куин кивнул, задернул занавески и ушел тем же путем, каким проник в дом.

Киллиан указал на последнюю дверь в конце длинного коридора. Каприс должна быть там. Он заглянул в комнату и обнаружил чернильно-черный мрак. Напарник остался в коридоре, чтобы предупредить его, если их обнаружат.

— Каприс! — тихо позвал Киллиан, заметив слабую полосу света под закрытой дверью справа.

Услышав собственное имя. Каприс вздрогнула, но как раз в эту секунду с ее рук упала последняя веревка. Вскочив на ноги, она поспешно выключила свет, не обращая внимания на кровоточащие запястья, и, затаившись в темноте, прислушалась, стараясь определить, чей это был голос. Одно она знала наверняка. Это не Куин.

Киллиан подошел ближе к двери, но не стал ее открывать. Если Каприс находится в здании, она за этой дверью. Но если ее увезли, он может нарваться на убийцу, что в конце концов будет означать, что у Каприс не останется надежды на спасение.

— Помнишь ту ночь, когда у Силк в квартире ты общалась с бутылкой водки? — негромко спросил он, первое, что пришло ему в голову. Если даже она не узнает его голос, то эти слова помогут ей догадаться, кто с ней говорит.

Каприс замерла. Об этом могла рассказать только Силк и единственный, кому она стала бы это рассказывать, — Киллиан.

— Киллиан? — прошептала она.

— Собственной персоной, лапочка. Я пришел забрать тебя домой.

Каприс осторожно открыла дверь. Киллиан сразу же схватил ее за руку и, почувствовав кровь, грубо выругался.

— Что они с тобой сделали? — опросил он, ощупывая раны на ее руках.

— Они ничего со мной не делали. Я порезалась, когда развязывала руки. Не обращай внимания. Я это переживу. — Она попыталась высвободиться, но Киллиан ее не отпустил. — А где Куин? Вы разошлись, когда искали меня?

Киллиан подтолкнул ее к двери.

— Он поблизости, — пробормотал он неопределенно, надеясь, что Каприс примет ответ, не задавая дальнейших вопросов.

— С ним все в порядке? — сразу же спросила она. Какие-то нотки в голосе Киллиана вызвали у нее недоверие.

— С Куином всегда все в порядке. А теперь заткнись, чтобы мы тоже были в порядке. Я хочу выбраться отсюда целым.

Он выждал секунду, убеждаясь, что Каприс его поняла, а потом открыл дверь, проверяя коридор и своего напарника. Только убедившись, что все по-прежнему спокойно, он позволил Каприс выйти. Она шла следом за Киллианом, но с каждым шагом на нее все сильнее наваливалось ощущение, что случилось нечто ужасное. Когда они оказались около машины, а Куин так к ним и не присоединился, Каприс остановилась.

— Где Куин? Я не уеду, пока не буду знать, что с ним все в порядке.

Киллиан оценил ее позу и выражение лица. Каприс была не столько испугана, как разгневана. Пожалуй, он мог рискнуть и сказать ей правду.

— Его здесь нет. Ценой твоей свободы было выполнение одного дела. Он им занимается. Сейчас его даже нет в городе.

Каприс выслушала эту информацию. Ее вера в любимого не пошатнулась. Она просто не понимала, почему он не приехал за нею сам, отказавшись выполнять задание.

— Ты о чем-то не договариваешь?

— Здесь не место. — Киллиан решительно взял ее за руку и усадил в машину. — Я расскажу тебе все, что знаю, когда мы уедем отсюда.

— В яблочко.

Густав довольно улыбнулся, крепче прижимая трубку к уху.

— Ты уверен? — переспросил он. — Ты сам видел?

— Цыган раздвинул занавески. Я видел, как он выстрелил, а потом ушел. Улыбка Густава погасла.

— Шефа безопасности он тоже убил?

— Не знаю. Это важно? Нахмурившись, Густав ответил:

— Не знаю. Не потеряй нашего друга по дороге обратно. Мне бы не хотелось знать, что ты провалил дело.

— Не потеряю, — пообещал тот, вешая трубку.

— Почему мы едем в аэропорт? — возмущенно спросила Каприс, сверля взглядом Киллиана, обрабатывавшего ее руки. Она даже не чувствовала, что антисептик щиплет ей кожу. Ее интересовало только одно. Куин. — Куин ждет нас там?

— Не знаю. И это не имеет значения.

Каприс отдернула руки.

— То есть как это — не имеет значения?! Для меня — имеет. Ты мне о чем-то не говоришь? Он погиб? Да?

Даже произносить эти слова ей было больно — ножевая рана и та была бы не такой болезненной. Нет, она почувствовала бы, если бы Куин умер. Ее душа ощутила бы это.

Киллиан поднял голову, оценивая ее настроение и негодуя на Куина за то, что он так глубоко затронул душу этой женщины. Он вздохнул, ощущая невероятную усталость. Ему не хотелось говорить Каприс то, что должно быть сказано. Ему не хотелось видеть, как действуют на нес эти слова. И больше всего ему не хотелось силон заставлять ее уехать вместе с ним — а он подозревал, что когда она узнает правду, то не оставит ему другого выхода.

— Говори! — приказала Каприс, глядя ему прямо в глаза.

Киллиан кивнул, немного отодвинулся и, наблюдая за ней, медленно и осторожно сообщил все факты, которые знал сам. Он увидел, как она побледнела, как сжала руки, отвергая его слова. Бинты на ее запястьях цветом почти не отличались от кожи.

— Это неправда! — гневно выдохнула она. — Куин говорил мне, что он — не убийца. Я знаю, что он не лгал.

— Вся его жизнь — это ложь.

— Я знаю, что он менял имена, знаю о его прошлом. Это он мне тоже рассказал, — нетерпеливо возразила Каприс. — Мне наплевать. Я люблю его. Ты знаешь, как это бывает. Или ты лжешь моей сестре?

Киллиан стиснул зубы, с трудом удержавшись, чтобы не отплатить ей за эти слова.

— Ты знаешь, что не лгу.

— А я знаю Куина. Он не сделает того, о чем ты говоришь. У него есть план.

— У него не было времени составить план. Это тебе не шпионский фильм. Густав пообещал ему только, что не тронет тебя этой ночью. Он начал бы над тобой работать, наверное, уже утром. Такой уж он человек. Куин это знал. — Киллиан говорил резко, понимая, что мягкость в данном случае бесполезна. — Я не допустил бы этого убийства, если бы он буквально не держал меня в плену, пока не передал своим людям. А к тому времени было уже поздно что-то делать — даже если бы я был готов позволить тебе умереть, чтобы попытаться спасти его жертву.

Каприс судорожно вздохнула: слова Киллиана попали в цель. Куин продал свою честь, чтобы спасти ее. И за нее отдал чужую жизнь. Еще один шрам на его душе — из-за нее. Ее глаза наполнились слезами, которых она не стала бы проливать из-за себя.

— Еще один шрам на его душе, — прошептала она, не думая о шраме, который останется на ее собственной.

Киллиану хотелось прикоснуться к ней, обнять, утешить. Но все ее тело буквально кричало о том, что она не примет его объятий. Ей не нужны были ничьи руки — только руки Куина.

— Ты мне еще не все сказал, так? — настоятельно спросила она. Мир ее разваливался на тысячи осколков, но она чувствовала, что ее ждет новая боль.

— Мы улетаем из города. — Не дав ей запротестовать, Киллиан поднял руку, требуя, чтобы она его выслушала. — Куин не хочет, чтобы ты оставалась тут дальше. Но даже если бы ты осталась, это ничего не изменило бы. Его здесь не будет. Он возвращается на остров.

Каприс недоуменно уставилась на Киллиана. Казалось, его слова доносятся откуда-то издалека. Жалость, отразившаяся в его взгляде, чуть было не заставила ее сломаться.

— Нет. Я не поверю этому, пока он не скажет мне сам. Тебе придется снова меня связать, сунуть мне в рот кляп, оглушить, наконец. Я не поеду, пока он не скажет мне об этом сам.

Изумленный ее решимостью, Киллиан попытался ее увещевать.

— Ты рассуждаешь неразумно. Ты же слышала, что он ради тебя сделал. Я не верю, что ты могла бы жить с этим.

— Я больше не знаю, что бы я могла. Мне больно, Киллиан. Ноя его люблю. Я все равно не верю, что он поступит так, как ты сказал. Должно существовать какое-то другое объяснение!

Но, договаривая эти слова, она уже почти умоляла Киллиана подтвердить, что все, что он сказал, было ложью.

Заставив себя не поддаваться ее мольбам, Киллиан открыл небольшое отделение на дверце машины. Достал оттуда плоский серый футляр, и, открыв крышку, он продемонстрировал Каприс крошечный флакончик и шприц.

— Он дал мне это для тебя, — последнее средство для того, чтобы с тобой ничего не случилось.

Он смотрел, как меняется ее лицо, и в эту секунду почти одинаково сильно ненавидел и Куина, и самого себя.

Каприс рассматривала содержимое футляра. Она была слишком потрясена, чтобы что-то говорить. Вот чего стоила ее уверенность в том, что она знает Куина. Мужчина, которого она полюбила, никогда бы не сделал такого. Надежда слабела, подорванная не тем, что ей пришлось пережить, а его очевидным предательством того, что было между ними.

— Не заставляй меня прибегать к этому. Мне это будет тяжело, но я это сделаю. Я не хочу везти тебя к женщине, которую я люблю, и семье, которую уважаю, в гробу. Я не допущу, чтобы твои глаза закрылись навечно из-за того, что я сопереживал твоей мучительной боли.

Каприс смотрела на шприц. Сквозь острую боль в ее сознание пробился один последний вопрос:

— Он настолько уверен в твоих способностях, что не составил плана, как проверить, что я свободна?

Киллиан колебался. Каприс его поняла.

— Он будет в аэропорту.

— Может быть, — осторожно признал ее спутник.

Она откинулась на спинку сиденья и стала смотреть в окно.

— Снадобье не понадобится. Я не стану сопротивляться.

Куин пошевелился, услышав рев взлетающего самолета. Вернувшись в Хьюстон, он рисковал, но ему необходимо было лично убедиться, что Каприс в безопасности. В будущем, которое он запланировал для себя, это будет его последним воспоминанием о ней. Он pokrutil плечами, снимая напряжение в мышцах. Если ему повезет, через несколько часов Густав узнает, что его план провалился — он потерял не только контракт, но и заложницу. Его ярость будет неописуемой. Он начнет охоту. Куин мрачно улыбнулся. Встречный план срабатывал великолепно. Взяв телефонную трубку, он задействовал следующий этап своего плана. Его люди, включая и тех, кто помогал Киллиану, вскоре уже будут лететь домой со списком всевозможных инструкций. Под рев реактивных самолетов Куин по кирпичику начал

складывать свое будущее: каждый звонок, каждый старый долг превращались в элементы этой новой постройки.

Глава 13

Невидящим взглядом Каприс смотрела в окно лимузина. Огромная машина плавно скользнула к стоянке частных самолетов у здания аэровокзала. Все оказалось совершенно бессмысленным. Киллиан считал, что она, не сопротивляясь, просто уйдет от Куина. И Куин ожидал того же. Как они оба могли думать, что она это сделает? Может, Киллиану это еще было простительно. Он не настолько хорошо ее знает, но вот Куин... Куин ее понимал. Они говорили друг с другом — говорили слова, гораздо более значимые, чем те, что шепчут в минуты страсти. Их любовь была трудной, но они дали обещания. Она не могла поверить в то, что Куин так просто мог отказаться от этого. Она не могла поверить, что он может уйти и больше никогда не вернуться. Столько вопросов — и ни одного ответа. Каприс гордо подняла голову. Она не уедет, пока не получит ответы на эти вопросы. Машина остановилась, и Каприс повернула голову. Если ее будущее превратилось в пепел, то по крайней мере она хочет видеть, как догорают последние искры.

— Я никуда не пойду. Можешь доставать шприц.

Она посмотрела Киллиану прямо в глаза.

Киллиан внимательно взгляделся в Каприс, оценивая ее решимость. Когда Силк выглядела вот так же, это означало, что ее ничем не заставишь отступить.

— Я делал вещи и похуже, — пробормотал он, проверяя Каприс.

— Возможно. Меня это не волнует. У тебя наверняка есть способ с ним связаться. Даже если все, что ты сказал, — правда, он должен был договориться с тобой о словесном или визуальном подтверждении того, что тебе удалось меня вызволить.

Ее умозаключение заставило Киллиана удивленно приподнять брови.

— Я не ожидал, что ты настолько хорошо его знаешь.

— Похоже, вы оба не ожидали от меня ничего, кроме того, что я поведу себя как покорная девица, обрадованная тем, что ей спасли жизнь, и готовая поджав хвост бежать домой. — Она сжала кулаки. — Ну, так я не такая. Я хочу его видеть. Если нет, то хотя бы поговорить с ним. Устрой мне это.

— Ты приказываешь?

Она утвердительно кивнула, а потом сложила руки на груди и стала ждать.

Пока Каприс думала, Киллиан делал то же. Куин поручил ему уборку — и он готов был выполнить свою обязанность, но что-то в Каприс его тревожило. Она вела себя не так, как описал ее Куин. В ней чувствовалась решимость и глубина чувства, не соответствующая роли простой любовницы. И несмотря на все произошедшее в последние сутки, Киллиан знал Куина. Не похоже было для Куина допустить такое, не пытаясь сопротивляться. Плюс существовало еще то предсказание. Он знал, почему Куин приехал в Хьюстон. Он сомневался в том, что это знает Каприс.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Каприс посмотрела ему в глаза, проверяя, нет ли там признаков обмана или недоговоренности. Она не нашла ничего, кроме решимости помочь ей.

— Он здесь. Его самолет уже должен был приземлиться. Но это лишь короткая остановка для того, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

— Как ты должен был с ним связаться?

— Я еще не связывался. — Киллиан жестом оборвал ее протесты. — Я пойду поговорю с ним и передам ему то, что ты сказала мне. Решать будет он. Это единственное, на что я готов пойти. Потом мы либо воюем, либо ты веришь, что он не хочет тебя видеть.

— Посмотрим, — упрямо пробормотала Каприс.

Киллиан нахмурился:

— Я серьезно!

— И я тоже! — огрызнулась она. Киллиан выругался и вылез из машины. Перед тем как захлопнуть дверцу, он заявил:

— Ты должна дать мне слово, что останешься здесь, пока я не вернусь. Опасность еще не миновала.

— Я останусь здесь. Но больше никаких обещаний ты от меня не получишь.

Куин взглянул на входящего в самолет Киллиана и немного расслабился, когда увидел его лицо. Хотя Гато по телефону сообщил ему, что они благополучно увезли Каприс, Куину нужно было знать подробности.

— Как она?

Киллиан уселся в удобное кресло напротив Куина.

— Злая, как черт. Упрямая, как ослица, и настолько умная, что раскусила даже тебя. Она не тронется с места, пока ты с ней не поговоришь. Она не верит, что ты отсылаешь ее насовсем. Что за чертовщина между вами произошла? Ты же знаешь, кто она. И я помню, что она для тебя значила, когда ты уезжал из Атланты. Несмотря на относительную безопасность, в которой ты жил последние пару лет, ты рисковал, оставаясь в городе все эти недели только для того, чтобы быть с нею. А тут еще это чертово предсказание...

Куин ничем не выдал беспокойства. Слишком многое зависело от его решений — и безопасность Каприс в том числе. Ее безопасность была для него самой важной ставкой в этой игре.

— Она должна оказаться в том самолете.

— Тогда сам ее туда и посади. Я не собираюсь выполнять за тебя всю грязную работу. Ты с ней спал. Ты заставил ее поверить в тебя — несмотря на факты, которые сломали бы любую более слабую женщину. Я не собираюсь возвращаться к машине, бороться с ней, делать ей укол и тащить ее в самолет, словно куль с мукой. Она заслуживает большего.

— Она заслуживает жизни! — парировал Куин с совершенно не свойственной ему

вспыльчивостью.

Киллиан поднял брови, увидев в глазах Куина мучительную боль. Это его настолько поразило, что он даже отшатнулся.

— Боже! Да ты выглядишь чуть ли не хуже, чем она! Предсказание сбылось!

Мысленно проклиная себя, Куин постарался овладеть собой. Больше он себя не выдаст.

— Сбылось. Но Рэндал Куинлен должен исчезнуть. Один раз я обманул себя — и она чуть не погибла. Я больше никогда не пойду на то, с чем мне пришлось только что столкнуться. И уж, конечно, не потребую от Каприс, чтобы она еще когда-нибудь и где-нибудь пережила подобный кошмар.

Киллиан понимал, что думал бы так же, если бы в такой ситуации оказались Силк и он сам.

— Тогда скажи ей это. Может, она тебе поверит. Мне она верить не желает. Даже когда я сказал ей, что, спасая ей жизнь, ты убил человека, она этому не поверила, — резко прибавил Киллиан. Роль, которую во всем этом сыграл он сам, по-прежнему не давала ему покоя.

Впервые в жизни Куин усомнился, хватит ли у него сил сделать все нужное для того, чтобы дать Каприс свободу. Он знал, что сможет вырвать ее из рук Густава: единственной проблемой была та травма, которую Каприс получит. Но сейчас все было по-другому. Ему придется посмотреть ей в глаза и сказать, что она ему больше не нужна. Глубоко вздохнув, он встал.

— Пошли.

Они молча прошли расстояние, разделявшее два самолета. Все, что можно было сказать, уже было сказано.

— Я подожду здесь, — негромко сказал Киллиан, остановившись у трапа самолета, который должен был увезти их домой. Он дал знак своему водителю выйти из машины.

Куин кивнул, не замедляя шага. До встречи с Каприс оставалось всего несколько шагов. Он открыл дверцу машины, немного удивляясь тому, что она не вышла, чтобы встретить его. Скользнув внутрь и заглянув ей в глаза, он понял, почему.

Каприс пристально смотрела на него. Не обнаружив новых шрамов, она немного смягчилась, а потом она сосредоточила взгляд на его глазах и прочла в них несгибаемую решимость. Гнев вернулся снова, еще более сильный, чем прежде.

— А теперь повтори мне ту ложь, которую ты говорил Киллиану! — вызывающе бросила она.

Несколько секунд Куин молча смотрел на нее. Положение оказалось даже более серьезным, чем он предвидел. Неудивительно, что Киллиан разъярен.

— Это не ложь. Я отсылаю тебя отсюда, — проговорил он наконец. И хотя Каприс зажгла в машине свет, она ничего не смогла прочесть в его глазах.

— На сколько, Куин? Сколько времени я должна буду оставаться в изгнании?

— Это не изгнание. Мы расстаемся.

Он смотрел, как ее лицо заливают бледность. Пытаясь оторвать взгляд от мучительной боли,

которую она пыталась спрятать — и не смогла, — он заметил белые бинты на ее запястьях. Его лицо напряглось. Куин поймал ее руки и притянул их к себе.

— Откуда это? — спросил он тихо. Его голос звучал слишком спокойно, словно затишье перед бурей.

Каприс смотрела на повязки, не видя бинтов и думая только о том, как она держалась за свою веру в человека, обещавшего ей любовь, а предложившего вечное изгнание. Ей было больно. Она-то была уверена, что Киллиан ошибался!

— Отпусти меня, — прошептала Каприс, внезапно почувствовав себя смертельно усталой. У нее не осталось сил, чтобы бороться.

— Скажи, что случилось? Кто это с тобой сделал? — приказал Куин, не заметив усталости, погасившей весь ее гнев. Он повернул ее руки, заметив узкие полоски крови, отмечающие каждый порез под повязкой. — Густав дал мне слово, что этой ночью ты будешь в безопасности. Что он сделал? — Все те шрамы, которые Густав оставил на его теле, не причинили ему такой боли. Он поднял взгляд, сосредоточившись на полных боли глазах Каприс. Тело его напряглось, чтобы не реагировать на ее муку. — Скажи! — приказал он мягким тоном, всегда появлявшимся в его голосе, когда из-под маски Куина появлялся цыган.

Продолжая смотреть ему в глаза. Каприс задрожала. Прошлое было живым, как никогда. Густав не смог показать ей это. Киллиан не смог рассказать ей об этом так, чтобы она поверила. А вот мягкий, почти веселый голос Куина ее убедил.

— Никто со мной ничего не делал. Я сделала это сама.

— Как? — Он легко провел пальцами по ее запястьям, над самой повязкой. — Я сам перевязал веревки. Они не нанесли бы таких повреждений, даже если бы ты вырывалась.

— Я не хотела сидеть и ждать, пока меня освободят. Я разрешила веревки.

Куин держал ее совсем легко, и Каприс не пыталась отстраниться. Но ей хотелось это сделать. Слишком больно было терпеть его прикосновение, напоминавшее ей о пустой темноте и холоде, поджидавших совсем рядом, — о врагах, от которых она никогда не избавится после того, как Куин отошлет ее прочь.

— Чем?

— Зеркальцем. Я разбила его и использовала осколки, как ножи. Только получилось недостаточно аккуратно.

Куин закрыл глаза, пытаясь спрятаться от правды. Он знал, как режет стекло, представлял себе, какую боль причиняло Каприс каждое неверное движение, сознавал, какое отчаяние двигало ею, заставляя продолжать задуманное, несмотря на жгучую муку. Он ошибся. Он считал, что знает Каприс, ее реакции, желания, надежды на будущее, имеющее для нее такое огромное значение. Но ничто не подготовило его к тому, чтобы понять, чем она готова была рискнуть, — болью и наказанием, последовавшими бы, если бы Густав обнаружил, что она сделала.

— Я же сказал, чтобы ты ждала, — проговорил он наконец.

— В нашей темноте.

Услышав ее ответ, Куин открыл глаза. Воспоминания — единственное, что у него останется. Но даже воспоминания лучше, чем его жизнь без Каприс.

— А еще ты сказал, чтобы я вспоминала то, что мы делали в этой темноте. — На этот раз она говорила мягко и легко. Она училась, училась у Куина, как существовать в этом мире, сделавшем его одновременно и охотником, и жертвой. — Я пережила заново каждую минуту, вновь ощутила вкус твоей кожи, почувствовала запах наших тел в момент страсти, соединения двоих в одно целое. Хотя мы оба не произносили этого слова, я услышала на твоих губах любовь. И на моих тоже. — Она улыбнулась, и ее губы неожиданно повторили изгиб его губ в тот момент, когда он устраивал западню. — Вот наша правда. — Она почувствовала, что его пальцы разжались, выпустив ее руки: она добилась этого, превратив в оружие слова. Не отводя взгляда. Каприс повернула ладони так, что теперь она держала его за руки. Его тело делилось с ней жизненной силой, и это слияние в некотором смысле было не менее интимным, чем их любовные ласки. — Только оказалось, что это вовсе не правда. Эти слова были непристойной ложью, чтобы заманить, обмануть, украсть у меня то, что я отдала бы добровольно, без всякой лжи.

Если бы он не слышал мучительной боли и не видел этой улыбки, Куин еще мог бы высвободиться, выскользнуть из машины в ночь и уйти. Но он увидел — увидел слишком много. В эту минуту он понял, что существует мука гораздо более страшная и болезненная, чем физическая.

— Это была не ложь. Я любил тебя тогда. Люблю и теперь.

Если это слово поможет ей уйти, он готов воспользоваться и им тоже.

Улыбка стала шире, и одновременно сильнее запылал гнев в глазах, которые когда-то горели только страстью.

— Если этими словами ты собирался подбодрить меня, у тебя ничего не получилось. — Она отпустила его руки и отстранилась, насколько ей позволяла спинка сиденья. Ей больше не нужно было его тепло — как и его ложь. — Иди. Ты сказал, что уходишь? Уходи.

Куин подался к ней и схватил ее за плечи прежде, чем Каприс успела понять, что он намерен делать.

— Нет. Ты это начала. Ты не желала поверить в то, что я уйду. Я хотел избавить нас обоих от этого последнего разговора. Мне казалось, я смогу освободить тебя от обязательств, не ранив нас обоих правдой. Я ошибся.

— Я слышала твою правду. — Она кивнула в сторону отделения, где лежала коробка со снотворным. — И видела твои методы. Человек, которому, как я думала, я могу доверять, был готов сделать мне укол — по твоему приказу.

Куин не отреагировал на ее упоминание о Киллиане.

— Когда вчера вечером тебя захватил Густав, меня ждала дорога в ад. И тебя тоже. Он бы убил тебя, и смерть не была бы ни быстрой, ни легкой. Она была бы медленной, и каждый шаг вел бы в кошмар, которого ты даже представить себе не можешь. Я прошел по этому пути — и выжил.

Каприс смотрела ему в лицо и вспоминала шрамы на его теле. Внезапно прошлое обрело неожиданную определенность.

— Это он их оставил? — прошептала она, и на этот раз в ее голосе звучала боль женщины за своего мужчину.

Он коротко кивнул. Его больше не беспокоили те клейма, которые Густав запечатлел на его плоти. Если это поможет Каприс понять — все, что ему пришлось вытерпеть, было не напрасным.

— Он предложил мне для тебя ночь гарантированной безопасности. Он не думал, что я смогу перехитрить его, имея так мало времени.

Даже теперь, понимая, что было поставлено на карту, решение, принятое Куином, ранило Каприс. Из-за грозившей ей опасности Куин убил человека.

— Киллиан сказал мне, что ты сделал.

Куин помолчал. Можно было оставить ее верить в то, что он сказал Киллиану. Он считал, что так ей будет легче. Возможно, он ошибся.

— Что, как ему кажется, я сделал.

Каприс вцепилась ему в запястья: ей больше не хотелось отстраняться. Надежда согрела ей сердце. Она всматривалась Куину в глаза, взывая к Богу так отчаянно, как не взывала даже в плену у Густава.

— Ты этого не сделал?

Куин увидел надежду, которую Каприс и не пыталась спрятать. Ему легче было бы выдержать пытки.

— Нет. Я устроил все так, чтобы казалось, будто я это сделал.

— Как?

Он покачал головой, одним жестом отмечая те отчаянные, поспешные шаги, которые вынужден был сделать, чтобы ее освободить.

— Это не имеет значения, кроме как в отношении тебя. Но это — одна из причин, по которой тебе надо как можно скорее отсюда уехать. Густав недолго будет пребывать в заблуждении. Может быть, посланный им человек уже сейчас обнаружил правду.

Каприс почти не слышала его слов о вновь возникшей опасности. Ее тревога была сосредоточена на Куине, на том, как сделанный им выбор отразится на его безопасности.

— Густав будет тебя искать. Может, даже последует за тобой на остров.

Он кивнул, стараясь не замечать яростный огонь преданности и любви, пылавший в ее глазах ярче полуденного солнца.

— Он меня найдет. Я не стану прятаться. Каприс ошеломленно смотрела на Куина, не веря тому, что он будет пассивно сидеть и ждать смерти.

— Но у тебя ведь там есть защита! — сказала она, пытаясь понять нюансы, услышанные в голосе Куина. Неужели это бессилие? Немыслимо. Покорность? Подобная реакция совершенно нехарактерна для человека, которого она успела полюбить.

— Непреступных крепостей не бывает. Каприс не хотела поверить, что Куин почему-то хочет, чтобы Густав его нашел. Воспоминание об этом страшном человеке, державшем ее жизнь в своих руках и оставившем на теле Куина такие страшные шрамы, заставило ее похолодеть.

— Тогда умри снова, — прошептала она. Куин глубоко вздохнул, позволив выйти наружу усталости, жившей глубоко в его душе.

— Даже у кошки всего девять жизней. Я остаюсь жив. Но иногда мне этого уже не хочется. Вот почему я не возьму тебя с собой. Этой ночью я готов был продать ради тебя мою душу, мою честь и мое тело. Я мог бы остаться жив, чтобы быть с тобой. А ты смогла бы? Когда-нибудь, может, в наш самый счастливый день ты могла бы вдруг вспомнить, что я мог бы сделать этой ночью, если бы у меня не осталось другого выхода. А может, еще сделаю в другие ночи, чтобы ты была в безопасности. И что ты при этом почувствуешь? Вину. Тебе будет ненавистна та цена, которую пришлось заплатить за то, чтобы разделить моих демонов, опасаясь всякой тени, ожидая, что какой-то неизвестный враг из моего прошлого воспользуется тобой, чтобы купить еще кусочек: меня. Сколько еще раз я должен буду увидеть тебя связанной, взятой в заложницы? Это может стать нашим будущим. И во многом это реальнее нашей любви. Ты могла бы смириться с этим и остаться прежней? Если меня можно сломать, это будет сделано через тебя — через ту цену, которую тебе придется платить, чтобы оставаться со мной. Если бы я не любил тебя по-настоящему, разве я мог бы потребовать от тебя такого? А ты могла бы потребовать этого от меня?

Каприс матча смотрела на него, представляя себе нарисованное им будущее. — будущее, которое сожгло бы их заживо. До этой минуты она видела только любовь, огонь, зажженный в темноте, которая принадлежала им двоим, которую они сделали своей собственной. Куин оказался сильнее, чем она. Он увидел реальность, стоявшую за чувствами. Он понял, что ее не изменить просто тем, что они любят друг друга. И вместе с правдой в их мир просочился холод, ледяющий душу, мертвящий сердце. Эта темнота стала чужим миром, в котором навечно останутся ее следы.

— Дело не в том, что я слишком мало тебя люблю. Дело в том, что я люблю тебя слишком сильно. — Он привлек ее и уложил себе на колени. Он взял ее на руки, вбирая в себя ее запах, стараясь запомнить его как можно лучше: для него не будет никакой другой женщины. Его руки скользили по ее телу, запоминая его очертания: это воспоминание будет оживать в нем с каждым вздохом. — Я предпочитаю, чтобы ты жила, узнала страсть с другим мужчиной, дала другому те обещания, которые давала мне, но не хочу разрывать тебе душу этими минутами тьмы.

Каприс прижала ладонь к его сердцу, ощущая сильное, уверенное биение в такт своему собственному. Не было слов, стерших бы правду, вернувших ей надежду и веру в будущее. Она положила голову ему на грудь и закрыла глаза.

— Тогда обними меня. Ненадолго. Пусть темнота в последний раз станет нашей.

Куин обхватил Каприс руками, впитывая ее покорность. Его взгляд был таким же безнадежным, как ее голос. Секунды обрели крылья. Ночь стремительно летела, мягко огибая их машину. Куин приподнял ее лицо. Ресницы лежали на щеках серебристыми перьями. Веки затрепетали, начали раскрываться.

— Не надо. Помни нашу темноту. Поцелуй меня в ней и позволь уйти из нее. Там всегда была надежда, всегда было завтра, которое можно было найти и разделить.

От слов поэта, что мог любить столь красиво, на глаза Каприс навернулись жгучие слезы. Он наполнил темноту бесконечным наслаждением. Там была истинная надежда — в мире, где надежды больше не оставалось.

— Поцелуй меня еще раз, а потом иди, любимый.

Куин склонился и приник к ее губам, но без страсти. Вместо страсти он дал ей свою душу. Там, куда он направляется, душа не нужна.

Когда Куин поднял голову, Каприс заставила себя не двигаться. У нее на губах остался вкус его поцелуя, запах его тела окружил ее теплой аурой, которая скоро исчезнет. Даже его тепло ушло от нее, когда он осторожно пересадил ее на сиденье. На секунду его пальцы задержались на сплетении нервных окончаний, которое не найдет уже никакой другой мужчина. Наслаждение еще было с ней, когда дверь машины открылась, и прошлое цвета ночи украло его у нее. Прошлое, которое всегда будет его преследовать.

Глава 14

Каприс смотрела в ночь, не поворачиваясь к Киллиану, который наблюдал за ней с кресла напротив. Она знала, что ее спутник встревожен. Если бы дела обстояли иначе, она, наверное, постаралась бы его успокоить. Но сейчас ей покоя не было — для них обоих. Будущее превратилось в выцветший гобелен разбитых надежд. Она жива. Куин жив. Большого она просить не может. Он был прав: лучше это, чем то, что никогда не смогло бы осуществиться. Положив ладони на живот, она осторожно сглотнула. Как только самолет поднялся в воздух, ее организм начал бурно реагировать на похищение и уход Куина. Если бы она за последние часы что-нибудь съела, то сейчас беспокоилась бы, как бы ее не вырвало.

— Ты уверена, что не хочешь чего-нибудь выпить? — тихо спросил Киллиан.

Каприс повернулась к нему. Она отметила про себя его тревогу, но никак не могла на этом сосредоточиться. В ее мыслях, ее эмоциях, ее жизни не осталось места ни для кого, кроме Куина.

— Нет, все в порядке.

— По тебе не скажешь, — заметил он. Она пожала плечами, снова поворачиваясь в ночь.

— А как бы выглядел ты, если бы видел Силк в последний раз?

Киллиан резко втянул в себя воздух. Этой коротенькой фразы было достаточно. Он больше ничего не мог сказать.

Все оставшееся время полета домой Каприс боролась с постоянно усиливающейся тошнотой. К моменту приземления она уже едва могла глотнуть: ей казалось, что еще минута — и она не выдержит.

— Ты едешь к нам домой. Судя по твоему виду, поездки до дома родителей ты не выдержишь, — проворчал Киллиан, беря ее за руку, чтобы вывести из самолета.

— Нет!

Каприс судорожно сглотнула. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться в тишине и уединении. У

— Да. Видит Бог — если понадобится, я взвалю тебя себе на спину!

— Тогда сам будешь наводить порядок! — Предостерегла его она, давая запихнуть себя в лимузин, ожидавший их у выхода с летного поля.

Садясь в машину следом за Каприс, Киллиан раздраженно посмотрел на нее:

— Похоже, в том, что касается вас с Куином, это уже стало моей обязанностью. — И не успела Каприс его осадить, как он повернулся к шоферу, меняя адрес, куда их надо везти. — И вот еще что: разговор с Лоррейн и Джеффри я возьму на себя. В данных обстоятельствах они не обидятся.

Каприс откинулась на спинку сиденья. У нее не было сил спорить с Киллианом — по крайней мере этой ночью. Завтра она переедет к себе на квартиру. Сегодня согласится занять постель в доме у Силк.

— То есть как это-он за ней не приедет? — возмущенно спросила Силк, сверля взглядом мужа, вышедшего из примыкавшей к их спальне ванной в одном халате. Ночь была сплошным кошмаром. Самолет приземлился на рассвете. Она не поехала на аэродром — Киллиан просил ее остаться дома. — И ждала, заварив свежего кофе, но ни Каприс, ни Киллиан к нему не прикоснулись. Каприс буквально валилась с ног и хотела поскорее лечь. Силк ни о чем не стала ее спрашивать, просто отвела в комнату для гостей. Когда она вернулась, Киллиан принимал душ.

— А я считала, что он ее любит!

— Любит. — Киллиан сел рядом с ней на кровать и притянул ее к себе. Она была нужна ему — так, как он сам этого не ожидал. Слова Каприс попали в цель. Силк стала его жизнью. Ему не хотелось даже думать о мире, в котором они не могли бы быть вместе. — Но любовь не всегда побеждает все. Иногда реальность оказывается сильнее. И сейчас случилось именно так. Если бы Куин мог остаться, он бы это сделал. Ты не видела его лица, когда ее взяли в заложницы. А я видел. Ты не знаешь, на что он был готов пойти, чтобы ее освободить. А я знаю, — Даже сейчас он по-прежнему остро ощущал облегчение, которое ощутил, когда услышал правду о так называемом «убийстве», совершенном Куином. Он глубоко вздохнул. — Ты не знаешь, как будет выглядеть смерть, если я уйду от тебя в темноту, а я сегодня это узнал. Он без нее умирает. Но он согласен вынести даже это, лишь бы не подвергать ее опасности. А опасность будет преследовать их всегда, пусть даже он любит ее, а она любит его. Наоборот, от этого будет только хуже. Он это понял и смирился. Если Каприс тебе дорога, ты должна помочь ей тоже примириться с этим.

Золотистые глаза Силк вспыхнули бессильным гневом:

— Я не могу спокойно на нее смотреть! Она так страдает!

Киллиан ласково пригладил ее волосы.

— Знаю. И мы ей абсолютно ничем не можем помочь. Только быть рядом с ней. Он посадил Силк себе на колени. Она приникла к нему, вбирая его словам его силу. Она в долгу у Каприс, но сейчас расплатиться не сможет. Сейчас Каприс мог бы помочь один только Куин, а он ушел.

Каприс смотрела на тени, которые отбрасывало солнце, пробивающееся сквозь гардины. Она

слышала, как уходил на работу Киллиан, как Силк тихо сновала по квартире. Она настолько измучилась, что должна была бы уснуть. Но так и не сомкнула стаз. Ее переполняли воспоминания. Ее тело проигрывало сражение с тошнотой, но она настолько устала, что уже не могла тревожиться из-за такого пустяка. Перекатившись в постели. Каприс почувствовала очередной спазм, оказавшийся решающим. Чуть не упав с кровати, она едва успела добраться до ванной, где ее вывернуло. Когда все закончилось, ее буквально шатало от напряжения. Но рядом уже была Силк, поддерживавшая ее голову, ни о чем не спрашивая, просто оставаясь рядом. Три дня Каприс болела, и Силк была с ней, отвечая на звонки встревоженных родителей и сидя рядом по ночам, когда к Каприс не приходил сон.

— Так больше нельзя, — негромко сказала Силк, ставя перед Каприс кружку с чаем и садясь напротив.

Она смотрела на Каприс: бледное лицо, темные круги под глазами, сильно похудевшее тело...

Каприс отпила маленький глоток. Ей вовсе не хотелось чаю, но она согласилась выпить, больше для того, чтобы сделать Силк приятное.

— Я записалась на сегодня к врачу. Может, она что-нибудь посоветует, — равнодушно пробормотала она.

Ей было все равно. Она и доктору позвонила только потому, что иначе Силк грозилась сделать это сама. Она понимала: пора привести в порядок свою жизнь, уехать от Силк — но у нее не хватало энергии и воли, чтобы хоть что-то предпринять. И ее это пугало — даже больше, чем то, что она потеряла Куина. Она была не из тех, кто падает под ударами судьбы. Однако ей никак не удавалось прогнать апатию и болезнь, никак ее не оставлявших.

— Что ж, вот первый шаг в нужном направлении, — заметила Силк после недолгого молчания. — Когда едем?

— Тебе вовсе не обязательно... Силк не дала ей договорить и вскочила, негодуя глядя на Каприс.

— Я тебя отвезу. В таком состоянии ты разобьешь машину.

Каприс оценила воинственную позу сестры. Она вздохнула, пытаясь ободриться.

— Ладно. Можешь отвезти меня туда, потом ты отвезешь меня на мою квартиру.

Силк покачала головой.

— Мы уже это обсуждали.

Каприс медленно и осторожно встала, заставляя свое тело и мысли работать четче. Нельзя всю оставшуюся жизнь сидеть на месте!

— Я пробыла здесь достаточно долго. У вас только-только медовый месяц закончился. А мне сейчас нужно побыть одной.

Против первого Сидк еще поспорила бы, но против второго возражать не могла. Она заглянула сестре в глаза и увидела жившую там пустоту отчаяния.

— Ты нам не мешаешь. А я буду тревожиться.

Каприс колебалась: она понимала потребности Силк — так, как не смогла бы понять в прошлом.

— Я люблю тебя, — прошептала она, впервые произнеся эти слова вслух. На ее глазах лицо Силк изменилось. Куин оставил ей несколько даров, пусть даже после его ухода в ее душе осталась пустота. Одним из таких даров стала способность выражать свои чувства, свою потребность в окружающих. — Но не останусь.

Силк всмотрелась в лицо сестры, по-новому замечая произошедшие в ней за последние недели перемены. Каприс всегда была сильной, но она никогда не была ни нежной, ни чуткой. А теперь Силк вдруг увидела эти качества, прятавшиеся в тени пережитой ею потери.

— Если понадобится, ты мне позвонишь? Каприс нашла в себе силы улыбнуться. Это была слабая, едва заметная улыбка, и только Силк знала, каких усилий ей это стоило.

— Да.

Силк глубоко вздохнула, впервые почувствовав, как немного ослабела тревога, не покидавшая ее с той минуты, как она открыла дверь и впервые увидела, как страдает Каприс.

— Я буду ждать, — сказала она, унося кружки к раковине.

— Не беспокойся. Я не забуду, что я это сказала, — тихо отозвалась Каприс.

— Вы беременны.

Каприс изумленно уставилась на женщину, лечившую ее все годы, пока она жила в семье Сент-Джеймсов.

— Не может быть! Я же предохранялась! — ответила она, сказав первое, что ей пришло в голову.

Она пришла к врачу скорее для того, чтобы успокоить Силк, нежели потому, что считала это нужным, и ожидала услышать, что у нее нечто вроде гриппа или какого-то вируса. Но никак не ребенок.

— Ни один способ не бывает абсолютно надежен. Вспомните: после того как вы перестали пить гормональные таблетки, мы с вами говорили о вероятности беременности при вашем способе защиты. Он не является стопроцентным, как бы внимательны вы ни были, — мягко напомнила ей врач, заметив, что Каприс потрясена известием.

Каприс постаралась взять себя в руки.

— Я сказала глупость. Конечно, я помню, что вы мне говорили, — призналась она.

Ребенок Куина! Вот уж действительно ирония судьбы. Она не смогла удержать этого человека, но он оставил ей кусочек самого себя — сам того не подозревая.

Врач несколько секунд наблюдала за Каприс, а потом покачала головой:

— У вас примерно шесть недель. — Немного поколебавшись, она добавила: — Вам необязательно рожать ребенка.

— Нет!

Каприс прижала руки к животу в инстинктивном жесте защиты.

Удивляясь такой горячности, нехарактерной для женщины, которая почти никогда не выказывала своих чувств, врач сказала:

— Не хочу сказать, что сама рекомендовала бы подобный образ действий. Я просто хотела перечислить все варианты, которые у вас есть.

Если бы этим утром у Каприс спросили, что бы она сделала, если бы ждала ребенка, у нее нашлось бы немало вполне логичных вариантов. Но сейчас речь шла о реальности. В этом мире, где только что царил лишь серая пустота, появился ребенок. Ребенок Куина. Его дар. Это стало ее реальностью, и никакой логики ей не нужно.

— Вариант только один. Этот ребенок — желанный. В любом случае.

— А его отец?

Каприс не пришлось задумываться над ответом. Она хорошо знала чувства мужчины, которого полюбила. Его чувство чести оставило шрамы в ее душе, а в ее теле — семя новой жизни.

— Для него он тоже был бы желанным, если бы он узнал.

Врач постаралась спрятать удивление;

— Вы не станете ему говорить?

— Не могу.

На секунду врач нахмурилась, но потом по-своему истолковала безысходное отчаяние, прозвучавшее в голосе Каприс.

— Извините, Каприс. Я не знала.

Каприс не сразу поняла смысл этих слов. Только спустя несколько мгновений до нее дошло, что врач решила, будто Куин умер. В ее взгляде явно читалось сострадание. Каприс открыла было рот, намереваясь рассеять ее заблуждение, но в последнюю секунду передумала. Во всех отношениях для тех, кто ее окружает, это было правдой. Куин умер.

— Сейчас для меня нет ничего важнее ребенка, — сказала она вместо этого и ничуть не покривила душой.

— Если вы волнуетесь по поводу вашего здоровья, можете успокоиться. Несмотря на токсикоз, вы в хорошем состоянии. Немного устали. Но я пропишу вам таблетки, которые снимут тошноту.

— Никаких таблеток! Я потерплю.

— Но они не...

— Это окончательное решение. Если мне придется лежать плашмя, пока токсикоз не пройдет сам собой, я буду лежать. Но никаких таблеток.

— Хорошо. — Врач чуть заметно улыбнулась. — Надеюсь, до этого не дойдет. Просто не требуйте от себя слишком много. Спите сколько хочется. Небольшие физические нагрузки. Вставайте медленно. Короче, обращайтесь с собой поласковее. — Она встала. — И регулярно мне показывайтесь. Следующий раз — через месяц.

Каприс поднялась и прошла с доктором до двери.

— Вы уверены, что я в полном порядке?

Та улыбнулась:

— На все сто процентов. А ребяташки — создания удивительно выносливые. Они берут свое. Это матерям приходится тяжело в такие моменты. Так что прекращайте тревожиться и начинайте строить планы. Подбирайте имена и все такое прочее...

Каприс кивнула. Она еще не могла улыбаться. Известие о даре, оставленном ей Куином, было еще слишком свежим, слишком удивительным. Она считала, что лишилась всего — и вдруг узнала, что у нее есть будущее. Не то, о котором она молила Бога, но такое, в котором будет нечто очень и очень для нее важное. Наследство Куина, его ребенок. Она вышла в приемную, ища взглядом Силк. В людном лифте обе молчали.

— Ну, что она сказала? — нетерпеливо спросила Силк, как только они сели в машину.

Каприс повернулась всем телом, остро сознавая присутствие плода, уже сейчас набирающего от нее силу.

— Я беременна.

Силк изумленно заморгала глазами.

— Повтори-ка еще раз, — с трудом выговорила она спустя довольно долгое время.

— Я беременна! У меня ребенок от Куина. — Протянув руку, Каприс поймала пальцы Силк. — Порадуйся за меня. Я думала, что потеряла все, но теперь у меня есть так много!

Силк стиснула пальцы Каприс, потрясенная жадной любовью, отразившейся в ее взгляде. Недолгие недели, прожитые с Куином, изменили ее до неузнаваемости.

— Если ты хочешь этого ребенка, то я сделаю все, что смогу, чтобы тебе помочь, — честно сказала она. Немного помедлив, она решилась задать вопрос, сразу же пришедший ей в голову. — А как ты собираешься сообщить об этом Куину? Или не собираешься?

Каприс выпустила руку Силк и немного отодвинулась. Она еще не успела подумать о будущем. Однако вопрос Силк напомнил ей о необходимости продумать свои поступки. Что до нее одной, она готова была бы встретить любую опасность, грозившую Куину, только ради возможности побыть рядом с ним еще один день. Но его ребенком, живым наследством любимого ею человека, она рисковать не может. В это мгновение Каприс поняла полную меру преданности Куина. Он отпустил ее ради нее самой. И ради их ребенка она должна поступить так же.

— Я ничего ему не скажу. Он захочет быть с нами обоими. — Она подняла голову и посмотрела на Силк, которая явно не поняла смысла ее слов. — Я не могу рассказать тебе всего, но Куин постоянно живет в опасности, гораздо более сильной, чем мое похищение. Я не хочу... нет, не могу подвергать его ребенка такой опасности — так же, как он не захотел, чтобы я и дальше

жила под такой угрозой. Он сделал выбор, и я его приму.

Силк смотрела в застывшее лицо Каприс, читая на нем решимость, против которой бессильны были бы любые слова.

— Киллиану это не понравится, — сказала она наконец. — Он не допустит, чтобы ты оставалась одна со своей беременностью,

— Тогда не надо ему ничего рассказывать.

— Но ты не сможешь это утаить. Через несколько недель, в зависимости от того, какой сейчас срок, у тебя начнет расти животик.

— Шесть недель., И я понимаю, что держать это в секрете все время не получится. Но пока можно. Мне надо много сделать, составить планы. И главное — никто в семье не должен знать имени отца моего ребенка. Только так я смогу обеспечить его безопасность и безопасность Куина.

Силк кивнула: она поняла Каприс, благодаря тому, что рассказал ей Киллиан и тому немногому, что знала сама.

— Я не забуду. — Она включила двигатель. — Но ты должна знать, что полмира начнет воображать невесть что.

Каприс слабо улыбнулась — а ведь еще утром ей казалось, что она больше никогда не улыбнется!

— Мне все равно. Я так счастлива, что плакать хочется. Я больше не пустая, — просто сказала она, и благодаря этой простоте ее искренние слова прозвучали особенно трогательно. — Куина нет, но он оставил частичку себя, чтобы мне не было одиноко. Я и не надеялась, что мне останется так много.

Силк услышала в голосе Каприс полную примиренность с жизнью. Она не могла бы вспомнить, когда ее сестра не добивалась бы какой-то цели. Никакое достижение не представлялось ей невыполнимым. Но теперь она не только отворачивалась от будущего с любимым человеком, но и принимала это так, словно это было справедливо.

— Я тебя не понимаю. Если ты любишь этого мужчину, от которого ждешь ребенка, — так борись за него! Не сдавайся. Раньше ты никогда не сдавалась. Никто из нас не сдавался.

Каприс откинулась на спинку сиденья, переплетя пальцы на животе.

— Поедем домой, Силк, — тихо проговорила она, не отвечая на вспышку сестры. — И если твое предложение погостить у вас подольше еще в силе, я хотела бы ненадолго его принять — по крайней мере, пока не пройдет токсикоз.

— Не глупи. Ты пробудешь у нас столько, сколько захочешь. — Силк вывела машину на улицу, но потом вернулась к своим предыдущим словам. — А как же Куин? Он имеет право знать о ребенке — даже если вы не будете вместе. Ты ведь сама признаешь, что он захотел бы остаться с вами обоими.

Каприс нахмурилась. Слова Силк возымели на нее некоторый эффект.

— В конце концов, это ничего не изменило бы.

— По-моему, ты недооцениваешь Куина и себя. Благородство хорошо на бумаге, но ночью оно тебя не согреет. И отца твоему ребенку оно тоже не даст.

— У ребенка Куина есть отец, — непререкаемым тоном заявила Каприс. В ее голосе впервые зазвучали гневные нотки. — Он или она будут знать о Куине. Я об этом позабочусь.

Силк искоса посмотрела на нее и покачала головой.

— Я не отступлюсь, ты же знаешь.

— Делай что хочешь, только Киллиану не рассказывай.

— Боишься, что это сделает он? Каприс молча кивнула. Ее определенно тревожило то, что мог бы предпринять Кил-лиан. Она слишком хорошо рассмотрела его лицо, когда он оставил ее в машине и пошел разговаривать с Куином. Он не был согласен с тем, что решил сделать Куин, и ему очень не по душе была его собственная роль. Кил-лиан — человек вспыльчивый, и он полностью предан Силк и ее интересам. Ради Силк, если не ради ее сестры, он пойдет воевать с Куином. Куин победит, но эта победа всем им будет стоить слишком дорого.

— Если ты к нему не поедешь, то хотя бы напиши!

— Я не знаю его адреса, и ты тоже не знаешь.

— Киллиан тебе скажет.

Поднося к губам чашку с чаем, Каприс улыбнулась сестре.

— Перестань меня пилить и иди одеваться. Ты обещала помочь мне искать дом. Я отказываюсь растить ребенка Куина в городской квартире!

— Это ведь и твой ребенок, знаешь ли. Улыбка Каприс стала еще шире.

— Знаю. Но мне приятно думать о том, что это его ребенок.

Силк поморщилась.

— Я не отступлюсь.

— И это я тоже знаю. Тебе нравится пилить. Даже Киллиан это признает.

Силк встала, произнесла несколько отборных ругательств.

— Никогда не думала, что настанет день, когда ты станешь такой благодушной. Право, ты становишься флегматичной, как корова. У тебя с этим животным очень много общего, вот только твое тело больше похоже на элегантную борзую.

Каприс рассмеялась.

— Шевелись, а то я уеду без тебя. Проводив Силк взглядом, Каприс вздохнула. Последние четыре дня ей удавалось парировать все попытки Силк заставить ее переменить свое решение относительно Куина. Она знала: Силк уверена, что Куин, не колеблясь, примет их с ребенком и

убедит ее остаться с ним, но сама Каприс была столь же глубоко убеждена в том, что именно такой образ действий их погубит. Однако несмотря на все причины, по которым они не могли остаться вместе, одно оставалось неизменным. Куин действительно имел право знать о ребенке. Его дар заполнил ее опустевшую душу, но кто или что сделает то же самое для него? Он сказал ей, что в его жизни не будет равных ей женщин — и она верила в это всей душой. Его дни будут тянуться той же серой чередой, какой тянулись ее дни. Она может снять с него этот груз, если найдет в себе силы встретиться с ним еще один раз, сказать ему о жизни, которую они создали в тот недолгий срок, украденный у реальности. Она погладила свой все еще плоский живот, чувствуя себя более сильной, чем когда-либо прежде. Она может это сделать. У Куина хватило мудрости честно посмотреть на их будущее и сделать нелегкий выбор. Она может ответить ему таким

же даром.

Силк прошествовала через кухню, надев на плечо длинный ремешок сумочки.

— Я готова.

Каприс встала.

— Хорошо. Но перед встречей с агентом по продаже недвижимости я хочу заехать еще в одно место.

— Куда?

— В офис Киллиана. Ты права. Я действительно хочу, чтобы Куин знал о ребенке.

Лицо Силк просветлело, словно по мановению волшебной палочки.

— Ты это серьезно? Наконец-то ты опомнилась!

Каприс слабо улыбнулась. Силк уже нарисовала себе счастливый конец: они с Куином растят своего ребенка. Каприс не стала ее разубеждать. Реальность сумеет это сделать гораздо успешнее.

Глава 15

— Не могу поверить: мой упрямец-муж отказался дать тебе адрес Куина! — гневно бурчала Силк. — Тебе следовало сказать ему, что ты беременна. Или разрешить, чтобы я сказала.

— Нет. Мы это уже обсуждали. Об этом сначала узнает Куин.

— Но я же знаю!

— Только потому, что в тот день оказалась со мной. — Каприс сосредоточенно смотрела в окно. — А ты точно не знаешь, где находится остров Куина?

— Недостаточно точно, чтобы сказать тебе адрес. Я знаю только, что мы переночевали в Нассау, а утром с острова прилетел гидроплан.

— Сколько вы летели?

— Чуть меньше часа.

— Где находилось солнце?

Морщась, Силк попыталась вспомнить.

— Но у нас ведь был медовый месяц. Не помню.

Каприс настойчиво посмотрела на неё.

— Думай, Силк. Ты ведь знаешь, что сейчас решается. Помоги мне.

— Пытаюсь. Я хочу, чтобы ты была с этим человеком, раз он так много для тебя значит! Я хочу, чтобы у вас было то же, что у нас с Киллианом. Но я плохо разбираюсь в направлениях. Так всегда было.

Силк заковыристо выругалась и снова погрузилась в воспоминания, стараясь представить себе тот полет на гидроплане и при этом продолжая умело вести машину. После отказа Киллиана Каприс потеряла интерес к покупке дома. Важнее всего было найти Куина.

— Вроде как слева, — сказала она наконец.

— Значит, на юге. — Каприс ненадолго задумалась. — Нам нужна карта и человек, который знает те места.

— Агент бюро путешествий.

— Стоит попробовать.

Спустя два часа и пару телефонных звонков начинающий агент бюро путешествий, ошарашенный возможностью работы с влиятельным семейством Сент-Джеймс, наконец дал Силк и Каприс зацепку.

— Ладно. Местность мы знаем. Что теперь? — спросила Силк.

— Мы с тобой едем на аэродром. И ты обольстишь кого-нибудь, кто сможет дать нам полетный план того дня, составленный для самолета Куина.

— Мы знаем, куда он летел.

— Верно, но ни я, ни ты ничего не знаем о полетных планах. Откуда нам знать: может, на нем будет указан и конечный пункт, в который вас должен был доставить второй самолет.

Там этого не оказалось. Но у мужчины, с которым флиртowała Силк, нашелся приятель в аэропорту Нассау, и ему настолько сильно хотелось произвести на Силк впечатление, что он «чисто случайно» ухитрился узнать конечный пункт полета гидроплана, доставившего Киллиана и Силк на остров Куина.

— Поверить не могу! — торжествующе воскликнула Силк, садясь в машину. — Мы его все-таки нашли! Когда Киллиан узнает, он просто взорвется!

— Он не узнает, — напомнила ей Каприс.

— Знаю. Но я все-таки считаю, что мне надо лететь с тобой.

— Нет. Я должна сделать это сама. Силк вздохнула, невольно тревожась, несмотря на то, что

именно она добыла искомую информацию.

— Ты уверена?

Она еще раз посмотрела на сестру. Каприс кивнула. Она приняла решение. Отступление невозможно — даже если бы она хотела отступить. Она нашла убежище Куина, а он имеет право узнать о ребенке. Остальное сейчас не имело значения. Она не может допустить, чтобы что-то еще имело значение. О результатах своего выбора она будет думать потом.

— Если я вылечу сегодня вечером, то пробуду в отъезде максимум три дня. Мы с малышом будем в полном порядке.

Каприс говорила настолько уверенно, что Силк немного успокоилась.

— Да уж, извольте. Я не хочу объяснять семье, почему это разрешила тебе уехать. Они все еще не оправились после твоего похищения.

— Я не говорила тебе, Насколько я благодарна...

Силк безжалостно ее оборвала:

— Если ты меня любишь, пожалуйста, держись. Вбей в Куина немного здравого смысла или дай ему вбить здравый смысл в тебя. Не хочу, чтобы моя сестра осталась без человека, которого она любит.

Киллиан взглянул на кипу лежавших перед ним бумаг. Он бы предпочел вернуться домой, к Силк, несмотря на то, что у них в квартире по-прежнему гостила Каприс, но он ждал звонка — разговора, который ему определенно вести не хотелось. Он перевел взгляд на телефонный аппарат, мысленно приказывая ему зазвонить, чтобы наконец устроить Рэндалу Куинлену хорошую выволочку. Он уже целую неделю вынужден смотреть на то, как Каприс пытается жить — достаточно, чтобы окончательно потерять аппетит. После того как Силк заставила ее побывать у врача. Каприс опять совершенно изменилась. И вдобавок ко всему остальному у нее теперь появилась эта сумасшедшая идея полететь к Куину на его остров. Зная свою жену и ее сестру, он не слишком рассчитывал, что они смирятся с его отказом дать им нужную информацию. Он не знал, как они смогут найти Куина, но нисколько не сомневался, что они попытаются это сделать. Поэтому он сделал то, чего обещал себе не делать: связался с Куином.

Телефон вдруг послушался его приказа и зазвонил. Киллиан схватил трубку и отрывисто назвал свое имя.

— В чем дело? — спросил Куин, не здороваясь.

Его тон заставил Киллиана нахмуриться.

— В том, что твоя женщина пытается до тебя добраться.

У Куина больно сжалось сердце.

— Черта с два!

— Или даже с три. Я ее притормозил, отказавшись дать твой адрес, но она полна решимости и ей помогает Силк.

Куин длинно и гневно выругался.

— Останови ее! — грубо приказал он, думая о своих планах и об охотниках, которые в эту минуту уже начинали окружать его убежище.

— Дай рецепт. Связывать я ее отказываюсь, — не менее резко ответил Киллиан.

— Мне все равно, как ты это сделаешь, но сделай. В лесах полно охотников, а олень только один.

Теперь пришла очереди, Киллиана раздражаться ругательствами.

— Когда?

— По моим оценкам, дня через два. Может, меньше. Задержи ее. Любым способом. Но не спускай с нее глаз.

— Настолько серьезно?

— Так или иначе, это конец дороги, — хладнокровно объявил Куин.

Секунду Киллиан молча обдумывал услышанное.

— Я могу помочь?

В вопросе Киллиана Куин почувствовал всю глубину его уважения и даже симпатии. Тем, как он обошелся с Каприс и не посвящал Киллиана в подробности относительно псевдодубийства, он довел их отношения до предела. И тем не менее Киллиан предложил ему поддержку!

— Позаботься о ее безопасности. Остальное не имеет значения.

— Я это сделаю.

Киллиан несколько мгновений слушал тихие гудки прерванной связи. Какой бы ад ни переживала Каприс, но и Куину было не легче. Оба остались одни, оба отдали сердце другому, но слишком хорошо понимали, какова была бы цена их дальнейшей связи. Внезапно его работа представилась ему совсем не такой уже важной. Его ждет Силк. У них, благодаря Куину, был счастливый конец.

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке? — озабоченно спросила Силк. — Ты еще можешь предупредить. Я могу купить себе билет.

— У тебя нет вещей.

Силк изящно пожала плечами, и ее улыбка немного рассеяла напряженность трудной минуты.

— С покупками у меня трудностей не бывает. Киллиан говорит, что если высадить меня посреди пустыни, я уже через две минуты отыщу там крупный универмаг.

Каприс негромко засмеялась, понимая, что именно такого эффекта и пыталась добиться Силк. Услышав объявление о начале посадки, она встала.

— Со мной ничего не случится. Обещаю, Токсикоз, похоже, на время отступил, а перед Нассау

всего одна остановка.

— Но нет никакой гарантии, что там окажется гидроплан, если только я не смогу устроить чуда.

Каприс подалась вперед и порывисто обняла сестру.

— Перестань волноваться, — сказала она, отступая. — Я со всем справлюсь.

Услышав объявление об окончании посадки, Силк нахмурилась.

— Ладно. Но помни: если появятся хоть какие-то затруднения, сразу же звони мне. Я прилечу следующим рейсом, даже если мне придется для этого зафрахтовать самолет!

Каприс кивнула и прошла к посадочному туннелю. Говорить было уже нечего, и как она ни любила сестру, ее мысли сейчас занимала не Силк. Там не оставалось места ни для кого, кроме Куина и ребенка, жившего сейчас в ней. У нее не осталось ничего, кроме веры в Куина — только это заставляло ее считать, что ему важно было бы узнать, что в ней зреет его дитя. У нее не осталось ничего, кроме ее любви, которая могла бы дать ей силы встретиться с ним после того, как он отослал ее прочь. Хватит ли этого? Ради них всех она хотела бы надеяться, что хватит. Будущее ее ребенка находилось сейчас в ее руках.

— Повтори: что ты сделала?

Силк гневно смотрела на мужа, уперев руки в бока.

— Я помогла Каприс выяснить, где находится остров Куина. А потом мы вернулись сюда, уложили вещи, и я отвезла ее в аэропорт. Она уже летит, и ни тебе, ни ему не помешать ей с ним встретиться. Он обязан это сделать, черт возьми, и ты это знаешь!

Киллиан нервно взъерошил волосы, слишком хорошо помня тревогу, прозвучавшую в голосе Куина, когда он услышал о том, что Каприс может к нему прилететь.

— Когда? — нетерпеливо осведомился он. Силк изумленно уставилась на него. Она ожидала ярости или раздражения из-за того, что они с Каприс сумели его перехитрить. А вот неприкрытого страха она не ожидала.

— Час назад плюс-минус десять минут. Киллиан стремительно прошел к телефону и набрал знакомый номер. Услышав незнакомый голос, он приказал:

— Позовите его. Это Киллиан.

— Ждите.

Киллиан поморщился, глядя на Силк, лицо которой с каждой минутой менялось все сильнее. Ему бы хотелось ее успокоить, но у него не осталось убедительной лжи. Он протянул ей руку. Она прижалась к нему, обвив руками за талию. Он на секунду обнял ее, и тут к телефону подошел Куин. Силк оказалась так близко, что, слыша весь разговор, могла сделать выводы, еще больше усилившие ее тревогу. Каприс оказалась в опасности, как и ребенок, о существовании которого не знал ни один из мужчин. Силк знала сестру. Та сделает все возможное, чтобы ребенок остался жить.

— Она летит. Когда я пришел домой, ее уже не было.

Куин не стал тратить время на бессильные проклятья.

— Выбирайся сюда. Срочно. Не ради меня. Ради нее. Времени не осталось. Я бы перехватил ее в Нассау, но это для нее еще опаснее. Я вышлю за ней гидроплан, а потом отправлю его за тобой.

— Я вылетаю.

— У тебя есть связи?

— Самые лучшие. — Киллиан повесил трубку. — Помоги мне собраться.

— Я тоже лечу.

— Нет. У меня нет времени спорить. Каприс летит прямо в ад, а она не бессмертна.

Говоря это, он прошел в спальню и вытащил одной рукой из шкафа какую-то одежду, не выпуская из другой телефонной трубки. Набрав номер тестя, он попросил предоставить ему реактивный самолет и получил его.

Силк достала чемодан мужа и быстро сложила в него вещи. Она не стала тратить времени на бесполезный спор. У нее был другой способ добиться своего. Десять минут спустя, только-только проводив Киллиана, она схватила пальто и выскочила из квартиры. Киллиан всегда говорил, что она водит машину, как камикадзе. Она никогда еще так не радовалась своей отчаянности, бросая машину в немыслимые маневры, выигрывая малейшие доли секунды. Она опередила Киллиана на пути к аэродрому. Теперь оставалось только прокрасться в самолет. Возможно, судьба решила проявить к ней благосклонность: ей удалось спокойно добраться до самолета и спрятаться в расположенном в хвостовой части туалете. Вознося Богу редкие для нее молитвы, Силк прижала ухо к двери. Спустя всего несколько секунд после того, как Киллиан сел в самолет, они уже взлетели. Облегченно вздохнув, она приготовилась ждать, пока не будет уверенности в том, что Киллиан не повернет обратно.

— Вы уверены, что гидросамолет прислан за мной? — спросила Каприс, глядя на стоящего перед ней стройного молодого человека. Силк, конечно, обещала, что постарается устроить ей гидроплан, но Каприс не думала, что у нее это получится. Она ошиблась.

Пилот кивнул.

— За вами, — подтвердил он, нагибаясь, чтобы взять ее чемодан. — Идите за мной.

— Хорошо.

Каприс последовала за ним к небольшому приземистому самолетику, распластавшемуся на бетонной площадке. Усталость пригибала ее к земле, но конец пути был уже близок. Меньше чем через час она увидит Куина. Она села в кресло, пристегнулась и сложила руки на животе. Впервые с той минуты, как они с Силк начали свои поиски, она почувствовала неуверенность. Куин такой сложный человек. Она приняла решение, но у нее нет уверенности, что он согласится. А что, если он будет настаивать на женитьбе? Хватит ли у нее сил устоять перед соблазном того, чего ей так сильно хочется? Столько вопросов — и пока ни одного ответа!

Когда они приблизились к острову, сомнения, тревоги и неосуществимые надежды не стали слабее. К Каприс вернулась тошнота, с которой пришлось бороться так же решительно, как со

страхами. Пока самолет рассекал темную воду, доставляя ее на остров Куина, она смотрела в ночь, черным пологом окутавшую мир. В темноте ее ждал Куин. Наполнит ли он эту темноту своим теплом, или она ощутит только пустоту, жившую в ней с той минуты, когда он в последний раз к ней прикоснулся?

— Ты уверен, что он настолько близко?

— Ошибки быть не может, Ром. Густав заглотнул наживку, как ты и думал, — сказал помощник Куина. Он чуть наклонил голову набок, прислушиваясь. — Самолет приземлился.

— Слышу, — ответил Куин, не оборачиваясь и не глядя в темноту на вспыхивающие огни, которые сказали бы ему, что Каприс близко. — Встреть ее. Проведи в гостиную и оставь там. Мне еще надо установить последние фигуры для шахматной партии.

У него осталось так мало времени, которое можно было бы разделить с возлюбленной, и он не может идти на риск, пока не приведет в действие последние планы.

Помощник кивнул. Лицо его оставалось невозмутимым, но в глазах читалась тревога.

— Ты все продумал. У тебя получится.

— Густав редко проигрывает.

— На этот раз — проиграет.

Куин взялся за телефон.

— Посмотрим. Но, так или иначе, мы все будем свободны.

Его соратник встретился с ним взглядом: оба понимали, что и смерть несет с собой свое, особое освобождение.

— Да, ты прав. Мы выигрываем в любом случае.

Каприс расхаживала по роскошной комнате. Ее заперли, как только она шагнула в гостиную. Ей следовало бы испытывать гнев. Прошел уже почти час с тех пор, как вежливый мужчина, назвавшийся помощником Куина, провел ее сюда, предложив подождать. Но она слишком сильно нервничала, чтобы злиться. Что-то было не так. Вся атмосфера просто кричала ей об этом. Во многих отношениях ощущения, от которых у нее по коже шли мурашки, напоминали ей о той ночи, когда она была пленницей Густава. Она обхватила себя руками, уставясь на стену, завешанную картинами, привносящими жизнь в эту красивую, элегантную комнату. При других обстоятельствах она могла бы получить наслаждения при виде сокровищ, наполнявших дом Куина.

Куин тихо вошел в комнату и так же бесшумно закрыл за собой дверь. На секунду он позволил себе полюбоваться Каприс. Она показалась ему похудевшей, хотя прошло всего чуть больше недели с того дня, как он в последний раз прикасался к ней. Но она была по-прежнему так же прекрасна, нет, стала даже еще великолепнее. Каприс напоминала ему закаленную сталь. Во всем ее облике чувствовалась сила, голова была величественно поднята. Его дева-воительница! Он рассчитывал на то, что она будет сильной. Сейчас это было ему еще нужнее, чем когда-либо, но он не может и не станет ей об этом говорить. В этом ее спасение, а возможно, и его

тоже. Судорожно сжав кулаки, он приготовился к тому, что необходимо было сделать. Чтобы спасти ее, он должен убить чувство, заставившее ее искать его. Времени на уговоры и нежность нет. Густав приближается, скоро начнется последняя игра, ставки в которой — все или ничего.

— Ты не умеешь слушать, — грубо сказал он, подходя к ней.

Каприс стремительно обернулась, и при виде Куина ее глаза расширились. Взгляд его блестел, словно полированная сталь. Поступь выражала едва сдерживаемую угрозу, одновременно притягивавшую и пугавшую. Он был одет во все черное. Незнакомец, которого она знала в страсти, в раскаленном добела желании и невероятно нежной ласке. Ее любимый. Этот незнакомец был тем, кто прикасался к ней с такой жадностью, что она была отмечена навеки. Этот незнакомец оставил в ней свое семя, теперь питавшееся ею и ее любовью к нему.

— В Хьюстоне я говорил совершенно серьезно. В жизни Рэндала Куинлена для тебя нет места. Это слишком опасно.

Слова были, словно удар ножа, вонзавшегося в его собственное сердце. Он принимал каждый удар и открывался следующему. Истекать кровью он будет потом — если у него будет это «потом».

Каприс едва его слышала. Произошедшие в нем перемены оказались слишком разительными, слишком значимыми. Внезапно последний элемент мозаики, составлявшей Куина, встал на место. Вот что он пытался ей сказать, говоря, что она не может идти рядом с ним по его миру. Этот человек не знал пощады, потому что в его мире это равнялось смертному приговору. Он был тверд, как алмаз, до самой глубины души — и в этом состояла его главная защита. С ней он был нежным, способным чувствовать, хотеть, нуждаться. Ради их ребенка он даст ей то же самое и даже большее. Но это будет равносильно тому, что она сама подставит его под выстрел. Это было совершенно ясно, неопровержимо и неотвратимо.

Внезапно дар, который она несла, перестал быть даром. Скорее — бесконечным проклятьем.

— Нечего возразить? — насмешливо осведомился Куин, останавливаясь вплотную к ней.

Ее аромат окружил его — настоящая пытка для человека, и без того добровольно взошедшего на дыбу собственного изготовления.

— Мне не следовало приезжать, — тихо сказала Каприс, любя его так, как еще никогда не любила. Только теперь она до конца поняла, насколько он изранен прошлым, но, как и тогда, когда она увидела шрамы на его спине, она не отвернулась. Ее поцелуи не сгладят эти рубцы, оставленные временем и испытаниями, но ее молчание сможет дать ему успокоение. Сам Куин не будет знать его источника, но он его почувствует.

— Да, не следовало. Если бы я хотел тебя здесь увидеть, то нашел бы для этого возможность, — сказал он, вонзая себе лезвие по рукоятку. Его безмолвный крик боли был воплем мужчины слишком сильного для того, чтобы согнуться. — Но не тревожься. Ты здесь долго не пробудешь. Он наклонил голову. — Думаю, это как раз прилетел Киллиан. — Он указал на дверь. — Я тебя провожу.

Каприс секунду смотрела на Куина, снова уловив в его словах что-то, кроме желания поскорее отослать ее прочь. Та Каприс, что прилетела сюда час назад, спросила бы, в чем дело. Эта, новая, посмотрела, почувствовала укол любопытства — и отогнала его. Куин дал ей все, что мог. И она это приняла, вернув в ответ то, что могла. Желания и мечты — не реальность и никогда ею не станут.

— Как прикажешь, — прошептала она, на секунду опуская ресницы.

Куин приподнял руку и снова уронил ее. Прикоснуться к ней значило бы рисковать так сильно, как он не мог себе позволить. Он шагнул назад. Каприс прошла мимо него в коридор. Все молчали, в том числе и те люди, мимо которых они проходили. Каприс устремила взгляд на едва различимый причал, мост между их мирами, хрупкая конструкция, созданная руками человека, которую легко было разрушить. Там, где встречалась земля и творение человека, Каприс приостановилась. Она посмотрела на Куина.

— Если ты меня любишь, не ходи дальше. Это — твое место. А тот самолет — часть моего. Ты был прав. Мы не можем жить вместе, потому что единственным местом для этого оказалось бы нечто столь же ненадежное, как этот причал.

Куин глубоко вздохнул, слыша, как его собственные слова шепчет голос, когда-то говоривший о желании и любви. Предсказание обещало, что она уничтожит его демонов. Но в нем не говорилось о том, что он увидит, как погибнет последний из них или что она навеки останется с ним.

— Мне жаль, что не может быть иначе.

Каприс улыбнулась, и в ее улыбке отразилось множество самых разных чувств.

— А я — нет. Я люблю тебя таким, какой ты есть. Здесь или еще где-то. Я уже тебе это говорила. И сейчас говорю, хоть ты и пытался ранить меня, чтобы заставить улететь.

Он напрягся, догадавшись, что Каприс поняла больше, чем он хотел ей сказать.

— Не придумывай того, чего не существует.

Она покачала головой и отвернулась. Самолет ждал у конца причала, дверь была открыта. На причал выходил Киллиан.

— Твоей ошибкой всегда рыло то, что ты считал, будто я тебя не знаю. — Каприс вновь посмотрела на Куина. — Если бы у нас было время, я бы тебе это доказала. — Она прикоснулась к его лицу, пальцами проследив линию губ. — Не думай обо мне в своих джунглях. Если бы я могла подарить тебе забвение, любимый, я бы это сделала.

Приподнявшись на цыпочки, она быстро поцеловала его, а потом повернулась и стремительно пошла к самолету. В глазах у

. нее стояли слезы, но она не пролила ни единой. Ни о нем, ни о себе, ни о ребенке, которого она вырастит с любовью к отцу, но о котором он никогда не узнает.

Глава 16

Каприс откинулась на сиденье, замечая, что Силк наблюдает за ней, словно ожидая, что она вот-вот сорвется. Это началось с той минуты, как она вошла в гидросамолет — примерно час

тому назад. Киллиан почти все время молчал, только спросил, все ли у нее в порядке. Потом он ушел в кабину пилота, видимо, для того, чтобы не мешать им с Силк, если они захотят поговорить. То же самое он сделал и когда они пересели в самолет их отца.

— Ты ему сказала? — спросила наконец Силк.

Каприс повернулась, чтобы смотреть сестре в глаза.

— Нет.

— Чертовы мужчины! Иногда не дают женщине даже рта раскрыть. Вечно уверены, что знают все на свете, — пробормотала Силк, думая не только о Куине, но и о собственном упрямом супруге. У нее все еще звенело в ушах после того выговора, который он устроил ей по поводу ее прятков в самолете. И только тревога за Каприс помешала ему продолжить чтение нотаций на тему ее безрассудства.

Воинственность Силк вызвала у Каприс легкую улыбку: она догадалась о ее причине.

— Все было совсем не так.

— Ты еще скажи, что передумала!

— Так и было.

Силк недоверчиво воззрилась на нее.

— Почему? — спросила она после долгого молчания.

— Потому что это уже не тот человек, который любил меня в Хьюстоне, — двусмысленно пробормотала Каприс.

Если Силк будет считать, что еще есть шанс заставить Куина передумать, она будет за него цепляться. Она не поймет того, что видела и с чем смирилась Каприс. Чтобы ей помешать, Каприс прибегла к единственному возможному способу. У Каприс просто не хватило бы актерского таланта убедить сестру в том, что она разлюбила Куина.

Силк нахмурилась.

— Он тебя выставил!

— Пытался. Но я уехала сама, — ответила Каприс, нисколько не кривя душой.

Силк выдала одно из своих самых выразительных ругательств, а потом тревожно посмотрела в сторону кабины, проверяя, не слышал ли ее Киллиан. Он бы отреагировал не столько на само ругательство, сколько на то, что она настолько расстроена, что сорвалась. Сейчас его вмешательство было бы для Каприс ни к чему.

— И что теперь? — мягко спросила она, заставляя себя отвлечься от своего негодования. Ей надо прежде всего думать о Каприс и ее ребенке. А Куин может отправляться хоть к черту в преисподнюю — она только рада будет.

— Теперь я лечу домой. Мы подыскиваем дом, и я рожаю самого красивого ребенка во всей Филадельфии.

Она погладила свой еще совсем плоский живот, призывая образ ребенка, чтобы согреться душой. Видение было не столь прекрасным, как объятия Куина, но это было лучше, чем холод одиночества.

Силк дотронулась до прижатой к животу руки Каприс.

— Ты говорила, что выберешь естественные роды. Можно я буду тебе ассистировать?

Каприс взглянула на сестру: длинные ухоженные ногти, необузданная грива сексапильных кудрей, сверкающие томные глаза-и неожиданно для себя улыбнулась.

— Могу себе представить, как это будет. Весь персонал просто умрет от смеха.

Силк ухмыльнулась и пожала плечами. Она готова была пойти на все, лишь бы снова увидеть Каприс счастливой.

— По-моему, для нас с Киллианом это было бы хорошей практикой. Я бы узнала все стороны дела и могла бы подсказать ему, что он делает не так.

Каприс тихо рассмеялась и откинула голову, закрыв глаза.

— Ты просто хочешь сквитаться. Я же тебя знаю!

— Ну, и это тоже, — тихо сказала Силк, а потом замолчала, держа Каприс за руку, пока та не заснула. Когда ровное дыхание Каприс убедило ее в том, что она спит, Силк выпустила ее руку и встала.

Киллиан оглянулся, услышав, как Силк вошла в кабину.

— Как она?

— Спит.

Киллиан кивнул и встал.

— Я немного побуду в салоне, — сказал он пилоту.

Силк уселась как можно дальше от Каприс, чтобы ее не потревожить. Киллиан немного постоял, глядя на спящую свояченицу, а потом сел рядом с женой.

— Что она тебе сказала?

— Очень мало. Кажется, Куин пытался ее выставить, но она улетела по собственному желанию.

— Он тревожился. И ей не следовало туда прилетать.

— Это, по-моему, еще слишком слабо сказано. Но ты не знаешь всей истории. Киллиан сузил глаза:

— То есть?

— То есть она беременна, — прямо сказала Силк. — Поэтому я и спряталась в самолете. Она не хотела, чтобы ты знал. Вот почему она так плохо себя чувствовала. Я испугалась за нее и не была уверена, что она скажет тебе про ребенка. И я не знала, что сделает Куин. И что

сделаешь ты, считая, что ты ее защищаешь.

Киллиан глубоко вздохнул. Последние искры гнева погасли при мысли о том, насколько запутанной стала ситуация.

— Что же ты раньше не сказала?

— Я обещала ей не говорить. Она хотела, чтобы первым об этом узнал Куин.

— Не могу поверить, что он не сделал ничего, кроме как выгнал ее. Я ожидал, что он должен был как минимум приказать мне, чтобы я сдувал с нее пылинки.

— Она ему ничего не сказала.

Киллиан кивнул, помня, как был встревожен Куин и какая опасность к нему приближалась.

— Было бы лучше, если бы он вовремя заткнулся и выслушал ее.

— Дело не в этом.

— Я тебя не понимаю.

— Ая-ее.

Киллиан оглянулся на Каприс.

— Что бы ты хотела, чтобы я сделал?

— Выясни, что происходит, — немедленно ответила Силк.

— Не могу.

Силк сощурила глаза:

— Как это надо понимать?

Памятуя о том, что может сделать — и уже сделала — его жена, чтобы помочь Каприс, Киллиан избрал честность.

— Куин ожидает серьезных неприятностей. У него на хвосте сидят старые враги, и он не хочет, чтобы Каприс оказалась в зоне боевых действий. Вот почему я так разъярился, когда ты оказалась в самолете. Мы прилетели прямо в заваруху. Мне надо было вывезти оттуда Каприс. А не привезти тебя на линию огня.

Силк посмотрела на него и прочла в его взгляде еще не забытый страх за нее и за Каприс. Она посмотрела на спящую сестру.

— Не вздумай ей рассказывать. Он взял с меня слово.

— Она старается этого не показывать, но ей очень больно. Каприс не из тех, кто может вступить в связь с мужчиной, не питая к нему никаких особых чувств. Я уверена, что она не оставила бы ребенка, если бы не любила его — даже сейчас. Ты же знаешь, как она жила до Куина. Она была занята только своей карьерой.

— Тебе ничего не исправить, Силк. — Он отвел непослушные кудри с ее щек. На лице его была необычайная нежность. — Когда он полетел за ней, я подумал, что он сможет сделать так, что у них все получится. Но риск оказался слишком велик, и он имел возможность наглядно увидеть, в какую опасность ее увлек. Я знаю, что бы чувствовал я, если бы речь шла о тебе. Я бы сделал то же, что сделал он. Другого выбора нет.

— Я бы последовала за тобой. Он слабо улыбнулся:

— Это бы не помогло. Я бы отталкивал тебя, пока ты не отступилась бы.

— Значит, по-твоему, он ее любит.

— Слишком сильно. Так же, как она любит его.

У Силк на глазах выступили слезы.

— Черт! Она заслуживает счастливого конца!

Киллиан притянул ее к себе.

— Мы с тобой его не устроим. Но мы можем любить ее. Это не то же самое, но по крайней мере она не будет так одинока, как он.

Куин смотрел на восходящее солнце со своего наблюдательного поста на небольшом холме позади лагерных строений. Ловушка была готова. Неподалеку от берега на волнах тихо покачивался кораблик. На его палубах сновали люди — крошечные муравьи, занятые одной общей целью. Вот-вот должна начаться охота. Заросли полны его сторонников, в море — враги. Пошады не будет. Его глаза решительно блеснули. Правила этой игры придумал не он. Ее начал Густав, но сегодня Куин положит ей конец — навсегда. Прежде чем день уступит место ночи, все долги будут возвращены.

— Похоже, он собирается высадиться с третьей группой, — негромко заметил его помощник, смотревший в бинокль.

— Густав всегда любил осторожничать.

Куин поднял руку в безмолвном сигнале. Его помощник аккуратно убрал бинокль и проверил свой пистолет.

— Длинная получилась дорога. Всегда была вероятность, что она закончится именно так. Только глупый человек остался бы так надолго.

Куин с улыбкой посмотрел на него: первый раз, когда он позволил себе искреннее веселье в своем новом образе.

— Это ты точно сказал: только глупый человек.

Его помощник секунду смотрел на него с возмущением, а потом ухмыльнулся. Его обычно серьезные глаза горели радостным предвкушением битвы. Он вырос в пустыне, где жизнь ценилась меньше, чем чайная ложка воды. Его предками были воины-кочевники, и сейчас ездившие на лошадях, выведенных для того, чтобы воевать и выигрывать.

— Увидимся в аду, друг мой, — засмеялся он, уползая на свою позицию.

Куин проводил его взглядом. Рядом с ним было десять человек, которым он привык доверять за эти годы. Как и он, они прошли суровую школу, получив уроки, ставшие редкостью в современном мире. И, как и он, они предпочли выйти из игры, чтобы продавать свою честь не тому, кто больше заплатит, а тому, в чью правоту они верят. Странная компания — ни общей национальности, ни общей политической системы, ни общего возраста. Единственное, что их объединяет, — это потребность оставаться свободными, жить, не оглядываясь. Такую жизнь они нашли на его острове, единственном доме, который большинство из них знало с того времени, как они перестали быть детьми. И теперь этому дому угрожал тот мир, что их создал. У них, как и у него, не было выбора: они должны сражаться так долго и так отчаянно, как только смогут.

Киллиан закрыл дверь кабинета, прошел к письменному столу и снял пиджак. Он устал. Ему казалось, прошло невероятно много времени с той минуты, как он ушел отсюда и поспешил домой, где обнаружил, что Каприс улетела. На самом деле прошло всего три дня, но с возвращением Каприс и Силк проблемы не закончились. Каприс сообщила родителям о своей беременности, и ему пришлось выдержать вежливо-гневный разговор с Джеффри по поводу того, что он не сделал попытки помешать Куину встречаться с Каприс, зная, что собой представляет Куин. Дело ничуть не улучшилось, когда Каприс узнала о том, что сказал и сделал ее отец. Киллиан до сих пор не мог понять, как ей это удалось. Он определенно никому об этом не рассказывал. Это произошло накануне. Уже к вечеру в дело вмешалась Силк. Каприс сердилась. Джеффри скрипел зубами. Лоррейн выглядела ужасно виноватой. Киллиан не мог предсказать, кто из них сломается первым.

Он тяжело рухнул в кресло, раздраженно посмотрел на кипы бумаг, скопившихся на столе, и с досадой решил, что его жизнь войдет в нормальное русло очень и очень не скоро. Неожиданно запищало переговорное устройство. Киллиан неохотно нажал соответствующую кнопку.

— По первой линии звонит некий Эмиль Вальдес, — сообщила секретарша.

— Он сказал, по какому вопросу?

— Что-то насчет Рэндала Куинлена.

Киллиан сощурил глаза.

— Я отвечу, — быстро сказал он, отключил переговорное устройство и взял телефонную трубку.

— Перейду прямо к существу дела, — сказал Вальдес, представившись. — Я — адвокат Рэндала Куинлена. Боюсь, у меня для вас плохие новости. Насколько я понимаю, вы — друг мистера Куинлена, так что я должен просить у вас прощения за то, что сейчас скажу. Вчера мистер Куинлен был убит. Кажется, на его остров напали наемники, и почти все там было разрушено. Не выжил никто. Погибли даже нападавшие. Полиция побывала там и подтвердила факты.

Киллиан несколько мгновений молчал, думая, как сообщить об этом Каприс. После всего, что она уже пережила, невозможно было предсказать, как она примет такое известие.

— Что еще? — спросил он потом.

— Мистер Куинлен оставил состояние. Немалое. Вы — душеприказчик. Наследница — женщина по имени Каприс Сент-Джеймс. Мне сказано, что мисс Сент-Джеймс о происшедшем сообщите вы.

— Сообщу.

Раз Куин сделал своей наследницей Каприс, значит, он составил завещание совсем недавно.

— Я пока не могу совершенно точно сообщить вам размер наследства. Я все еще не получил подтверждений относительно последних изменений. Но я постараюсь передать вам документы как можно скорее.

— У вас есть мой адрес?

— Да. Мистер Куинлен был очень внимателен.

— Не сомневаюсь.

Адвокат глубоко вздохнул.

— Кажется, вы хорошо его знали. В наших местах те немногие, кто имел возможность с ним познакомиться, очень его уважали. Мистер Куинлен был порядочным человеком. Он не должен был бы иметь таких врагов, которые могли пойти на подобное.

— Я передам ваши слова мисс Сент-Джеймс. Они будут много для нее значить, — ответил Киллиан.

Сказав все то, что принято произносить в подобных случаях, он повесил трубку, встал и снова надел пиджак. Набрав номер домашнего телефона, он стал ждать, надеясь, что подойдет Силк.

— Хорошо, что вы еще дома.

— Мы как раз собирались на встречу с агентом.

— Ты не можешь задержаться? Тон Киллиана заставил Силк нахмуриться.

— Случилось что-то плохое?

Она поспешно оглянулась, проверяя, не вошла ли Каприс.

— Очень.

— Куин?

— Я скажу вам обоим, когда приеду.

— Мы будем ждать.

— Силк, нельзя ли поскорее? Мне кажется, ты говорила, что собираешься надеть к своему платью эти туфли, — сказала Каприс.

— Говорила, — пробурчала Силк из гардеробной. Если Киллиан не поторопится, Каприс заподозрит неладное. — Но дело в том, что я вспомнила, как в них устают ноги. А я готова спорить на свои любимые сережки, что ты протащишь меня по всем домам в списке у этой тетки. Я не желаю возвращаться домой со стертymi в кровь ногами. Но если я переобуюсь, то платье тоже придется сменить.

— И макияж, и драгоценности. И прическу, — договорила за нее Каприс со вздохом, наполовину насмешливым, наполовину раздраженным. — Я позвоню агенту.

Каприс прошла к столику у кровати и переговорила по телефону с агентом. Когда она повесила трубку, Силк все еще была не одета.

— Пойду-ка я в гостиную и устроюсь поудобнее. У меня что-то нет желания наблюдать за этим показом мод.

— Хорошая мысль.

Каприс подождала секунду, а потом ушла. Медленно шли минуты. В коридоре послышался шум. Она повернула голову, и в эту минуту из спальни выскочила Силк в том же наряде, который она якобы намерена была поменять. Не успела Каприс что-нибудь сказать по этому поводу, как в гостиную вошел Киллиан. Один взгляд на его лицо — и Каприс почувствовала, что ее охватывает ужас.

— Что такое? — спросила она, инстинктивно прикрывая руками живот.

Силк села рядом с ней на диван. Киллиан устроился на стуле напротив.

— Плохие дела.

— Куин? — тихо проговорила Каприс. Он кивнул.

— Я не знаю способа сказать это мягко. Хотел бы знать. Он погиб.

Каприс не произнесла ни слова. Не могла. Она только чувствовала. Сначала — страх: сердце дернулось и перекрыло дыхание, несущее жизнь ее телу. Куин погиб. Немыслимо. Она могла уйти от него, пока знала, что он жив. Пальцы вжались в живот, словно ей необходимо было почувствовать слабое биение зарождающейся жизни, которую Куин оставил ей взамен себя.

— Ты уверен?

— Густав напал на его остров. Был бой. Все погибли.

— Он знал, что это скоро случится, да?

Киллиан кивнул, потрясенный тем, насколько спокойно она задает эти вопросы. В ее глазах не было слез, а вот Силк готова была разрыдаться. Каприс была бледна, но дышала ровно. Шок? Он подался вперед и напрягся, готовясь подхватить ее, если она потеряет сознание.

— Знал.

— А ты знал?

— Да.

Каприс посмотрела мимо него, пытаясь разобраться в своих чувствах. Что-то не сходилось.

— Он умирал и раньше. Он мне рассказывал, — пробормотала она, едва заметив, что произнесла эти слова вслух.

Киллиану показалось, он понял в чем дело.

— Да. Но не в этот раз. Такая смерть, о которой говоришь ты, требует очень долгой подготовки. Гораздо большей, чем неделя, что была у него сейчас.

— Для меня он той ночью сдвинул горы. Она вызывающе посмотрела на Киллиана, зная, что возразить он не сможет.

— Это не одно и то же. Если бы я так не думал, то не стал бы ничего тебе говорить. Я проверил это известие в источниках, гораздо более надежных, чем местная полиция. Это правда.

Каприс покачала головой, отвергая то, что Киллиан считал истиной.

— Мне он не кажется мертвым. Я бы почувствовала.

Силк взяла ее за руку, чувствуя, как по лицу катятся слезы.

— Это шок, Каприс.

Она снова покачала головой:

— И на шок это тоже не похоже.

Силк посмотрела на Киллиана, ища его поддержки. Он кивнул в сторону спальни.

— Почему бы тебе не прилечь? Я позвоню агенту и договорюсь на другой день.

Каприс смотрела на сестру: она слышала ее слова, даже соглашалась с ней. Не потому, что поверила, а потому, что ей необходимо было остаться одной.

— Хорошо, — послушно сказала она, вставая.

Она прошла с Силк в гостевую комнату, куда ее поселили, разрешила накрыть себя одеялом и закрыла глаза, словно собираясь заснуть. Но все это было притворством. Как только она осталась одна. Каприс открыла глаза, сбросила одеяло и села. Она смотрела в окно, думая о том воине, что встретил ее на острове. Этот человек не мог умереть. Она не поверила бы этому, даже если бы ей показали его тело и разрешили до него дотронуться. Он знал, что Густав близко. Он отправил ее прочь, воспользовавшись самым быстрым способом, каким мог. Опасность, которую она ощутила в тот день, исходила от приближающегося Густава. Куин ощущал эту опасность гораздо острее, чем она. Он должен был выиграть. Кем бы и чем бы ни был Густав, Куин должен был победить.

Где-то в этом мире, под другим именем, но Куин продолжал жить. На ее губах задрожала улыбка. Она его никогда не увидит. Она даже не узнает его новое имя. Но он жив. Как будет жить его сын или дочь. Как будет жить ее любовь. Мир поверит в его смерть. И она поможет ему принять эту смерть — ради него. Но он жив!

Глава 17

Киллиан закончил читать отчет. В эти последние месяцы дела его шли как нельзя лучше. Даже домашняя жизнь наконец наладилась: Каприс нашла себе дом за городом, и все немного успокоилось после потрясения, вызванного ее возвращением домой и смертью Куина. Он слабо улыбнулся. Силк даже начала разговоры об их ребенке, поддразнивая его тем, сколько опыта она приобрела на занятиях для будущих рожениц, на которые ходила вместе с Каприс. Что до Каприс, то она приняла наследство, оставленное ей Куином, превратив его в фонд для своего

ребенка. А потом она принялась устраивать дом. К изумлению всех окружающих — но только не Силк, — она потеряла всякий интерес к карьере деловой женщины. И казалась умиротворенной, хотя и не настолько счастливой, чтобы улыбаться. Если она сейчас и думала о Куине, то никто, кроме нее, об этом не знал.

Его мысли прервал сигнал переговорного устройства.

— Киллиан, пришел Дариан Маклауд, которому была назначена встреча на четыре часа,

Киллиан посмотрел на часы. Было уже почти пять.

— Пусть входит, — пробормотал он, стараясь справиться с раздражением.

Если бы он не слышал так много об этом человеке с репутацией отшельника почище Говарда Хьюза и широкими деловыми интересами — включая недавнее увлечение разведением арабских лошадей, — то не был бы настолько вежлив. Он имел слишком хорошую репутацию, чтобы терпеть от клиентов все что угодно.

Дверь кабинета открылась. Киллиан изучающе посмотрел на вошедшего. Это был крупный мужчина, ростом не меньше шести футов и пяти или шести дюймов с волосами настолько черными, что они казались даже синеватыми под стать пронизательным синим глазам. Походка его говорила о властности и привычке к физическому труду. Непринужденно улыбаясь, он протянул Киллиану руку. Рукопожатие было крепким, а мозоли на ладонях подкрепили впечатление о нем как о человеке, близко знакомом с тяжелым трудом.

— Прощу прощения за опоздание, — сказал Дариан, садясь.

Его юго-западный тягучий говор звучал спокойно, чуть иронично.

Киллиан вздохнул, решив почему-то, что новый знакомец ему нравится. Может, дело было в прямом и открытом взгляде.

— Не советую вводить это в привычку. Дариан рассмеялся. В его глазах читалось шутливое согласие со справедливым выговором.

— Я тоже ненавижу непунктуальность. Дьявольски неудобно, когда ведешь дела.

— Особенно когда дома ждет жена, вечером пригласившая в гости родных, — добавил Киллиан, слегка улыбаясь.

— Ну, вот этого я не знаю. Пока не женат.

Киллиан сел поудобнее.

— Итак, чем я могу быть вам полезен?

Дариан принял приглашение приступить к делу и начал излагать свои потребности. Киллиан делал заметки, мысленно прикидывая, что и как надо будет делать. Минуты шли. Секретарша постучала, давая ему знать, что уходит. Оба собеседника только на секунду приостановили разговор. Сделав последнюю пометку, Киллиан взглянул на часы. А потом поднял голову и пристально сощурил глаза. Человек, сидевший перед ним, был не тем, кто к нему вошел.

Куин ничего не говорил — только молча ждал, как ждал, пока уйдет секретарша. Он специально назначил встречу на самое позднее время, а потом оттянул свой приход, чтобы

ненадолго остаться без свидетелей.

— Ну, уже догадался? — негромко спросил он наконец, и теперь в его голосе не слышалось акцента, который он отработывал последние несколько месяцев.

Этот голос Киллиан не узнать не мог.

— Очень хорошо сработано, — отозвался он наконец, пораженный тем, какие перемены произошли в его друге всего за несколько месяцев.

Куин поднял руки:

— Вплоть до кончиков пальцев. Киллиан почти не обратил внимания на этот жест. Все его внимание было сосредоточено на лице человека, бывшего когда-то Куином.

— Если бы ты уже не умер, я бы сам тебя убил! — прорычал он, вспоминая, что пришлось пережить ему самому, Силк, Каприс и всем их близким. — Почему ты здесь?

Куин поднял брови, услышав вопрос, который был вполне предсказуемым. Даже он не был уверен, сможет ли осуществить невозможное.

— Ради Каприс. Открыто. Без опасностей. Настоящее ухаживание на глазах ее близких и всех, кого это может заинтересовать. Потом — свадьба, и мы устраиваемся растить арабских лошадок и детей. И ни одной тени прошлого на горизонте.

— И ты думаешь, я тебя к ней подпущу?

Куин мягко улыбнулся. В этой улыбке не осталось и следа от прежнего цыгана, но в ней чувствовалась стальная решимость, не допускавшая возможности возражений.

— Тебе меня не остановить. И ей тоже — хоть поначалу она и может попытаться.

— Ты не знаешь, что ты с ней сделал.

Улыбка Куина погасла, и в его глазах вдруг отразился ад, с которым он жил в течение долгих семи месяцев операций и уроков, изменивших все стороны его существования, пока он создавал прошлое, настоящее и будущее, способные выдержать любую проверку и обеспечить Каприс такую жизнь, какой она заслуживала.

Киллиан понял, чего ему это стоило. Он глубоко вздохнул при мысли о том, что Каприс наконец решила устроить дом для себя и ребенка. Только в последний месяц ее близкие начали немного успокаиваться, считая, что она вышла из того странного состояния, в котором находилась в течение долгих недель после известия о смерти Куина.

— Знаю. Может, даже лучше тебя.

— Тебя тут не было.

— А теперь есть. Тебе меня не прогнать. Только она может отослать меня прочь.

— Почему ты пришел ко мне?

— Проверить, как я теперь выгляжу. Но главное, я хочу, чтобы ты устроил мне встречу с Каприс. Я не хочу свалиться ей на голову неожиданно. Возможно, ей захочется, чтобы рядом

кто-то был.

— И понимая все это, ты все-таки заставил ее думать, что ты погиб!

— И сделал бы это снова — ради нашего будущего. Она сильнее, чем ты думаешь. Ну что, скажи — у нее был нервный срыв?

Киллиан выругался: он ничего не мог на это ответить.

— Сам знаешь, что нет.

Куин откинулся на спинку стула. Встреча с Киллианом была трудной. Труднее будет только встреча с Каприс.

— Когда ты это устроишь? Киллиан вскочил и нервно прошел к окну.

— Я еще на это не соглашался.

— Но согласишься — ради нее.

Киллиан обернулся и пронзил его гневным взглядом.

— Не испытывай моего терпения! Силк ведь тоже было больно, чтоб ты...

— Это было необходимо.

— И никаких извинений?

— Ты их все равно не примешь.

Киллиан снова выругался, понимая, что это так. Однако легче ему не стало.

— Да, не приму. И я тоже сразился бы хоть с самим чертом, лишь бы остаться с Силк, так что и это я тоже понимаю. Но не смей снова причинять Каприс боль, или я собственноручно тебя прирежу — тупым ножом. Но прежде чем я хоть что-то сделаю, изволь рассказать мне, что произошло на острове и почему ты так уверен, что теперь тебе ничего не угрожает.

Куин кивнул: меньшего он не ждал.

— Мой остров был не только крепостью, но и ловушкой. Строя там поселок, я предусмотрел определенные пути отхода для меня и моих людей. Мне нельзя было допустить, чтобы Густав остался в живых. Он зашел слишком далеко, и определенные люди (вроде тех, кто когда-то пользовался твоими услугами) захотели, чтобы он был устранен. Взамен они предоставили моим людям новые жизни.

— Но не тебе?

Улыбаясь, Куин покачал головой.

— Помнишь того мужчину, который выманил Каприс из офиса? — Дождавшись кивка Киллиана, он продолжил рассказ. — Я рассчитывал на то, что он будет с нападающими. Он и был. И погиб. Не от моей руки. Но кончил он тем, что его опознали, как меня.

— Но ведь твои люди...

— Вообще не видели тела. Тех, кто остался в живых, уже вывезли наши общие друзья. Густав погиб, как и все его наемники.

— А Дариан Маклауд? Этот мужчина существует не семь месяцев!

Куин негромко засмеялся.

— Прихоть. Когда-то я прочитал биографию вашего Говарда Хьюза. Его таинственность меня заинтриговала. Я решил проверить, можно ли устроить такое в наш компьютерный век. И создал Дариана Маклауда.

Киллиан всмотрелся в его лицо, не находя в нем ничего от человека, которого он знал, как Рэндала Куинлена, или тех людей, что жили в этом теле до него.

— Ну и как — сойду?

Киллиан глубоко вздохнул. Если бы его спросили, он бы сказал, что воскрешение Куина невозможно. Теперь он знал, что это не так.

— Сам знаешь, что да.

Не вставая, Куин наклонился вперед, продолжая смотреть на Киллиана.

— Значит, ты устроишь нам встречу. Когда? Сегодня?

Киллиан нахмурился, думая о вечеринке в честь скорого рождения ребенка, назначенной на восемь часов. Каприс в городе, у него дома. Сначала они вместе пообедуют, а потом начнут приходить с подарками остальная родня и друзья. Он посмотрел на Дариана, не пытавшегося скрыть нетерпения. Куин никогда не позволял себе так открыто демонстрировать свои чувства.

— Каприс обедает у нас перед вечером, который мы устроили. Что бы ты ни пережил, ее положение было гораздо хуже. Я не допущу, чтобы ты снова причинил ей боль. Если я приведу тебя к нам в качестве моего знакомого, она встретится с тобой, когда мы будем рядом. По крайней мере ты так сильно изменился, что нет никакой вероятности, что она тебя узнает — если ты сам не выдашь себя так, как сделал это со мной. Но я хочу, чтобы ты дал мне одно обещание. Что бы ты ни увидел и ни подумал, ты не скажешь и не сделаешь ничего, что подсказало бы ей, кто ты на самом деле. И ты уйдешь до прихода гостей.

— А если она попросит меня остаться?

— Не попросит.

Дариан проанализировал уверенность, прозвучавшую в этом ответе, и чуть нахмурился.

— Она нашла себе кого-то?

Киллиан покачал головой.

— Она ни с кем не виделась с тех пор, как ты отослал ее.

Дариан глубоко вздохнул. Этот страх не давал ему покоя: не потому, что он не верил в нее, а потому, что знал, насколько глубоким может быть одиночество. Ему было известно, что она жива, но считает его погибшим. Она могла искать облегчения с другим мужчиной.

— Обещаешь?

Он кивнул.

— Я не сделаю ничего, что бы ни увидел и ни подумал. Я — просто человек, которого ты пожалел и пригласил в гости.

Киллиан потянулся за пиджаком. Сегодня вечером Дариан еще будет нуждаться в жалости. Невозможно предсказать, что он сделает, когда увидит Каприс с животом, уже ставшим похожим на большую тыкву.

Каприс сидела в кресле, дожидаясь, когда вернется Силк: та отправилась проверить, все ли готово к обеду. Сегодня ее родные и друзья соберутся, чтобы вместе с нею отпраздновать скорое рождение ребенка. Всеобщее изумление, вызванное тем, что она рождает ребенка без отца, уже улеглось. Сейчас уже никто не спрашивал ее об отце, имя которого она публично не объявляла, а близкие вообще не упоминали о Куине. Такие предосторожности должны были обеспечить безопасность и ему, и его ребенку, хотя Каприс не говорила об этом ни родителям, ни младшим сестрам. Все решили, что она поверила в его гибель. '

— Мне бы хотелось, чтобы ты испытывала радостное волнение, — заявила Силк, войдя в комнату и бросившись в соседнее кресло. — Только подумай! Очень скоро твой животик превратится в чудесного ребеночка! Силк довольно ухмыльнулась.

Каприс отпила немного фруктового сока и рассмеялась нескрываемому нетерпению Силк.

— По-моему, ты получаешь от моего животика не меньшее удовольствие, чем я сама.

— Жду не дождусь, — честно призналась Силк. — Я и не представляла себе, как все это сложно. Не перестаю надеяться, что вскоре окажусь в таком же интересном положении.

— Надо побольше практиковаться.

Силк сверкнула глазами.

— Практикуемся, можешь не сомневаться. — Она наклонила голову, услышав, как в замке поворачивается ключ. — А вот и мой господин и повелитель!

Каприс искренне рассмеялась: откровенно фальшивый тон Силк не допускал иной реакции. Она посмотрела в сторону двери и увидела, как следом за Киллианом в комнату входит второй мужчина. Каприс замерла, не донеся до рта стакан с соком. Она так долго жила с пустотой на месте Куина, что внезапное тепло, которое мог принести только он один, пришло как потрясение. Побледнев, она смотрела на незнакомца. Он ничем не походил на Куина, но ее тело знало то, чего не могли рассмотреть глаза. Не сознавая, что делает. Каприс поставила стакан на столик и встала. Кожа ее жарко разругнулась, и с каждым шагом ее уверенность становилась все сильнее. Она не увидела странного взгляда Силк, не заметила, как посторонился Киллиан. Она сосредоточилась на единственном человеке — этом пришельце с незнакомыми глазами, в котором она чувствовала своего возлюбленного.

Куин потрясение смотрел, как Каприс идет к нему. Она вся светилась. Другого слова подобрать было нельзя. Волосы ее источали серебряный свет, обволакивавший все тело. Она готовилась произвести на свет ребенка и была воплощением безмятежной, царственной женственности. В ее глазах, устремленных на него, не было и тени сомнения. Она его узнала. И эта уверенность

проникла сквозь все барьеры, которыми он себя окружил. Он не знал, как это могло получиться. Он не понимал, почему это произошло — но она его узнала. Она говорила ему об этом в прошлой жизни, и он ей не поверил. Но теперь он убедился, что это так. Глядя в изумрудные глубины ее глаз, он нашел прибежище, потерянное еще до рождения. Его взгляд мягко опустился на ее живот, на лоно, растившее его ребенка. Потрясенный ее даром, обескураженный ее верой, он молча ждал.

— Киллиан, что происходит? — прошептала Силк. — Кто это?

— Посмотри в лицо Каприс, и сама скажи мне, — тихо ответил он.

Силк посмотрела и вдруг все поняла. Каприс всегда была прекрасна, но это было холодное совершенство. Сегодня она была совсем другой. Теперь в ней был огонь, разгоравшийся все сильнее с каждым шагом к незнакомцу, который оказался Куином. В ее движениях было нетерпение, в ней кипела энергия, прежде дремавшая, оставаясь невостребованной. Пораженная Силк смотрела на их встречу, чувствуя, как покрывается мурашками ее кожа.

— Он не умер. Она же говорила, что он не умер! — пробормотала она, не замечая, что говорит вслух.

Ничего не ответив, Киллиан обнял ее за плечи и увел из комнаты. Каприс и Куин проделали слишком большой путь, чтобы разделить эту минуту с посторонними.

Ни Каприс, ни Куин не заметили их ухода.

Каприс остановилась перед Куином и секунду молча смотрела на него, а потом проследила пальцами линию его губ. Он был красив. Его новое лицо представляло собой настоящее произведение искусства: сильное, правильное, лишенное следов тяжелого прошлого. Рука человека стерла то, что нарисовала на его лице людская жестокость. Ее взгляд опустился ниже. Шрамов на его кистях и запястьях больше не существовало. Он был чистым, новым... Это было невозможно, но это было так. Она заглянула в его темно-синие глаза, разглядев контактные линзы, скрывавшие их необычный серебряный цвет. Его волосы были иссиня-черными, черными, как ночь, окружавшая ее с минуты их расставания. Только его рост остался прежним — идеально подходящим для нее.

Глядя ей в глаза, Куин протянул руки и обхватил ладонями верхнюю часть ее округлившегося живота, ощутив новую зрелость тела, которое он знал так хорошо — и впервые прикоснулся к своему неродившемуся ребенку. Благоговение, новое для него чувство, заставило потемнеть его глаза.

Каприс смотрела ему в лицо. Там, где Куин скрывал свои чувства, этот человек давал им волю. Счастье, изумление и восторг по поводу ее беременности ясно читались на его лице. Последний холод разлуки растаял в ее душе под теплом любви, не ослабевшей ни на йоту.

— Наш ребенок, — прошептала она, наконец признав и свою роль в жизни, которую они создали вместе.

Куин пристально смотрел на Каприс. Оторвав одну руку от новой жизни, растущей в ее теле, он прикоснулся к ее лицу, проследив изящную линию щеки, ощутив шелковистость кожи. Он снова ощутил ее аромат, присутствовавший в каждом его сне с того дня, когда он впервые увидел ее фотографию. Его дева-воительница! Даже он не понимал до конца всей ее силы.

— Как ты смогла меня не возненавидеть? Слезы, которых она не проливала даже в ночи своего

отчаяния, стояли у нее на глазах.

— Я же говорила тебе. Я тебя знаю. Даже таким. Я тебя знаю. — Она закрыла глаза и придвинулась к нему. Ей необходимо было ощутить его поцелуи, его прикосновения. — Поцелуй меня в нашей темноте. Пусть остатки одиночества исчезнут навсегда.

Ее слова проникли в самую глубину его сердца, после расставания оставшегося с нею. Ее любовь обновила его. Он притянул Каприс к себе, заботливо защищая ее и их ребенка своим телом. Ради нее он прошел через ад. Ради нее он бросил вызов смерти и заставил ее работать на него. Ради нее он сумел уйти от прошлого, уничтожившего бы их обоих. Он с радостью платил за все, считая, что оберегает ее от всего этого. Но, ощутив вкус ее поцелуя, почувствовав движение новой жизни, которую она питала своим телом, он понял, что его риск, его ад были их общими. Она вынашивала его ребенка красиво и с любовью. Она оставила его в своем сердце даже тогда, когда ей сказали, что он погиб. И она пошла в объятия незнакомца потому, что это были объятия человека, которого она любила даже за пределами смерти.

Он чуть отстранился, в его глазах пламенели чувства, которыми отныне он всегда будет с нею делиться. Больше не будет ни тайн, ни теней. Прошлое превратилось в страшный сон, но больше он не вернется.

— Теперь у меня есть жизнь, которую я могу с тобой разделить — безопасная, добрая жизнь. Я пришел, чтобы найти тебя, жениться и увезти тебя с собой — если ты захочешь.

Каприс улыбнулась: ей не нужны были объяснения. Куин не вернулся бы, если бы не мог предложить ей всего себя.

— Да.

Так легко, когда должно было бы быть трудно. Даже если он всю оставшуюся жизнь будет рядом с нею — и тогда он не сможет отплатить ей за ее верность и доверие.

— Когда?

— Сегодня. Сию минуту. Это не имеет значения.

Его улыбка была такой же, как ее — открытой, радостной, теплой.

— Нет. Это будет здесь. Твои родные захотят присутствовать. И я хочу, чтобы они присутствовали. — Он посмотрел на ее живот. — Я тебя люблю. — Он заглянул ей в глаза. — Я готов умереть за тебя.

Она обхватила ладонями любимое лицо, заново узнавая его очертания.

— Знаю. Ты мне это доказал. Но смертей больше не будет. Только жизнь. Наша. И наших детей.

Он нежно прижал ее к себе и приник к ее губам в поцелуе, сказавшем гораздо больше, чем можно было выразить словами. Когда поцелуй оборвался, Каприс тихо рассмеялась.

— Этот звук мне очень нравится.

Она встряхнула головой, смеясь все громче.

— Я только что подумала об одной вещи.

Он поднял брови. Ему казалось, что он на седьмом небе, что у него не осталось никаких забот.

— О какой?

— Было бы мило, если бы ты мне представился. Мне, право, не хотелось бы по ошибке дать брачные обеты кому-нибудь не тому — и все только потому, что я не знаю, как тебя зовут!

Дариан запрокинул голову и от души расхохотался. Жизнь прекрасна. Он обнимает любимую, его ребенок шевелится у нее под сердцем.

— Я, моя будущая супруга, — Дариан Кинг Маклауд, владелец ранчо в Оклахоме. Но друзья зовут меня Дар.

Ее серебристый смех свободно и радостно слился с его смехом.

— Какое у тебя хорошее имя, Дар, мой будущий муж.

mir-knigi.org